

ВОСЬМОЙ СТРАЖ

СТРАЖИ ВРЕМЕНИ 1

МЕРЕДИТ МАККАРДЛ

THE BEST LIBRARY

Настал День Испытаний. День, который наступает без предупреждения. День, когда все младшие и старшие школьники Академии Пил подвергаются интенсивным физическим и психологическим испытаниям, чтобы выявить, готовы ли они выпуститься и стать тайными агентами правительства. Аманда и ее бойфренд Эйб — лучшие ученики, и только что они выдержали тридцать шесть часов испытаний. Но они младшие школьники и не ждут выпуска. Это должно произойти в следующем году — они планируют вместе присоединиться к ЦРУ. Но когда объявляют выпускников, результаты шокируют. Аманду выбрали — первый младший школьник за десятилетия. И она получает возможность всей жизни: присоединиться к секретной правительственной организации "Стражи времени" и путешествовать во времени, чтобы изменять ход истории. Но чтобы стать Восьмым Стражем в этой привилегированной группе, Аманда должна попрощаться со всем — со своим именем, со своей семьей и даже с Эйбом — навсегда. Кто стоит за организацией "Стражи времени"? И может ли она доверить им свою жизнь?

Мерedit Маккардл «Восьмой страж»

(Серия «Стражи времени»)

Автор: Мерedit Маккардл

Серия: Стражи времени

Книга № 1: Восьмой страж

Переводчик: Kiki67

Редактор: Линара Аглиулина

Русификация обложки: Анна Риодан

Оформление файла: Мия Хейз

Глава 1

Мужчина в зеленом галстуке наблюдает за мной весь день. Этот галстук, да и он сам, странный. Его галстук — зеленый. Не красный и не темно-синий, что характерно для униформы этих парней, а именно зеленый. У него нет никаких причин так смотреть на меня. Я уставшая. Потная. Я прошла через ад, и это еще не конец.

Я провалила первое испытание. Мужчина должен был прекратить наблюдать за мной еще тогда.

Они подвесили меня за щиколотки и окунули вниз головой в бассейн, охлажденный до сорока градусов. У замка на цепи вокруг щиколотки был код. Алфавитно-цифровой код, передаваемый подсветкой бассейна в виде азбуки Морзе. У меня только пятнадцать секунд

под водой для того, чтобы понять его. Потом десятисекундная передышка, и снова погружение.

Но вода оказалась холодной, слишком холодной. Как только я коснулась ее, вены словно обожгло огнем. Вода забила нос, я закашлялась и подавилась. Я крутила головой, но не смогла даже найти подсветку бассейна. Они вытащили меня из воды, дали десять секунд, а потом снова окунули. Рот наполнился водой. Я закашлялась, начала задыхаться, чувствуя, что подступает рвота.

Я сдалась, как только они снова подняли меня наверх.

Наблюдатели разочарованно покачали головами. Большинство из них собрали свои вещи и сказали, что увидели достаточно. Но мужчина в зеленом галстуке продолжал смотреть на меня, промокшую до нитки, трясущуюся, подавленную полным провалом. Его взгляд оторвался от меня лишь раз, когда он вытащил маленькую поношенную записную книжку и что-то в ней быстро написал.

Он должен был отвести от меня взгляд гораздо раньше, ведь я провалилась.

Он оказался единственным, кто пришел на мое второе задание. Двое мужчин схватили меня сзади. Они кричали на меня на незнакомом языке. Возможно, это был йоруба, но не уверена. Меня кинули на металлический стул, стоящий в комнате для задержания, в которой не было ни одного окна, а потом ушли, заперев за собой дверь.

Я не думала и не дышала. Просто подпрыгнула на стуле, выдернула противопожарный спринклер и разбила термочувствительную колбу. Как только в темной комнате раздался сигнал тревоги, на меня полились холодные струи воды. Но я не обратила на это никакого внимания. Я стояла возле двери и ждала. В ту же секунду, как она открылась, я затащила провод на шее моего захватчика. Он сдался. Я провернула операцию меньше чем за тридцать секунд.

Зеленый галстук с одобрением кивнул головой, что-то записал в книжке и ушел.

А сейчас я стою с завязанными глазами на деревянной платформе, висящей в двадцати футах над землей.

— Повернись, — командует голос.

Я подчиняюсь, и повязка исчезает с лица. Передо мной холмы западной части Массачусетса, покрытые оранжевыми, желтыми и красными листьями, которые создают причудливые узоры и радуют взгляд. Я не имею понятия, сколько сейчас времени. Никакого. Вроде светло, но серое небо затянуто тучами, поэтому не видно солнца. Может быть и семь часов утра, и три часа вечера. На данный момент я бодрствую как минимум сутки.

— Посмотри вниз.

Я так и делаю. Подо мной лабиринт, сконструированный из фанеры. На нем невозможно сосредоточиться, его изгибы и повороты просто сливаются в один гигантский слой. Я закрываю глаза и на секунду даю им такой ценный отдых. Когда я, наконец, открываю их, все встает на свои места. Лабиринт. Размеры сорок пять на сорок пять метров. Огромный. Вот вход. Там выход.

— Осталось пять секунд, — говорит мужчина, стоящий рядом со мной.

Мои глаза сканируют лабиринт, стремительно прокладывая путь от входа к выходу, минуя все повороты. Право, лево, какие-то прямоугольного вида спирали внутри лабиринта. Все просто. Слишком просто.

— Время вышло, — говорит мужчина. Я все запомнила. Налево, три поворота направо. Два налево, а затем два направо. Три налево. И один направо к выходу.

Но мне почему-то не по себе. Этот путь слишком прост.

Я сбегая по ступенькам вниз и направляюсь к женщине, которая стоит на входе в лабиринт с секундомером в руках. Она смотрит на свой планшет, делает в нем отметку, а потом переводит взгляд на меня.

— Готова? — спрашивает она бесцветным голосом. Никакого сочувствия. Как и ожидалось.

— Да, — говорю ей, затягивая потуже хвост. Даже если это не совсем правда. Мне просто хочется со всем этим поскорее покончить.

Я тяжело вздыхаю и замечаю толпу, собравшуюся посмотреть на меня. Такое ощущение, что все, кто потерял ко мне интерес после первого испытания, снова здесь. Они так быстро поменяли свое мнение. Мне хочется рассмеяться, но тут взгляд падает на мужчину в зеленом галстуке. Меня критически изучают, оценивают как реального кандидата. У меня внутри все переворачивается.

— Вперед! — говорит женщина, нажимая на секундомер. Я делаю еще один вдох и несусь в лабиринт.

Несколько шагов, и я устремляюсь налево, а потом бегу до самого конца, пропуская два поворота: там тупики. А вот теперь направо. Поворачиваю направо еще раз и продолжаю бежать. Никаких препятствий. Этого просто не может быть. Должно быть хоть что-то. Опять направо и...

Неожиданно прямо передо мной выпрыгивает мужчина, с головы до ног одетый во все черное, и я вскрикиваю. Его левая рука хватается меня за ворот рубашки, а правая прижимает острие ножа к подбородку.

— Попалась, — говорит он.

Я не смотрю ему в глаза. Никогда не делайте этого. Вместо этого я пристально изучаю его грудь и положение руки. А потом резко отклоняюсь назад.левой рукой хватаю его за правое запястье, делаю захват локтем, вынуждая опустить нож. Отвожу левую ногу на шаг назад, опираюсь на нее и забираю нож.

Все про все заняло около двух секунд.

— Простите, что вы там говорили? — спрашиваю я.

Глаза мужчины округляются, потом он поднимает руки, признавая поражение, и убегает в начало лабиринта. Подальше от меня.

Только теперь я могу вздохнуть и посмотреть на свои руки — они трясутся.

Я поднимаю нож, а потом в третий раз поворачиваю направо и сразу же налево. Где-то должен быть еще один поворот налево. Прокручиваю остаток маршрута в голове.

Два налево, потом два направо. Три налево. Один направо к выходу.

Нужно повернуть налево, но когда. Слишком много поворотов. Один — направо — прямо передо мной, но что-то подсказывает мне, что это не он. Думаю, что нужно повернуть налево на следующем повороте. Или после него? Я не могу позволить себе запутаться. Просто не могу. Сконцентрируйся!

Закрываю глаза и представляю себе лабиринт. Наверно, второй поворот налево — тот, что нужен.

Я поворачиваю и иду по длинному коридору. Вроде так и должно быть. Первый поворот направо, сразу же за ним еще раз направо. Высоко держу нож перед собой, защищая лицо. Судя по всему, я преодолела уже больше половины лабиринта и должна столкнуться с кем-то еще. Должа...

Щелчок.

Я оборачиваюсь и вижу оружие, направленное мне в лицо. Его владелица — девушка. Примерно моего роста, состоящая из одних мускулов. Она выглядит моложе меня, но я точно знаю, что ей должно быть не меньше восемнадцати.

— Брось нож, — говорит она мне.

— Или что? Выстрелишь в меня?

— Да, — отвечает она.

Я смотрю на оружие. Это черная полуавтоматическая винтовка стандартной комплектации. Похожа на те, с которыми мы тренируемся здесь. Но есть одно отличие.

— Это маркер для пейнтбола, — говорю я.

Девушка даже не моргнула.

— А в тебя когда-нибудь стреляли из него с близкого расстояния?

Стреляли. Это чертовски больно и оставляет синяки, которые не сходят как минимум две недели.

— К тому же, — говорит девушка, — если я выстрелю, ты провалишь испытание. А сейчас брось нож.

Мысленно выругавшись, я кидаю нож перед собой. Он с грохотом падает на фанерный пол. Я стою, вытянув руки по швам, и жду. Жду подходящего момента.

— Руки вверх, — говорит девушка.

Вот он и настал.

Я поднимаю руки и хватаюсь за ствол винтовки. Резко дергаю и отвожу его от себя. Чтобы обезоружить человека, не требуется большого мастерства. Нужно перенаправить оружие противника, сдвигая его в сторону, а потом выкрутить из рук нападающего. Сломанные пальцы при этом — обычное дело.

Я выполнила пункт один и два, но не думаю, что от меня ждут, что я попорчу ей личико или переломаю кости. Поэтому произвожу простейший удар локтем и даю ей возможность уклониться.

Девушка отдает мне винтовку, отступает и поднимает руки вверх:

— Отлично сработано, — говорит она и кивает мне на выход из лабиринта.

Я забрасываю оружие за плечо и бегу. В венах бурлит адреналин. Поворачиваю налево. Я почти у цели. Последний поворот налево в длинный коридор. В нем несколько поворотов налево, но я бегу мимо.

Направо. Выход — направо.

Вот он, впереди. Я ускоряюсь. Мои шаги гулко раздаются по всему коридору. Почти у цели. Еще раз направо и...

Я опускаю руки по бокам и резко торможу. Пол совсем другой. Качество древесины. Высота. Это большой квадратный участок, сконструированный из другого сорта фанеры, и он на сантиметр выше. Я выглядываю за угол и внимательно осматриваюсь. Выход здесь, прямо за поворотом, но этот участок настолько большой и так хитро расположен, что я не могу его перепрыгнуть. Опускаюсь на четвереньки, чтобы получше разглядеть. Зуб даю, что это финальное препятствие. Бомба.

Так и есть. Обычная мина с нажимной крышкой. Делаешь шаг... и тебя больше нет.

Я облегченно выдыхаю. Я хорошо в них разбираюсь. Как и большинство женщин. По бокам две защелки, их просто нужно отстегнуть, стараясь при этом не сдвинуть крышку больше, чем на полсантиметра. Иначе работает. Мужчины обычно прикладывают слишком

много сил. Этаким комплекс мачо, а в результате сносит пол-лица.

Я аккуратно отстегиваю первую защелку, затем отодвигаюсь назад, чтобы снять вторую. И тут мои руки начинают трястись. Выход так близко. Я вижу его. Я так хочу, чтобы все поскорее закончилось. Зубы тоже начинают стучать. Я пытаюсь ровно дышать, сжимая и разжимая пальцы. Я так близка. Я смогу.

Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться, а потом хватаюсь пальцами за металлическую защелку и медленно-медленно начинаю отстегивать ее.

Застряла.

О нет! Отпускаю ее, и она становится на место. Меня всю трясет. Ну почему этот день все никак не закончится? Я выдыхаю оставшийся в легких воздух. Возьми себя в руки. Едва давлю на защелку, потом чуть-чуть расшатываю ее. Есть! Обезврежена.

Надеюсь.

Я встаю и три раза подпрыгиваю, чтобы разогнать кровь. Я так близка. Выход только один. Я прыгаю на мину.

Ничего не происходит.

Я выдыхаю. *Я сделала это!* Нет, конечно же, они не дали бы мне подорваться, но это не прошло бы для меня без последствий.

Выход в нескольких шагах от меня. Я бросаюсь вперед, из лабиринта, на землю. Раздается удар гонга.

Я лежу в грязи, тяжело дыша и дрожа. Надо мной нависает женщина с секундомером:

— Семь минут, четыре и тридцать восемь сотых секунды, — говорит она.

Я заставляю себя сесть. Без понятия, хорошее ли это время или худший результат за всю историю. А вот и мои наблюдатели. Большинство из них уже повернулось на выход, к кампусу, некоторые склонились над своими планшетами. Но этот мужчина продолжает смотреть на меня. Опять. И делает заметки в записной книжке.

Я отвожу взгляд и встаю. Каждый мускул в теле протестует. Сейчас я с легкостью убила бы за горячую ванну и постель.

— Тебя проводят в кампус, — говорит женщина с секундомером. Я никогда не видела ее раньше, как и других проверяющих, которые появились в кампусе вчера, а может, уже и два дня назад? Но в этот момент я просто ненавижу ее.

Не могу поверить, что мне придется пережить это снова в следующем году.

А вот и моя сопровождающая. Я знаю ее. Это Катя Британова. Второкурсница, живет в моем общежитии, этажом ниже. У нее просто невероятно огромное количество всякой ерунды с «Хелло Китти». Хотя оно, конечно, меркнет перед ее коллекцией ножей Боуи.

— Ну как? — шепчет Катя, как только мы отошли.

Я качаю головой, давая понять, что не очень. Левой ногой ступаю на тротуар, и все тело пронзает резкая боль. Ставлю правую — она начинает дрожать. Катя подхватывает меня и помогает удержать равновесие.

— Он прошел? — спрашиваю ее.

— Мне нельзя говорить об этом...

— Катя, ну же. Он прошел?

Катя кивает головой:

— Закончил около часа назад.

Мы молча тащимся вперед. Для меня День Испытаний закончился. До следующего года. А потом... о боже... мне снова придется это делать.

Хотя, конечно, мне не стоит жаловаться. Я знала, что этот день настанет, с тех пор как мне исполнилось четырнадцать, и я получила письмо, поздравляющее меня с поступлением в Академию Пил. Самое удивительное, что я никогда не подавала в нее документы. И никогда даже не слышала о ней.

В отличие от моей мамы. Когда мы получили письмо, она заперлась в ванной и плакала три дня подряд. И это не преувеличение. Так и было. Под дверью образовалась целая куча тарелок с едой. Телефон трезвонил часами. Мольбы бесполезны. Переговоры не ведутся. Мое беспокойство переросло в гнев, а затем в презрение.

Когда неделей позже нас посетила представитель школы, одетая в красный костюм, состоящий из юбки и пиджака с американским флагом на отвороте, она прошептала магические слова, которые и предопределили мое решение: выход из-под родительской опеки. На тот момент мне было все равно, кто эта женщина и что за Академия. Это был мой билет из Вермонта. А потом женщина рассказала, что это заведение находится на обеспечении Правительства и принимает только избранных студентов с многообещающей родословной. Тогда я и поняла.

Я была избрана из-за отца.

Мы с Катей прошли через железные ворота, ведущие к главному корпусу. Она ведет меня мимо здания, где находятся научные лаборатории, мимо одного из общежитий, администрации, прямоком в столовую. У входа стоит еще один второкурсник-охранник, Блейк Сикорски. Он помечает галочкой мое имя в списке на своем планшете и кивком разрешает пройти внутрь. Катя сжимает мое плечо и убегает вниз по лестнице.

В столовой, куда ни глянь, везде спящие тела. И младшие, и старшие школьники лежат в таких позах, которые ну никак нельзя назвать удобными. Хотя когда ты бодрствуешь столько времени и при этом прошел через такие испытания, то о комфорте начинаешь думать в последнюю очередь.

Я замечаю сидящего в углу и опирающегося спиной о стену Эйба. Он не спит, но выглядит как зомби, уставившись вперед и не моргая. Сердце начинает биться чаще. Никто не заставлял его дожидаться меня. Но он, конечно же, это сделал.

Он услышал меня только тогда, когда я уже была в нескольких шагах от него. Эйб поворачивает голову, и его глаза тут же проясняются, а рот растягивается в улыбке.

— Я бы поприветствовал тебя стоя, но...

— Не бери в голову, — говорю я. У меня подгибаются колени, и я падаю на пол возле него. — Вот дерьмо, я вымотана донельзя.

Эйб хихикает:

— Что, больше никаких бранных словечек?

— Я слишком устала, — я складываю руки на груди и закрываю глаза. Эйб ненавидит ругательства. Всегда ненавидел. Он говорит, что это показатель небольшого словарного запаса. Но я выросла в доме, где слова из четырех букв были обычным делом, поэтому Эйб привык слышать их от меня.

Но не сейчас. Я не шучу, у меня просто нет сил.

С трудом открыв один глаз, я смотрю на часы на стене. Без нескольких минут четыре вечера. Таким образом, я бодрствую уже тридцать четыре часа.

Церемония выпуска в Пил довольно сильно отличается от церемоний в большинстве других учебных заведений. У нас нет ни шапочек, ни мантий, ни длинных церемоний со скучными речами. Зато есть День Испытаний. Один раз в год без предупреждения в школу

прибывает группа проверяющих. Это может произойти и в сентябре, и в мае. День Испытаний всегда начинается ночью, после длительного и тяжелого рабочего дня, когда ты устал и еле держишься на ногах. А тут — сюрприз! — начинается веселье.

Первая часть — двенадцатичасовой письменный тест, тянущийся до самого рассвета. Вопросы охватывают области физики, биологии, истории, географии, исчисления и компьютерного программирования. Есть также и задания по этике. Вот, например:

Вас заперли в одной комнате с известным террористом, заложившим бомбу в Вашингтоне, которая должна сработать через тридцать минут. У вас есть дрель, плоскогубцы и ведро с литром воды. Ваши действия? (Подсказка: правильный ответ не имеет ничего общего с вышеупомянутыми средствами.)

После этого на очереди физические испытания. За все время существования Академии они не повторялись ни разу. Каждый младший и старший школьник в Пиле проходит это тестирование. Хотя я и не понимаю, зачем это нужно младшим курсам. За более чем тридцать лет ни один учащийся не выпустился из Академии, будучи младшекурсником.

Тем не менее, я все еще не могу избавиться от тянущих ощущений в животе при мысли о мужчине в зеленом галстуке, который так внимательно наблюдал за мной сегодня. Воспоминание о его пронизывающем взгляде заставляет меня содрогнуться.

— Знаешь, я не смогла закончить первое испытание, — признаюсь я, уютно устроившись головой в таком знакомом укромном уголке под мышкой Эйба.

— Ничего страшного, — уверяет он меня. — Это же просто проверка сил, помнишь? В следующем году мы снова будем проходить через это.

— Думаю, у меня не будет следующего года.

Эйб сидит, закрыв глаза, но услышав мой ответ, приоткрывает один и искоса смотрит на меня:

— Конечно, будет. Мы младшекурсники.

— Там был один мужчина, — говорю я. — Он наблюдал за мной весь день.

Эйб открывает второй глаз:

— На нас смотрела куча народа.

— Но не так. Этот мужчина смотрел чересчур внимательно. Это выглядело пугающе.

— Вероятно, он из ЦРУ, — говорит Эйб. — Они там все такие.

Я молчу. Мне хочется верить ему. Больше девяносто процентов из нас окажутся в ЦРУ. Нас призывают в восемнадцать лет, и, должна признаться, это отличная возможность. Нас отправляют в Лэнгли, а оттуда в Джорджтаун на подготовку. И не думайте, что выходные мы проводим как нормальные студенты на вечеринках с кучей алкоголя или в библиотеках, пытаюсь впихнуть в свои головы знания перед экзаменами. Нет, мы проводим их в Мумбаи или Мосуле, или Маниле, грабя банки или забираясь в спальни мирных жителей. После шести месяцев жестких тренировок без сна мы готовы к работе.

Мы все полагаем, что именно это наше будущее. Эйб и я тоже никогда не сомневались в этом. Мы вместе вот уже два года, с самой первой недели учебы. Тогда же мы начали планировать и свое совместное будущее. Эйб уверен, что хочет быть специалистом по техническим вопросам в области науки и технологий (да-да, парень, от которого я без ума, компьютерный гений), а я хочу стать тайным оперативным агентом. Конечно, это значит, что мы будем много времени проводить порознь, так как он будет работать в Вашингтоне, а я — по всему миру, но Эйб уже провел исследование, в каком районе столицы лучше всего приобрести квартиру, которой суждено однажды стать нашим семейным гнездышком (да-да,

мой парень к тому же просто образец парня мечты любой девушки).

— Эй, — нежно шепчет Эйб, поворачивая мою голову к себе. — Не переживай. Ты еще не выпускница.

— Но...

— Одно слово, — прерывает он меня. — Тайлер Фертиг.

— Это два слова.

— Тайлер. Фертиг, — повторяет Эйб. — Если он не закончил Академию, будучи младшекурсником, то ты тем более.

Я киваю головой. Он прав. Конечно же, он прав. Два года назад Тайлер Фертиг был младшекурсником, а мы только поступили. Прости меня за мой французский, Эйб, но в День Испытаний Тайлер Фертиг порвал всех. На письменном тесте он дал только один неправильный ответ, — один! — а в физических испытаниях превзошел всех старшекурсников. В тот же вечер на банкете, во время которого на сцену вызываются выпускники, чтобы руководство Академии вручило этим счастливицам конверты с назначениями, имя Тайлера не было упомянуто. Он сидел за соседним столом, и я видела его реакцию. Шок, отрицание, затем злость. Он встал, запустил свою тарелку через весь стол и бросился вон из зала. Я никак не могла понять тогда его реакцию, но сейчас знаю, почему он был так зол. День Испытаний — это отстой. Должно быть, он был уверен, что ему не придется проходить через этот ад еще раз.

Эйб прав. Мое время еще не пришло.

Сегодня я буду спать в своей кровати, а завтра у нас лекции профессора Копельмана по международным отношениям. Скоро наступит осень, а там, не успеешь оглянуться, и каникулы. Мы отпразднуем День Благодарения с мамой, Хануку — с семьей Эйба, а потом нагрянем к ним с мамой еще и на Рождество. Все будет так же, как в прошлом году. Как будет и в следующем.

Я устраиваюсь поудобнее на плече Эйба — он поворачивается и обнимает меня.

— Я скучал по тебе и очень хотел, чтобы ты была со мной, — шепчет он мне в ухо, а потом целует его.

— От меня, наверное, пахнет, как отдохнувшей кошки.

Он смеется и целует меня в шею.

— Эй, мы не одни, — шепчу я, придвигаясь поближе к нему.

— Здесь только зимующие медведи.

— Сейчас мне хотелось бы быть одной из них.

Эйб переплетает свои пальцы с моими.

— Поддерживаю тебя, — он замолкает, но через некоторое время тихо шепчет мне: — Я люблю тебя, Мэнди.

— Я тоже люблю тебя, Эйби-бэйби, — закрыв глаза, отвечаю я.

А потом меня вырубает.

Глава 2

Меня разбудил пронзительный свист. Я приоткрыла глаз и сразу же зажмурила его, ослепленная ярким светом. Судя по всему, я проспала совсем недолго. За моей спиной ворчит Эйб.

— Вы что, издеваетесь? — он медленно поднимается. — Шесть часов?!

— Утра или вечера? — спрашиваю я, хотя тело и так знает ответ на вопрос.

— Вечера, — подтверждает Эйб.

— Учащиеся! — раздаётся голос.

Я заставляю себя открыть глаза и сесть, опираясь на Эйба. На входе в столовую, положив руки на пояс, стоит директор Вон.

— День Испытаний подошел к концу, все решения приняты. У вас есть час, чтобы принять душ, переодеться и вернуться сюда на банкет.

Все встают, недовольно ворча и охая. Первым поднимается Эйб и подает мне руку.

— Как бы я хотел не идти на этот идиотский банкет, — говорит он, придерживая мне дверь. Резкий порыв холодного осеннего воздуха заставляет меня вздрогнуть.

— Ты что, не хочешь узнать, кого куда направляют? — спрашиваю я. Мы срезаем путь и идем мимо научных лабораторий, напрямиком во двор.

— А смысл? Думаю, я и так могу сказать, куда отправится каждый из выпускников. Смотри, вон та, — он показывает на Регину Браун, открывающую дверь в свое общежитие, — ЦРУ. И этот, — Стивен Дифазо, входящий в другое здание, — ЦРУ. О, а вон те, — Бекка Штейн, Якоб Ву и Мария Базан, — ЦРУ, ЦРУ, ЦРУ.

— А что насчет вот этой девушки? — показываю я на себя.

— ЦРУ, — отвечает Эйб, улыбаясь. — Но только в следующем году.

Мы остановились у входа в Арчер-холл, мое общежитие.

— Уверен?

Эйб поднимает бровь:

— Помнишь, что сказал профессор Сэмуэльс в самый первый день практических занятий?

Помню. Нас выстроили в линию вдоль стены, а профессор Сэмуэльс критически оценивал то, как мы выглядим, и на основании этого делал свои выводы. Такое бы не прошло в любой другой школе, но только не в Пиле.

Когда Сэмуэльс добрался до меня, его лицо осветила улыбка:

— Твоя внешность, моя дорогая, — сказал он, — этнически неоднозначна. Уверен, через четыре года ЦРУ оторвет тебя с руками и ногами, — а потом двинулся дальше.

Если честно, поначалу я была смущена и немного обижена, но чем больше времени я проводила, маскируясь под других людей на занятиях, тем очевиднее становилось, что в словах профессора Сэмуэльса была доля правды. Я унаследовала внешность от матери, в которой смешалась кровь румын, марокканцев, испанцев и немного бруклинской. У меня ее густые, волнистые, темно-каштановые волосы, тонкий нос, высокие скулы и оливковая кожа. Я была очень удивлена, обнаружив, что при помощи правильно подобранной одежды и легкого макияжа меня можно принять за представительницу ряда различных национальностей.

Думаю, то, что сказал профессор Сэмуэльс несколько лет назад, абсолютно точно. ЦРУ — мое будущее.

Но я спрашиваю Эйба не об этом, а уверен ли он в том, что мое назначение произойдет лишь в следующем году. Я не требую от него другого ответа. Но образ зеленого галстука прочно засел у меня в голове.

Эйб нагибается и целует меня в лоб:

— От тебя довольно сильно воняет.

Я шутливо отталкиваю его:

— Ну, от тебя тоже пахнет отнюдь не как в универмаге «Аберкромби».

Он дарит мне еще одну улыбку и бежит в сторону Мейс-холл, своего общежития в

противоположной стороне двора. Я смотрю на него несколько секунд, а потом открываю дверь. Кто-то зажег камин в комнате отдыха. Несколько младшекурсниц устроились в креслах перед потрескивающим огнем. И я не виню их за это. В общей комнате так тепло и уютно. Но при этом мне не хочется оказаться в очереди в душ, когда в нем закончится горячая вода.

Я поднимаюсь по лестнице, любуясь грязными кроссовками, и даже не осознаю, что кто-то спускается мне навстречу, пока мы не сталкиваемся.

— Ой! Извини! — говорю я, поднимая голову. Это Катя.

— О, привет, — говорит она, отводя взгляд, втягивая плечи и протискиваясь мимо меня.

Я хватаю ее за руку. Что-то не так. Совсем не так. Катя не из тех людей, которые смущаются. Она платиновая блондинка (крашеная) с волосами до талии и длинными ногами. Одна из лучших в Пиле в ближнем бое. Никто так не управляется с ножом, как Катя. И она прекрасно об этом знает. Катя не ходит, а вышагивает с гордо поднятой головой. Она душа любой вечеринки, всегда готовая выслушать и поддержать. Катя не из тех девушек, кто будет втягивать плечи и пытаться проскользнуть незамеченной.

— Что происходит? — спрашиваю я ее.

— Ничего, — говорит она. Я знаю, что она обманывает, потому что даже не пытается ослабить мою хватку. Хотя могла бы за секунду перегнуть меня через лестничные перила.

— Катя, что происходит?

Она тихо вздыхает:

— Я не знаю, — я смотрю на нее строгим а-ля я-не-спала-вечность-так-что-просто-расскажи-мне-уже-все-как-есть взглядом, позаимствованным у мамы. — Честно, не знаю. Единственное, что могу сказать, так это то, что, когда День Испытаний закончился, директор Вон вернулся в свой кабинет в сопровождении мужчины. Я была в здании администрации и сортировала файлы. Он назвал твое имя дважды, но я не слышала, о чем они говорили. А потом дверь закрыли.

— И ты больше ничего не знаешь?

— Нет. А сейчас, может, отпустишь мою руку, чтобы мне не пришлось ломать тебе пальцы?

Так и делаю. Я даже не осознавала, что держала ее так крепко. На ее руке четыре красные отметины от моих пальцев.

— Извини, — бормочу я.

Катя уже на середине комнаты.

— Катя! — кричу ей.

Она оборачивается.

— Какого цвета его галстук?

Катя хмурит нос:

— Вона?

Мне приходится сдерживать себя, чтобы не закричать:

— Нет, другого мужчины.

— А. Не уверена.

— Пожалуйста, постарайся вспомнить. Хотя нас этому и не учили, но все же.

Катя приподнимает уголки губ в улыбке, закрывает глаза, а через несколько секунд открывает:

— Зеленый. Я почти на сто процентов уверена, что зеленый.

Ощущение такое, как будто невидимый кулак врезался мне в живот.

— Спасибо, — тихо говорю я ей. Страх сжимает сердце все больше по мере того, как я поднимаюсь по лестнице. Стоя в душе под теплой водой, я думаю о том, что сказал Эйб. А также о Тайлере Фертиге. Меня не выберут сегодня. Нет.

К сожалению, плохое предчувствие невозможно смыть вместе с потом и грязью.

Эйб уже сидит в столовой, за нашим обычным столиком. Он кивает головой на стул, который занял для меня. Пробираясь к месту, я не отвожу глаз от Эйба. Его нельзя назвать привлекательным в общепринятом смысле этого слова: у него глубоко посаженные глаза, кривоватые зубы и нос, переломанный столько раз, что врачи уже просто сдались. Но для меня он самый красивый парень в мире.

Я усаживаюсь на свое место как раз вовремя — на сцену поднимается директор Вон.

Он прочищает горло и поправляет галстук. Его седые волосы даже не пошевелинулись, когда он нагнулся к микрофону.

— Сегодня мы открываем дорогу в большой мир группе очень талантливых, одаренных студентов.

Студентов. Он сказал «студентов». Не старшекурсников. Я напрягаю мозг, пытаюсь вспомнить, что он говорил в прошлом году.

— В этом году некоторые принятые решения удивили даже меня.

Удивили? Типа... что выбрали учащегося младших курсов? О нет. О нет, о нет, о нет. Отодвигаю тарелку с салатом, которая стояла на столе и поворачиваюсь к Эйбу.

— Я люблю тебя, — шепчу я ему.

Он наклоняет голову ко мне, но не поворачивает ее:

— Ага, и я тебя тоже люблю.

Директор Вон продолжает:

— Но, перед тем как мы начнем, приглашаю вас всех насладиться едой, — он разводит руки в стороны, и кухонный персонал вносит подносы с блюдами, накрытыми серебряными крышками.

— Ты будешь меня ждать? — еле слышно спрашиваю я.

На этот раз Эйб поворачивает голову:

— О чем ты говоришь? Зачем ждать?

Официант снимает крышку с блюда жаркого и ставит передо мной, но я отодвигаю его туда, где уже стоит тарелка с нетронутым салатом.

— Если меня сегодня выпустят, ты дождешься меня?

Эйб трясет головой:

— Тайлер Фертиг, — напоминает он.

— Эйби, у меня предчувствие. И я нервничаю.

Эйб кладет свою вилку на стол и сжимает мою руку:

— Эй, — говорит он спокойным, обнадеживающим голосом, так хорошо знакомым мне. — Сегодня был День Испытаний. Так и должно быть. Но уверяю тебя, через час этот банкет закончится, и ты будешь спать в своей кровати.

— Гарантируешь?

— Да, — он так уверен в этом. Я просто не могу сказать ему, что его слова меня совсем не успокаивают. Поэтому я улыбаюсь.

Эйб убирает свою руку, накалывает на вилку картошку и отправляет ее в рот. Потом он поворачивается к Аарону Зиммеру, который сидит слева от него, и присоединяется к

разговору о сегодняшнем водном испытании.

Я сижу, уставившись в тарелку с едой. Я не голодна, хотя и не ела со вчерашнего вечера. Мне ничего не лезет в рот. Пытаюсь погрызть морковь, но тут же оставляю эти попытки: к горлу начинает подступать тошнота.

После того как со столов убирают тарелки и приносят кофе и чизкейки, директор Вон вновь занимает место на сцене.

— Мои поздравления присутствующим. Те, кто сегодня выпускаются, уже видели церемонию.

Я начинаю нервно дергать ногами. Он определенно осторожен со словами и намеренно ни разу не сказал «старшекурсники».

— Назначения строго конфиденциальны, — это и так понятно, — когда я назову Ваше имя, то вручу Вам конверт, который вы можете открыть только в секретной комнате. Оглянитесь и попрощайтесь друг с другом, студенты, потому что вы видите в этой комнате в последний раз.

Оглянитесь, *студенты*. Я наклоняюсь и упираюсь локтями в бедра. Мои ноги начинают дергаться еще сильнее.

Эйб кладет руку мне на спину, а затем склоняется поближе:

— Ты в порядке? — в его голосе слышится искреннее переживание.

Я трясусь головой.

— Мэттью Алдер, — произносит директор. Парень, сидящий через несколько столиков от нас, поднимается и под бурные аплодисменты направляется к сцене.

— Эй, — шепчет Эйб, — все будет хорошо. Обещаю.

Ничего не будет хорошо.

Директор уже закончил с фамилиями на А и перешел к Б. Наша школа небольшая, так что все происходит очень быстро. Когда он доходит до М, я перестаю дышать.

— Алиса Моррисон, — я слышу, как Алиса отодвинула стул, но не могу заставить себя повернуться и посмотреть.

— Порция Николс, — мы подбираемся все ближе и ближе.

— Самита Нори, — мое сердце останавливается. Время замедляется. Вот он, этот момент. Следующей должна быть я. *Пожалуйста, умоляю, пожалуйста, нет*. Я не готова проститься с Эйбом. Пока еще нет. Не сегодня.

Я смотрю на Вона, мечтая, чтобы он перескочил сразу на П. Лицо директора становится непроницаемым, и он кладет руки на кафедру.

Молчание.

А потом он произносит:

— Аманда Оберман.

Никто не аплодирует. Все как один открывают рты. Чувствую, что все головы в помещении повернулись в мою сторону. Как это могло произойти? *Почему? Я провалила водное испытание. Я показала средний результат. Почему, почему, ну почему?!*

Директор Вон прочищает горло. Я не смотрю на него. Но он пристально разглядывает меня. Я же смотрю на Эйба. У него отвисла челюсть, а глаза на мокром месте. Он наклоняется и сжимает мою левую руку.

— Аманда Оберман, — строже повторяет директор.

Я отодвигаю стул и встаю. Царапающий пол звук эхом разносится по залу, набитому ошеломленными учащимися.

— Я дождусь тебя, — с трудом произносит Эйб. — А ты меня. Нужно подождать всего лишь год. Один год.

Я сжимаю его руку в ответ:

— Всего один год, — шепчу я ему и иду к сцене. Еле переставляя ноги, подхожу к директору Вону. Он сдержанно улыбается мне, вручая простой белый конверт с моим именем в центре. Я беру его и смотрю на одноклассников. Они все одинаково шокированы. Я отворачиваюсь.

Логика подсказывает, что нужно радоваться, ведь я самый молодой учащийся, когда-либо закончивший Академию. Это честь. Привилегия. Но сердце тянет меня обратно к месту за столом рядом с Эйбом. К месту, которому я принадлежу.

Директор жестом направляет меня к двери, ведущей в конференц-зал. Столовая кружится перед глазами. Чтобы прийти в себя, смотрю на американский флаг на левом лацкане пиджака директора, а потом на значок с изображением орла, приколотого с правой стороны. Хотя у меня настолько кружится голова, что он кажется мне больше похожим на ястреба с химической завивкой. Медленно, шаг за шагом, я направляюсь к двери. Ноги сами несут меня, потому что голова просто не работает. Перед тем как открыть дверь, я оглядываюсь на Эйба. Последний взгляд за год. Он прижимает сжатую в кулак руку к сердцу, как будто пытаюсь удержать его в груди. Я повторяю этот жест и открываю дверь.

В комнате только один человек. Мужчина. Мужчина, который так внимательно наблюдал за мной. Мужчина в зеленом галстуке.

— Кто вы? — спрашиваю я.

Мужчина выпрямляется. Он высок, элегантен, но выглядит устрашающе, напоминая мне наемного убийцу. Его светло-каштановые волосы коротко подстрижены, но недостаточно, чтобы скрыть тонкий шрам, пересекающий череп. Хотя он и одет в костюм, очевидно, что мужчина накачен, не так, как бодибилдер, но достаточно для того, чтобы хорошенько подумать, прежде чем вступать с ним в драку. Уверена, он обучался каким-нибудь боевым искусствам. Я пытаюсь угадать, сколько ему лет, и прихожу к выводу, что он был бы ровесником моего отца, если бы тот был жив.

При мысли об отце сердце на секунду пронзает острая боль. Жаль, что его нет рядом. Сейчас он нужен мне как никогда.

— Открой конверт, — говорит мужчина.

Я смотрю на свое имя на конверте, а потом переворачиваю его. Он запечатан красным воском, на котором виднеется символ. Подношу его поближе, чтобы хорошенько рассмотреть. Это сова. Не какая-то мультяшная, а жуткая, готовая в любой момент выклевать глаза, птица. Я поднимаю голову. Насколько мне известно, ЦРУ не использует этот символ.

— Давай скорее, — говорит мужчина.

Ярываю печать и открываю конверт. В нем лежит один единственный свернутый пополам листок бумаги. Я разворачиваю его и недоуменно смотрю на буквы. Это не ЦРУ и даже не ФБР. Нет, в центре причудливым почерком, давно вышедшим из моды, пером выведено:

СТРАЖА ВРЕМЕНИ

— Что, черт возьми, за Стража времени? — спрашиваю я, поднимая взгляд на мужчину.

А потом вскрикиваю. Он стоит всего в нескольких дюймах от меня и держит в руках черный полотняный мешок. Я сразу же понимаю, что должно произойти, поэтому бросаю письмо и встаю в стойку, готовая сражаться до последнего. Но я опоздала. Черный мешок

опускается мне на голову, и я вдыхаю приторно-сладкий запах, определенно химического происхождения.

Хлороформ.

Я пинаюсь.

Кричу.

— Нет!

Я не могу дышать.

Я не могу...

Глава 3

Я открываю глаза. В них сразу же появляются блики. Постепенно расплывчатые формы становятся все четче. Я лежу. На потолке горят флуоресцентные лампы, включенные на полную мощность. Я опускаю подбородок на грудь и шурюсь. Очень хочется пить и сильно болит голова.

Где я?

Я пытаюсь поднять руки, но не могу даже пошевелить ими. Я связана. Поворачиваю голову вбок. В руке торчит игла, через которую из меня, а может, и в меня переливают кровь.

Я лежу на каталке. Все не так. Все совсем не так. Ни одна правительственная организация не стала бы так делать. Меня похитили. Кто-то просто украл меня. Нужно выбираться отсюда.

Рядом со мной появляется мужчина. Он сменил галстук на красный.

— Привет, Ирис, — говорит он.

Я замираю:

— Меня зовут...

— Ирис, — повторяет он. — По крайней мере, с этого момента.

— Кто вы?

— Можешь называть меня Альфа.

— Где я? — клянусь, я слышу, как мое сердце колотится о грудную клетку.

— В комнате.

— Почему?

Он прочищает горло:

— Обычный медицинский осмотр.

Ага, так я и поверила.

— Зачем вы меня забрали?

— Ты выпустилась, помнишь об этом? — низким и ровным голосом отвечает он. — Ты больше не учащаяся, Ирис. Теперь ты работаешь на правительство. На меня.

Правительство. Тот листок, который мне вручил директор Вон. Что в нем? Я ничего не соображаю и не могу сконцентрироваться. Но неожиданно я вспоминаю.

— Стража времени, — шепчу я.

— Точно.

— Никогда ни о чем таком не слышала.

— Потому что мы секретная организация.

Позади меня открывается дверь. Я пытаюсь повернуть голову, чтобы посмотреть кто это, но мне удастся увидеть лишь боковую стену.

— Все почти готово, — говорит женский голос.

О чем этом она?

— Здесь.

Здесь? Что здесь?

Дверь закрывается, и мужчина, назвавший себя Альфой, снова появляется передо мной:

— Прости за то, что связали. Это для твоей же защиты. Ты потеряла много крови, поэтому мы ее тебе переливаем.

Потеряла много крови? Каким образом? Мое сердце бешено стучит. Меня тошнит. А как же мои тренировки? Предполагается, что я должна уметь справляться с такими ситуациями. Они учат нас сохранять хладнокровие. Но я не могу. Я не могу сейчас этого сделать.

Дыши, Аманда. Дыши.

— Скажите, что происходит, — дрожащим голосом спрашиваю я.

— Я уже сказал тебе, — говорит мужчина. — Ты новый член Стражи времени.

Он что-то держит в руке. Что-то тонкое и металлическое, типа ручки, но я знаю, что это не может быть ручка. Он прикладывает ее к моему правому предплечью, прямо под местом, где находится игла, перекачивающая в мои вены кровь.

— Будет немного больно.

У меня нет времени, чтобы взять себя в руки или даже возразить. Мужчина вонзает ее, и всю правую сторону тела охватывает боль. Я кричу. Мое тело выгибается, пытаюсь избавиться от кожаных ремней, удерживающих руки и ноги.

— Извини, — говорит мужчина, отодвигаясь.

— Освободите меня! Развяжите. Вы не можете держать меня здесь!

— Думаю, что могу. Ты принадлежишь мне, помнишь?

— Нет, не помню. Я ничего не знаю.

— Стража времени, — говорит мужчина.

— Я никогда о ней не слышала.

— Это так. Не много людей вне Организации слышали о ней, только Президент и Министр обороны. Наше существование — секрет, Ирис. Мы — Стражи времени.

Стражи времени?

Мужчина замолкает на минуту, осматривая стену, а потом снова переводит взгляд на меня:

— Мы обладаем способностью к хронометрической аугментации.

О чем, черт возьми, он говорит? Я извиваюсь в попытке освободиться от оков. Мужчина снова склоняется надо мной.

— Видишь ли, мы перемещаемся во времени и подправляем прошлое, чтобы изменить настоящее.

— Это нелепо, — практически брызгаю слюной я. — Никто не может путешествовать — перемещаться или как еще, черт побери, вы это называете — во времени. Это физически невозможно.

— Но это не так. И ты в этом убедишься.

Я делаю глубокий вдох и говорю:

— Я даю вам десять секунд, чтобы освободить меня, иначе...

— Что? — прерывает меня мужчина. — Какой у тебя план? Закричать? Так вперед. Но, думаю, я достаточно дал тебе понять, что ты застряла здесь до тех пор, пока я не разрешу тебе уйти.

Он обвивает пальцами один из кожаных ремней, удерживающий мою лодыжку, и

затягивает его потуже.

— Кто вы? — понимаю, что мой голос начинает дрожать. Плохо. Нужно успокоиться.

— Я уже тебе говорил. Ты можешь называть меня Альфа. Я руковожу Стражей времени.

Мы перемещаемся во времени, чтобы...

— Прекратите мне врать! Как вам удалось вывезти меня из школы? Там ворота и камеры повсюду. Вы не могли просто отключить меня и вынести.

— Если только у меня не было разрешения от твоего директора, — говорит Альфа. — Которое я получил в ту же секунду, как выбрал тебя. Тогда ты и стала моей.

— Что вы вживили мне в руку?

— Маячок. Я всегда должен быть в курсе твоего местонахождения.

Маячок. В моей руке маячок. От всей этой информации у меня кружится голова. Неожиданно дверь снова открывается. В этот раз я даже не пытаюсь обернуться, все равно не получится.

— Готово, — говорит тот же женский волос.

Что готово? Мое сердце стучит как сумасшедшее.

Альфа откашливается:

— Спасибо.

Через несколько секунд он склоняется ко мне, держа что-то в руке. Он разжимает кулак — теперь в его руке покачивается круглая бронзовая подвеска. Я даже не вздрагиваю, когда она перестает вращаться, остановившись буквально в миллиметрах от моего носа. Теперь я могу хорошо рассмотреть ее. Подвеска на цепочке, с выгравированной на ней совой. Такая же, как на восковой печати, которую я видела в школе.

— Что это? — произношу я шепотом.

— То, что дает нам возможность перемещаться во времени.

— Это подвеска.

— Молодец. Ты очень сообразительная, — он что, издевается?

— Вы хотите сказать, что подвеска дает возможность людям перемещаться в прошлое?

Альфа кивает головой.

— И Вы полагаете, что я этому поверю?

— Да. Но не всем людям, Ирис, а только избранным. Как ты.

— Почему?

— Разве это имеет значение?

— Да, — я ему не верю. Он ненормальный. Люди не могут путешествовать во времени. Это физически невозможно... То есть я не особо разбираюсь в этих вещах, но *вы просто не можете этого делать*. Этот мужчина выкрал меня по какой-то другой причине. И я должна выяснить, по какой.

— Потому что в День Испытаний я разглядел в тебе подходящие для Стражи времени качества.

— Я не понимаю, — говорю я. — Я же не прошла испытание водой.

— Для меня это неважно.

Он не дает мне никакой зацепки. Абсолютно никакой.

— А что насчет других испытаний? — спрашиваю я.

— В комнате для задержаний ты показала, что можешь быстро оценивать ситуацию. Большинство твоих одноклассников просто сидели и ждали, когда мужчина вернется, а потом пытались победить его силовыми методами. Ты даже не рассматривала этот вариант,

а сразу начала действовать. После этого мне уже было все равно на результаты финального испытания.

Его голос ни разу не дрогнул. Он специально отвечает неопределенно. Черт, он хорошо держится и никак себя не выдает.

— Ты готова к тому, чтобы я показал тебе, что путешествие во времени возможно? — спрашивает он.

Несколько секунд я не могу вымолвить ни слова. Ситуация меняется. Он собирается развязать меня. Я знаю, что позади меня есть дверь и что в этой комнате только один человек. Альфа крупнее, но у меня будет небольшое преимущество. Я смогу это сделать. Сначала выберусь из комнаты. Потом из здания. А потом направлюсь в Пил. К Эйбу.

— Конечно, — вяло отвечаю я ему.

Альфа кивает головой. Он развязывает мои руки, и я оставляю их лежать по бокам. Нет смысла тратить силы, пока ноги все еще привязаны к столу. Он расстегивает левый ремень, потом правый. Ну что ж, поехали!

Я спрыгиваю со стола и набрасываюсь на Альфу, готовая атаковать. Но он быстрее. Он предвидел это. Вот дерьмо. У меня нет шанса. В мгновение ока мои руки оказываются заведены за спину, а сама я лежу, прижатая к полу и уткнувшись лицом в прохладный цемент. Колено Альфы упирается мне в спину, между лопаток. Я не могу пошевелиться.

— Ну серьезно, — говорит он, — неужели ты думала, что твои действия не были очевидными? Ты меня разочаровываешь. Я полагал, что мы обойдемся без проблем, но видно это не так, — *клик* — и на моих руках оказываются наручники.

Альфа помогает мне подняться и ведет вперед. Мы выходим из комнаты и оказываемся в ослепительно белом коридоре. Мне приходится прищуриться, потому что глаза начинают слезиться. Стены, пол — все белое. Это только еще больше ослепляет. У меня такое чувство, что я оказалась прямо в центре солнечной вспышки.

Альфа ведет меня к концу коридора, где находится дверь, возле которой стоит девушка. Она явно не намного старше меня. У нее прямые короткие фиолетовые волосы до плеч. Ярко-фиолетовые. Они очень бросаются в глаза, особенно на фоне ее слегка загорелой кожи. Над дверью висит позолоченная табличка, на которой написано:

Мы подправляем, а не изменяем.

— Вот, — девушка передает Альфе простой черный рюкзак. Я узнаю ее голос: это та девушка, которая заходила в комнату. Вспоминаю, чему нас учили в школе: наблюдайте. Я пытаюсь запомнить ее голос, запах коридора, свет, табличку с надписью. Глаза внимательно осматривают стены в поисках отличительных знаков. Но ничего нет. Пусто. Все происходит слишком стремительно.

Альфа отходит от меня на расстояние вытянутой руки и надевает мне на шею подвеску. У меня мгновенно учащается пульс. Это плохо. Что-то должно произойти. Нужно срочно бежать.

Я даже не успеваю пошевелиться, как оказываюсь в удушающем захвате: Альфа позади меня, его рука обвивается вокруг моей шеи, а локоть прямо под моим подбородком. Судя по всему, он прошел серьезную армейскую подготовку. У меня так сильно колотится сердце, что, скорее всего, и Альфа, и девушка это слышат.

— Почему ты пошла учиться в Пил? — шепчет Альфа мне в ухо.

— Что? — в ошеломлении спрашиваю я.

— Почему ты пошла учиться в Пил? — его голос звучит грубее, тверже.

Я повторяю ему мантру всех учащихся Пила:

— Чтобы в меру своих способностей овладеть всеми навыками, необходимыми для служения своей стране, — так оно и есть. Но только наполовину.

— Отлично, — Альфа освобождает меня от наручников. — Этот день настал. Иди и служи. Слушай внимательно, потому что я объясню цель твоей миссии только один раз.

Девушка с фиолетовыми волосами открывает дверь, за которой меня ждет абсолютная темнота. Как такое возможно? В коридоре настолько светло, что я должна что-нибудь видеть, но не могу.

Что это за место?

Альфа пихает рюкзак мне в грудь, и я крепко вцепляюсь в него.

— Есть только одно правило, — говорит он. — Никакого общения. Не разговаривай, не жестикулируй, ни с кем не взаимодействуй.

— Что? — с кем не взаимодействовать? О чем он говорит?

Альфа встает передо мной и начинает производить с подвеской какие-то манипуляции. Я смотрю, как он нажимает на какую-то кнопку. Изображение совы откидывается, открывая часы. Карманные часы. Подвеска — это карманные часы. Альфа что-то набирает на правой стороне циферблата, а потом закрывает крышку, берет меня за подбородок и приподнимает его.

— Твоя миссия проста. Вернуться назад. В то место, с которого ты переместилась.

— Я не понимаю, — говорю я, но Альфа поворачивает меня на сто восемьдесят градусов и толкает в дверной проем. Я слышу, как за мной закрывается дверь, и неожиданно комната начинает так быстро вращаться, что я даже не могу понять, внизу я или наверху. Зато прекрасно понимаю, что меня скоро стошнит. От давления мозг расплющивается, и будто пытается просочиться через ушные каналы. Я накрываю уши руками и начинаю кричать.

Я падаю.

Вниз.

Вниз.

Вниз.

И, наконец, приземляюсь. Неудачно, прямо на спину, с глухим стуком. Запястье пронзает боль, и я кричу. Беру его в руку и осторожно двигаю в разные стороны. Болит, но не сломано.

Я со стоном осматриваюсь по сторонам. А потом у меня отвисает челюсть. Я в... чулане? Тут темно, но из-под двери проникает достаточно света, чтобы это понять. Я хватаюсь за дверную ручку и пытаюсь повернуть, но она не поддается. Заперто. Я дергаю за нее, кричу, потом отступаю и бросаюсь на дверь, пытаюсь выбить ее. Ничего.

Я поворачиваюсь и спиной прислоняюсь к двери. Именно тогда и обнаруживаю еще одну дверь. Здесь есть еще одна дверь.

Я хватаюсь за ручку и поворачиваю ее. Дверь открывается, и я вижу бульжную мостовую, вдоль которой стоят кирпичные здания. Я выхожу на улицу, и за моей спиной захлопывается дверь.

— Нет! — кричу я во весь голос, потому что ручка отказывается поворачиваться снова. Я оказываюсь заперта непонятно где.

— Извините, у вас все в порядке?

Я поднимаю глаза на говорящего. В двадцати шагах от меня остановился молодой

мужчина и внимательно смотрит на меня. Он просто нереально хорош. Как киноактер. Большие светлые глаза, мужественная челюсть и ярко выраженные скулы.

Но я едва замечаю это. Потому что смотрю на его смокинг и цилиндр. А сидит он не в экипаже, запряженном лошадьми.

Глава 4

Это, должно быть, шутка.

Я открываю рот, чтобы хоть что-то сказать, но в голове тут же раздаётся голос Альфы. Ну, не сам голос, конечно, а предупреждение, сказанное им.

Ни с кем не общаться!

Я не имею никакого представления, что происходит, но первое правило, которому учат в Пиле: сначала сориентируйся на местности и только потом действуй. И всегда имей запасной план. Я не могу нарушить правила Альфы или попытаться сбежать — по крайней мере, до тех пор, пока не узнаю, где я. Поэтому я поворачиваюсь и быстро бегу вниз по аллее, подальше от этого транспортного средства.

— Эй! — кричит он мне. — Остановитесь! У вас идет кровь. Давайте я приведу доктора.

Я ускоряюсь. Меня тошнит. Локтем ударяюсь о стену кирпичного здания. Уверена, что он тоже начинает кровоточить, но я не останавливаюсь. На первом же перекрестке поворачиваю налево и прислоняюсь к стене. Я не так уж далеко убежала, но уже запыхалась.

Я сгибаюсь пополам и хватаюсь за грудь, пытаюсь отдышаться. Чувствую себя, как воздушный шарик, который проткнули иголкой. Весь воздух из легких как будто вырвался наружу.

У меня кружится голова. По-моему, я спала всего лишь — сколько? — один час за последние тридцать шесть часов. Может, два. Я даже не представляю, сколько сейчас времени и как долго я была в бессознательном состоянии, пока не очнулась привязанной к столу. Но ничего из этого не имеет значения. Я должна понять, где нахожусь.

Я выпрямляюсь. Повсюду жилые дома из бурого камня с черными ставнями и коваными перилами. Они стоят по обеим сторонам улицы: и справа, и слева.

Очаровательно. Именно в таком месте я мечтаю когда-нибудь жить. На одну долю секунды я воображаю, как кладу руку на перила и медленно поднимаюсь по ступенькам, подшучивая над Эйбом, который идет позади меня.

Прекрати.

Прекрати думать об Эйбе. Это не поможет.

Вдруг одна из дверей открывается. Дверь в доме на углу. На улицу выходит девушка моих лет. У нее нереально тонкая талия и розовато-лиловое платье, отороченное бежевым кружевом. Платье настолько длинное, что подметает подолом пол. Девушка поворачивается, пропуская мужчину в возрасте. Своего отца. Наверное. Он берет её под руку, а она подергивает плечами, чтобы удержать на них шаль. Девушка поворачивает голову к двери, как будто реагируя на чьи-то слова, смеется, поворачивается обратно и...

Видит меня.

Я замираю.

Но это не меняет того факта, что она видит меня. Девушка протягивает руку и показывает на меня.

— Что это? — спрашивает она отца. — Этот мальчик с длинными волосами. Что на нем надето?

На секунду я свирепею от того, что меня назвали мальчиком и, оттолкнувшись от стены,

мчусь вниз по улице, откуда я пришла. Останавливаюсь на полпути и приседаю, опираясь спиной о черную дверь в центре стены из бурого камня.

Что, черт возьми, происходит? Я перевожу взгляд на свои колени. Эта девушка подумала, что я парень. Мне не впервой. У меня мальчишеское телосложение: ни бедер, ни груди — и я легко наращиваю мускулатуру. Но сейчас у меня длинные волосы. С ними меня никто никогда не принимал за мальчика. Должно быть, это из-за одежды. На мне старая униформа Пила: белая рубашка, синий пиджак и штаны цвета хаки, которые я предпочла юбке, потому что было довольно прохладно.

Штаны.

Девушка подумала, что я парень, потому что на мне штаны.

Да кто примет девушку за парня только потому, что она носит штаны? *Где я? В девятнадцатом веке?*

У меня внутри все опустилось. Ну, конечно же, нет. Дурацкая мысль. И все же с очевидным не поспоришь. То, что сказал до этого Альфа, — правда. Он дает мне возможность перемещаться в прошлое. И вот я здесь — где бы это здесь ни было — застряла в прошлом веке.

В голове эхом раздается голос Альфы: *«Твоя миссия проста. Вернуться назад. С того места, откуда все началось»*.

Разве это возможно? Неужели я, действительно, в другом времени?

Нет. никоим образом. Меня просто запутали. Альфе от меня что-то нужно. Только я пока еще не поняла, что именно. Это тщательно организованная постановка, в которой участвуют люди в костюмах того времени. Все для того, чтобы я поверила и расслабилась.

Но этого не будет. Все, что мне нужно, — это срочно понять, где я нахожусь. Как только это произойдет, я моментально исчезну.

Я встаю, глубоко вздыхаю и иду на другой конец аллеи, туда, где видела парня в запряженном лошаадьми экипаже. Впереди меня стучит копытами еще одна лошадь. Я качаю головой и игнорирую её. *Костюмированная постановка.*

Сделав шаг в сторону от аллеи, я сразу же понимаю, где оказалась.

Бостон.

Я выросла в Вермонте, но несколько раз в год мама возила меня в город, чтобы прогуляться по магазинам. В августе, перед школой, мы всегда ходили в «Файлинс Бейсмент», в декабре — за рождественскими подарками и на каток в Коммон. А еще обязательно выбирались в город в одну из весенних суббот, когда начиналась оттепель. Моя мама всегда изъявляла желание покататься на лодочках в форме лебедей в Общественном парке. Обычно она ничего не говорила, пока мы медленно плыли по озеру, а просто закрывала глаза, глубоко дышала и крепко сжимала губы, пытаюсь сдержать слезы. Тогда я отворачивалась от нее, делая вид, что рассматриваю бледно-желтые нарциссы. Мама довольно часто так делает, но я все равно никак не привыкну к этому.

Со своего места я вижу озеро в Общественном парке. Нужно всего лишь свернуть направо и спуститься с холма. Прямо передо мной Парк Бостон-Коммон, а чуть подалее виднеется купол Капитолия штата Массачусетс. Но он почему-то не золотой, как обычно, а унылого свинцово-серого цвета с золотистыми вставками. Такое ощущение, что он как раз находится в процессе золочения.

Бессмыслица какая-то. Зачем его покрывать позолотой еще раз?

Неожиданно раздается какой-то странный звук, который становится все громче и

громче: цок-цок-цок. Я оборачиваюсь на проезжую часть и отпрыгиваю в сторону, так как мимо меня проезжает очередной экипаж, запряженный лошадьми. Из окошка торчит голова маленького мальчика.

— Мамочка, — говорит он, — посмотри на этого мальчика в смешных штанах. Почему у него такие длинные волосы?

Молодая мамаша шлепает сына по руке и ворчит:

— Джеймс, это невежливо!

Я смотрю, как удаляется экипаж, а волоски на руках встают дыбом. Потому что вокруг меня дюжины подобных экипажей. А также прогуливающиеся мужчины и женщины, которые окидывают меня странными взглядами. Мужчины одеты в костюмы и цилиндры, а женщины — в длинные, до пола, платья. Вот мимо меня проходит мужчина с факелом, с помощью которого он разжигает уличные фонари.

Я моргаю.

Это все по-настоящему.

Невозможно так подделать. Невозможно подделать целый город.

Я перевожу взгляд на Общественный парк. На озеро. Вечереет, но еще достаточно светло, чтобы можно было увидеть, что на озере нет никаких лодочек. Видимо, я застряла во времени, когда еще не было лодочек в форме лебедей.

Какой-то парень задевает меня плечом и сразу же отпрыгивает в сторону.

— Эй! — вопит он. — Смотри, куда прешь!

Он внимательно осматривает меня, также, как и я его. Парень, примерно моего возраста, но на этом сходство заканчивается. На нем грязная и порванная одежда, а волосы, судя по всему, давно не мыты. На коже — слой сажи, который, тем не менее, не маскирует прыщи, покрывающие практически все лицо. А потом он делает шаг ко мне.

— Гони деньги, — требует он.

Даже не подумаю. Этому паршивцу меня не ограбить! Да и не то, чтобы у меня и были деньги.

— Нет, — отвечаю я маленькому разбойнику.

Он сует руку в карман и достает что-то металлическое. Я хватаю его за руку, выворачиваю её и заставляю разжать пальцы. Нож со стуком падает на булыжную мостовую. За день на меня уже дважды напали с ножом.

В нескольких ярдах от меня раздается женский крик, а потом топот быстро удаляющихся ног. Мимо толпы проталкиваются два полицейских в высоких куполообразных шляпах и с дубинками в руках. Они идут прямо к нам.

Ни с кем не общайся. В ушах опять раздается предупреждение Альфы. Но я его игнорирую.

Я уже разговаривала с парнем. А теперь нужно избежать встречи с копами. В лучшем случае, они захотят поговорить, в худшем — засунут в тюремную камеру.

Я толкаю сопляка на землю и мчусь по уже знакомой улице. Заворачиваю за угол улицы, вдоль которой настроены дома из бурого камня, и только тогда оборачиваюсь. Никакой погони. Я специально останавливаюсь и жду, но никого. Повезло. Нужно избавиться от одежды. Она привлекает слишком много внимания.

У меня начинает покалывать руку. Рюкзак. Я совсем про него забыла, хотя и продолжаю сжимать так крепко, что рисунок, наверное, отпечатался на моей коже. Опустившись на колени, я развязываю рюкзак и переворачиваю вверх тормашками. Из него выпадает какой-

то темный кусок ткани и черный металлический витой ключ. Я убираю ключ в сторону и разворачиваю ткань. Это платье. В пол и с длинными рукавами. Больше тут сказать нечего. За всю свою жизнь я пришивала лишь пуговицы на рубашке, но могу поспорить, что с легкостью соорудила бы нечто подобное и сама.

Тем не менее, это явно лучше, чем штаны. Я оглядываюсь по сторонам, чтобы быть уверенной, что поблизости никого нет. Улица пустынна. Я стягиваю через голову пиджак и рубашку. На секунду задерживаю взгляд на красной шишке подмышкой. Там, где вживлен маячок. Маячок.

С ворчанием пытаюсь натянуть на себя это уродливое платье. Скидываю туфли, снимаю штаны и начинаю отчаянно вилять бедрами, стараясь втиснуться в него. Это удается мне с трудом. И говоря «с трудом», я действительно имею в виду «с трудом». Платье просто трещит по швам.

«Пожалуйста, только не расходитесь», — умоляю я их.

Я едва могу двигаться, а уж наклоняться и пробовать не стоит. Подхватив ляжку рюкзака пальцами на ногах, я подкидываю его в воздух и ловлю, а потом засовываю в рюкзак руку, чтобы вытащить туфли, но их нет. Рюкзак пуст.

Ну конечно, чего еще ты ожидала?

Я просовываю ноги в свои оксфорды и, забыв обо всем, наклоняюсь, чтобы натянуть их. Т-Р-Е-С-К

Раздается чей-то смех. Тут кто-то есть. Я поднимаю голову и вижу парня с девушкой, примерно моего возраста. Они стоят перед домом из красного камня в нескольких ярдах от меня и держатся за руки. Парень — среднего роста, рыжеволосый, с расслабленным лицом, худой как марафонец. Девушка — очень миниатюрная. В ней нет даже пяти футов роста. Они оба отводят от меня взгляд и сворачивают на следующую улицу. Что-то не так.

Я хватаю штаны, пиджак и рубашку и запихиваю их в рюкзак, а сверху бросаю ключ. Потом одним быстрым движением завязываю вокруг талии свой красно-синий галстук. Но он не особо скрывает огромную дыру сбоку, в том месте, где разошелся шов. Я пытаюсь снять свой браслет с подвесками. Где бы я ни была, он тут не к месту. Но он застрял, а парочка уходит все дальше и дальше. Не знаю зачем, но я чувствую, что мне нужно следовать за ними. Поэтому я прячу браслет под рукавом, хватаю рюкзак и бегу.

Парень с девушкой уже практически в конце улицы, на Бикон-стрит. Я следую за ними, но, как только добираюсь до места, понимаю, что потеряла их. Кручу головой по сторонам, но их нигде не видно. Копы все еще здесь, и один из них держит за руку ребенка, который пытался меня ограбить. Он умоляет и оправдывается... да к черту его. Сопляк. Так тебе и надо. Я поворачиваю голову в сторону Общественного парка.

Забудь о парочке. Нужно понять, где я нахожусь.

В каком времени.

Я останавливаюсь, чтобы передохнуть. Возможно ли это? Могла ли я, действительно, переместиться в прошлое? Как там сказал Альфа? Что-то типа аугментации?

Я отпрыгиваю в сторону от катящейся вниз по Чарльз Стрит телеги и иду рядом с мужчиной в фартуке лавочника и тонкими усиками. Перехожу дорогу и направляюсь в Общественный парк. Каждый раз лодочники рассказывали нам историю лодок, в том числе, как и когда они появились, но сейчас я не могу этого вспомнить. Ну почему все эти годы я невнимательно их слушала? А купол! В средней школе мы вместе с учителем по истории Америки ездили на экскурсию в Бостон и побывали в здании Законодательного Собрания.

Совершенно точно, что нам рассказывали, когда был позолочен купол, но я не могу вспомнить даже этого.

Я закрываю глаза и глубоко вздыхаю, а потом пытаюсь прокрутить в голове голос преподавателя по практическим занятиям, который убеждает меня успокоиться, сфокусироваться, и тогда правильный ответ придет сам собой. Но меня отвлекает цоканье копыт и какой-то пронзительный вой. Да еще под платьем начинает все чесаться. Я не могу сосредоточиться и открываю глаза.

В этот момент я просто ненавижу себя. Так хотелось бы достать телефон и залезть в интернет.

А почему бы не попробовать? Может быть, я нахожусь в каком-нибудь таинственном мире, где ловит сеть.

Сомневаюсь, конечно, но, тем не менее, роюсь в рюкзаке, пока не обнаруживаю задний карман своих брюк. Сжав пальцы вокруг телефона, одним движением, пытаюсь не привлечь внимание, вытаскиваю трубку и опускаю взгляд на экран, чтобы разблокировать его. Но... ничего. Темнота. Жму на кнопку включения, но все по-прежнему. Он сдох.

Откуда-то снова раздается смех. Я поднимаю голову и вижу на мосту ту же самую парочку. Парень закусывает губу и отворачивает голову, когда видит меня, но его голова немного дергается: он хихикает. Но не девушка. Её взгляд, направленный на меня, способен потушить пожар. Она поднимает худенькую руку и заправляет за ухо светлый локон.

И тут до меня доходит. Даже не смотря на то, что на ней длинное платье в зеленую полоску, а талия затянута в корсет, даже не смотря на то, что её волосы уложены в прическу, а на голове шляпка под цвет платья, на руке этой сучки пластиковые спортивные ярко-розовые часы.

Эта парочка отчитывается перед Альфой. Я в этом уверена. Они тоже Стражи времени.

Стража времени. Эти слова постоянно крутятся у меня в голове. Разве это может быть правдой? Разве секретная правительственная организация, которая путешествует во времени, может быть реальностью? Но ответ лежит прямо передо мной.

ДА.

Но как можно перемещаться во времени? Мой мозг даже не может осознать этого. Нужно вернуться. В свое время. Тогда я смогу получить ответы на свои вопросы.

Я отворачиваюсь от парочки и смотрю прямо на холм. Ко мне приближаются мужчина и женщина. На нем — костюм, больше подходящий для какой-нибудь претенциозной свадьбы, а на ней — светло-серое в тонкую полоску платье, подол которого уже собрал на себя около трех дюймов грязи. Я уступаю им дорогу. Уверена, я выгляжу довольно странно в порванном платье и с шелковым галстуком, повязанным вокруг талии, да еще и эти туфли, но парочка даже не моргнула глазом при виде меня.

Я опускаю веки и делаю глубокий вздох. Помню, лодочники говорили, что лодки появились где-то в восемнадцатом веке. То же можно сказать и о позолоченном куполе. *Думай, думай, думай, думай, думай.* Делаю еще один вздох. *Пожалуйста, сосредоточься.* И... вот оно! Экскурсовод рассказывал, что они хотели покрыть купол позолотой и раньше, но разразилась Гражданская война, поэтому пришлось все отложить до её окончания.

Гражданская война закончилась в тысяча восемьсот шестьдесят пятом. Огромное спасибо урокам по истории Америки. Значит, я нахожусь в промежутке между тысяча восемьсот шестьдесят пятым и тысяча восемьсот девяносто девятым годами.

И опять к вопросу о лодках. С тех пор, как я уехала в Пил, мы с мамой не катались на них. В последний раз это было в восьмом классе. Было празднование... не какая-то большая годовщина типа ста- или двухсотлетия, но определенно с нулем на конце, поэтому все проходило с претензией на значимость, но, на мой взгляд, выглядело неубедительно. *Когда же это было?*

Неожиданно в моей голове волшебным образом всплывает картинка и я вижу вывеску позади билетной кассы, где продаются шарики и фейерверки, объявляющую о юбилее.

Теперь вычтем, и получится, что лодки появились в тысяча восемьсот семьдесят седьмом году, а это значит, аллилуйя, что я — гений и нахожусь в промежутке между тысяча восемьсот шестьдесят пятым и тысяча восемьсот семьдесят шестым годом.

Черт, а вот теперь я в тупике.

Я опускаю голову на руки и тру глаза. Нос заложен. Так всегда бывает, если я очень сильно устала. Мне не удастся ничего проанализировать. Как только голову посещает какая-нибудь мысль, она тут же исчезает. *Путешествие во времени — реальность. У меня галлюцинации. Это просто плохой сон, и я проснусь в своей комнате в общежитии в Пиле.* Все мысли перемешались. Мне нужно продолжать двигаться. Движение поможет мне сосредоточиться.

Покрутив головой, чтобы убедиться, что поблизости нет лошадей, я направляюсь в Бостон-Коммон. Где-то здесь должен быть мусорный бак. Может, кто-нибудь выбросит газету, а я подберу её, как Майкл Дж. Фокс в фильме «Назад в будущее». Мы с мамой много раз смотрели его. В ее лучшие дни.

Я уже прошла почти половину парка, когда меня осеняет. Запах. Я была настолько сосредоточена на других вещах, что не обратила на это внимание, но, клянусь, чем-то определенно пахнет. Чем-то затхлым и сладким одновременно. Я всю жизнь прожила в Новой Англии, поэтому этот запах мне знаком. Так пахнет опавшая листва.

Осмотревшись, я понимаю, что права. Несмотря на то, что уже темнеет, я вижу у себя под ногами упавшие желтые и оранжевые листья. Так-так. Значит, я переместилась из осени настоящего в осень прошлого. Каким-то образом это немного меня успокаивает.

Я останавливаюсь, не в силах вспомнить, что собиралась делать, и хлопая носом. Ага. Правильно. Мусорные баки. Неужели я и вправду составила план действий на основе сюжета фильма из восьмидесятых и считаю это хорошей идеей? Что со мной происходит? Меня учили совсем не этому. Я определенно могу придумать что-то получше.

Тем не менее, я осматриваюсь вокруг в поисках мусорных баков. Потому что никогда не знаешь, что пригодится. Но на горизонте ничего нет. Я вздыхаю и иду к зданию Законодательного Собрания. Может, кто-нибудь продает вечерние новости?

У меня нет плана. Это ужасно. Если бы это был День Испытаний, я бы провалила его.

Я останавливаюсь посреди дороги и ловлю ртом воздух. А что, если это и есть еще один День Испытаний? О Господи, почему мне это не пришло в голову раньше? По кампусу Пила ходят слухи о Дне Испытаний, который стал легендой. День Испытаний тысяча девятьсот девяносто пятого года, известный так же, как Бесконечный День Испытаний.

Сначала все было как всегда: двенадцатичасовой письменный тест, три испытания и банкет, во время которого в здание ворвались вооруженные люди, одетые во все черное, и в очках ночного видения. Они отключили электричество, схватили всех младше- и старшекурсников и высадили их вдалеке от кампуса для еще одного испытания. Один из учащихся младших курсов умер. Официальная причина смерти так никогда и не была

озвучена, но если бы и была, то в отчете судмедэксперта стояла бы галочка напротив Адского Дня Испытаний.

А что, если повторяются события тысяча девятьсот девяносто пятого года? Но я еще не выпускница! Я студентка. Нужно как-то вернуться в настоящее, и тогда День Испытаний, наконец, закончится. Черт возьми, это все может быть просто элементом обучения!

Неожиданно идея о секретной правительственной организации, которая имеет возможность перемещать людей во времени, не кажется мне такой уж невероятной. Я знаю только малую толику того, на что способно правительство. И определенно буду шокирована, когда узнаю обо всем.

Я делаю глубокий вздох. Настало время быть серьезной. Какой там у меня был план? Ага, правильно, газетчики. Идиотский план и не только потому, что в районе Законодательного Собрания их просто нет.

Сконцентрируйся.

Позади меня раздается шарканье чьих-то ног. Я поворачиваю голову и вижу двух мужчин, подошедших посмотреть на купол. Парочка, преследующая меня, — практически в квартале отсюда. Парень наклоняется к девушке и что-то шепчет ей на ухо, когда видит, что я смотрю на них. На секунду у меня возникает желание помахать им рукой, но это определенно было бы нарушением правила: «Ни с кем не вступать в контакт».

Вместо этого я вытаскиваю из-под платья цепочку с подвеской в виде совы. Нажимаю на кнопку, как это делал Альфа, и крышка часов открывается. На белом циферблате, причудливым шрифтом, который я никогда раньше не встречала, выведены черные цифры. Под стрелками отпечатано ANNUM. У часов латунный корпус, а с правой стороны находятся маленькие головки, похожие на заводные. На них что-то написано, но я не могу разобрать. Я пытаюсь повернуть нижнюю, но она не двигается, тоже самое и с головкой посередине. А вот верхняя поддается. Я поворачиваю её по часовой стрелке — двигается минутная стрелка, а потом...

Клик.

Клик.

Какой-то не слишком хороший звук. Нет, хуже. Очень плохой звук. Очень. Как будто я что-то напутала с проводами, и вот-вот взорвется бомба. Поворачиваю головку на два клика назад и задерживаю дыхание.

— Уже превысили две тысячи долларов? — раздается рядом со мной чей-то голос.

Мне не хочется обращать на себя внимание, поэтому я лишь слегка поворачиваю голову и искоса смотрю на говорящего. Это один из тех двух мужчин, которые тут прогуливались. Они так и смотрят на купол.

Я перевожу взгляд обратно на часы. Подношу их ближе к лицу и прищуриваюсь, пытаюсь разобрать надписи на головках. Это буквы! На верхней — буква «Г», на средней — «М», а на нижней — «Д». «ГМД».

— Если они еще больше превысят бюджет, — произносит тот же голос, — им лучше не повышать налоги, чтобы покрыть дефицит. Иначе я посажу миссис и мальчишку в экипаж и отправлюсь на запад. И мы будем разбойничать на границе.

Второй мужчина смеется и хлопает своего друга по спине.

— Bravo, Моррисон!

Да, в каком бы времени я сейчас не находилась, люди определенно странно выражаются. «ГМД». Разгадка лежит на поверхности, но я настолько устала, что, скорее

всего, не смогу даже правильно произнести по буквам свое имя с первого раза. «ГМД».

— Помяни мое слово, — говорит первый мужчина, — закончится это Столетие, а купол будет готов только наполовину, и обойдется это нам в пять тысяч долларов.

— Столетие! Моррисон, ты сумасшедший! Просто сумасшедший. До этого события еще полтора года. Может, и не к концу осени, но определенно к Новому году купол будет позолочен.

Цепочка выскользывает из моих пальцев и падает на грудь. До окончания Столетия полтора года. Даже первокурсник знает, что государство было основано в 1776 году, значит, Столетие — это 1876 год. А это также означает, что я в 1874 году. В осени 1874 года. Мне хочется броситься на шею этим мужчинам и зацеловать их, но вместо этого я поворачиваюсь и направляюсь обратно к аллее.

Разгадка близка. Я знаю год и время года. Но мне еще нужно определить месяц и день.

Неожиданно меня осеняет.

ГМД. Ну конечно! *Год-Месяц-День.*

Я сразу же начинаю поворачивать головки. В настоящем сегодня двадцать первое октября, так что ставлю на то, что и в прошлом сейчас двадцать первое октября. Вот почему нижняя и средняя головки не двигаются. Моя миссия — вернуться назад. А значит, мне нужен только год.

Я поворачиваю головку с буквой Г, и большая стрелка начинает крутиться по циферблату, издавая какие-то кудахтающие звуки. Один полный круг. Уверена, это шестьдесят лет. Еще один круг. Итого: сто двадцать. Замедляюсь и начинаю считать каждый тик. У меня нет права на ошибку.

Внезапно у меня перед глазами всплывают инструкции Альфы. Перемещаться нужно с того места, откуда все началось. С аллеи? С чулана? Но она заперта, а у меня нет... Ключ!

Я бегу вниз по Бикон-стрит и одновременно пытаюсь нащупать его в рюкзаке. Поворачиваю направо, и вот она, дверь. На двери замок, но ключ идеально к нему подходит.

— Да! — кричу я, ни к кому конкретно не обращаясь.

Вдруг до меня доносится звук приближающихся шагов. Я поворачиваюсь и вижу спешащих ко мне парня с девушкой. У девушки на лице то же выражение, что и раньше, как будто она без сомнений всадит в меня нож. Да что с ней такое?

Думаю, мы разберемся с этим позже. Я открываю дверь, заскакиваю в чулан и закрываю крышку часов. Но ничего не происходит.

Глава 5

В парке развлечений «Шесть флагов» в Новой Англии есть такой аттракцион: тебя пристегивают к сиденью, а потом безо всякого предупреждения запускают на высоту двадцатиэтажного здания со скоростью полета в шестьдесят миль в час.

Именно это сейчас со мной и происходит. У меня душа уходит в пятки; и даже не получается крикнуть. Волосы облепили лицо, руки вытянулись по швам. Я лечу.

Вверх.

Вверх.

Вверх.

Да сколько еще?!

Неожиданно полет прекращается. Откуда-то снизу раздается странный звук, и я падаю на землю. Ударяюсь локтем о металлическую решетку и издаю громкий стон.

— Добро пожаловать назад, — доносится до меня сверху.

Это Альфа. Он протягивает руку, но, как только я пытаюсь схватить ее, сразу же убирает.

— Не хочу, чтобы ты причинила себе вред, — говорит он. — А это, уверяю тебя, обязательно случится, если ты попытаешься сбежать. Так что, договорились?

Я ничего не отвечаю. А потом решаюсь блефануть. Здесь и сейчас.

— Не знаю. А День Испытаний закончился?

Альфа в замешательстве прищуривает свои медово-ореховые глаза.

— День Испытаний закончился несколько часов назад. Ты мне не поверила?

Я молчу, потому что не знаю, что сказать. Голос Альфы тверд, а по глазам я вижу, что моя судьба решена. В этот момент я понимаю. Это реально. И меня поглощает пучина разочарования. С Пилом покончено. Я это чувствую. А это значит, что покончено и с Эйбом.

Я пытаюсь подняться, но Альфа хватает меня за плечи и вынуждает сесть обратно на пол:

— Нет-нет. Сначала пообещай мне, что мысль о побеге забыта.

Теперь я в Страже времени. Стража времени. Организация, о которой я прежде никогда не слышала. Приходится, сжав зубы, признать тот факт, что путешествие во времени возможно. Наверное. Уф, я даже не знаю, что и думать. Но одно я знаю точно: Альфа сильнее меня, и его военная подготовка определенно лучше. Поэтому я буду полной идиоткой, если попытаюсь схлестнуться с ним еще раз.

— Хорошо, проехали, — говорю я.

Альфа опять подает мне руку, и я хватаюсь на нее. Он помогает мне подняться на ноги.

— Рад это слышать. Теперь тебе нужно спроецироваться еще раз.

Я резко вскидываю голову.

— Мне нужно... что?

Альфа берет в руки часы, висящие у меня на шее.

— Ты не в настоящем.

— Как... Я не...

— Когда ты перемещаешься в прошлое, в настоящем время продолжает идти своим ходом. Если ты переместилась на двадцать пять лет назад, то на каждую минуту, которую ты проводишь в прошлом, приходится две минуты в настоящем. Чем дальше ты перемещаешься, тем быстрее летит время. Когда-нибудь слышала о последовательности Фибоначчи? Тут такой же принцип.

Я пытаюсь осознать, что он только что сказал. Даже не знаю, верю ли я ему.

— Например, — продолжает Альфа, — ты переместилась на четыреста лет назад. Значит, каждая минута, которую ты проводишь там, равняется почти двум дням в настоящем.

Я изумленно открываю рот. Невероятно. Этот факт попросту перечеркивает все, чему меня учили на практических занятиях по сохранению невозмутимости.

Альфа откашливается и нажимает на верхнюю головку на часах. Крышка откидывается, и Альфа еще раз нажимает верхнюю головку. Стрелки совершают шесть оборотов.

— И на будущее, — говорит Альфа, — если тебе нужно вернуться в настоящее, просто нажми на верхнюю головку, когда крышка будет в открытом положении. Тебя автоматически перенесет в настоящее. Если тебе это интересно, то ты промахнулась примерно на шесть часов.

— Что...

Не успеваю я закончить вопрос, как Альфа заталкивает меня обратно в черную комнату и закрывает крышку часов. Меня опять засасывает, и я в шоке начинаю задыхаться. Через секунду приземляюсь на ту же металлическую решетку.

Альфа опять протягивает мне руку.

— Договор все еще в силе? — спрашивает он.

Меня, кажется, вырвет. Решетка подо мной начинает кружиться.

— В силе, — говорю я.

Альфа рывком ставит меня на ноги, и я выхожу следом за ним в ярко освещенный коридор. Он останавливается возле двери в другом конце и вводит код, а затем поворачивает ручку и приоткрывает дверь на дюйм.

— Ты готова служить своей стране, делая то, что никогда не считала возможным? — обернувшись ко мне, спрашивает он.

Когда он произносит это, волосы на моих руках становятся дыбом. Не знаю, может, это из-за того, что я вымотана до нельзя или, потому, что температура в коридоре всего около шестидесяти градусов, или, может, потому что где-то в глубине души крошечная частичка меня надеется, что Стража времени — это реальность. Что есть такая организация, которой подвластно перемещение во времени. И что они хотят меня.

Я киваю.

Альфа открывает дверь и приглашает меня внутрь. Первое, что я замечаю, — это зеленое в полоску платье. Эта та сучка, которая преследовала меня. Она сняла шляпку и распустила свои светлые волосы, которые локонами обрамляют ее лицо. Девушка была бы хорошенькой, если бы не выражение этого самого лица. Такое выражение появляется, если кто-то держит у тебя под носом мешок с собачьим дерьмом. Мне не нравится эта дамочка. Я ничего не знаю о ней, но девушки обычно интуитивно понимают такие вещи. Она не собирается хорошо относиться ко мне, также, как и я к ней. Конец истории.

Она стоит возле стены и шепчется со вторым преследователем. Он улыбается мне, но это не раздражает так, как в 1874 году. Его улыбка... дружелюбная. Расслабленная. Но мне не хочется улыбаться ему в ответ. Пока нет.

Прямо передо мной стоит стол, за которым сидят двое человек. Место посередине свободно. Один стул стоит по центру перед столом, а за ним располагается еще ряд стульев. Я насчитала семь. Семь стульев. Пять из них заняты парнями и девушками, которые сидят ко мне спиной. Выглядит так, как будто все ожидают меня.

Альфа толкает меня вперед, и я двигаюсь мимо ряда стульев к тому, который, как мне кажется, предназначен для меня. Прохожу мимо девушки с фиолетовыми волосами, но не смотрю на нее. Мой взгляд устремлен вперед, к людям, сидящим за столом. Очевидно, что они — главные. Альфа занимает свободное место и вытаскивает ту же самую зеленую поношенную записную книжку, которую он не выпускал из рук в День Испытаний, и что-то кратко записывает в ней. Слева от Альфы сидит женщина. Я понимаю, что не следует глазеть, но ничего не могу с собой поделать: она сидит в инвалидном кресле, а ее тоненькие как прутья руки и ноги выгнуты под неестественным углом. На ее лице отчетливо читается выражение отчаяния, и это заставляет меня вспомнить о маме.

Я перевожу взгляд в сторону мужчины, сидящего справа от Альфы. Он выглядит гораздо лучше. Как и Альфе, ему примерно столько же лет, сколько было бы сейчас моему отцу. Но его взгляд не такой тяжелый и жесткий. В молодые годы, он, наверное, был симпатичным парнем. У него темно-каштановые волосы с проблесками седины, ярко выраженный контур

нижней челюсти и зеленовато-голубые глаза, внимательно разглядывающие меня из-под ресниц, за которые любая девчонка могла бы совершить убийство. Тем не менее, в манере, которой он преподносит себя, есть что-то реально пугающее. В этом и заключается его схожесть с Альфой. Должно быть, он тоже действующий или бывший военный.

— Садись, — командует Альфа. Я выполняю приказ. — Ты успешно прошла тест. Добро пожаловать в Стражу времени. С этого момента и до самой смерти твое кодовое имя — Ирис. Поняла?

Я не двигаюсь и даже не моргаю.

Альфа пристально смотрит мне в глаза.

— Стражу времени основали в одна тысяча девятьсот шестьдесят пятом году. — говорит он. — Семь человек, которые были наделены способностью к Хронометрической аугментации. Их целью было проецирование во времени и вмешательство в события прошлого для изменения последствий в настоящем. Они — наши отцы-основатели. Они создали организацию и правила, которых мы придерживаемся по сей день, включая кодовые имена. Эти семь человек использовали для своих имен числа от одного до семи.

Альфа показывает на людей за столом:

— Мы с коллегами — второе поколение Стражи времени. Ты уже знаешь меня. Слева — Ипсилон, справа — Зета. Мы то, что осталось от второго поколения.

Я напрягаю мозг, пытаюсь вспомнить греческий алфавит. Альфа, бета, гамма, дельта, ипсилон... Что там дальше?

— Люди, которые сидят позади тебя, это третье поколение. Твое поколение.

Я вытягиваю шею, но вижу только парня, сидящего на крайнем стуле слева. У него темные волосы, оливковая кожа и скулы, как у кинозвезды, а одет он в белую рубашку на пуговицах и темно-синие брюки.

— Ред! — говорит Альфа, и парень, на которого я пялюсь, резко встает. — Представь свою команду.

Он кивает:

— Есть, сэр!

Я поворачиваюсь на стуле и смотрю на него. Уж если планировалось представление, то они могли бы и получше расставить стулья, а не так, что мне приходится сидеть ко всем спиной.

— Я — Ред, — произносит парень, хотя это уже и так ясно. — Глава Стражей времени Три. Наши кодовые имена — это цвета.

— Это моя команда, — продолжает он, — *твоя* команда. Орэндж! — парень рядом с ним встает с места. У него реально оранжевые волосы. Вот не повезло.

— Еллоу! — встает сучка в полосатом платье.

— Грин! — Я перевожу взгляд на невысокого парня с длинными каштановыми волосами.

— Блу! — Внимательно изучаю загорелого блондина, который разглядывает свои ноги. Но в последнюю секунду он поднимает взгляд и смотрит мне в глаза. У меня на секунду останавливается сердце, и я сдавленно кашляю.

Это Тайлер Фертиг.

Я едва слышу, как Ред представляет Индиго — парня, преследовавшего меня, и Вайолет — девушку с фиолетовыми волосами. Тайлер — Страж времени. Тайлер Фертиг — суперзвезда Пила, которому отказали в выпуске, когда он был младшекурсником. Тайлер

Фертиг, который был зол настолько, что пробил кулаком стену во время церемонии. Тайлер Фертиг. Он здесь.

Это убеждает меня в существовании Стражи времени гораздо сильнее, чем непонятное перемещение в Бостон. Если Тайлер Фертиг в команде, тогда все по-настоящему.

Наши с Тайлером взгляды пересекаются. Я знаю, что он узнал меня. Он знает, кто я такая. Но он отводит глаза и садится вместе с остальными.

Альфа кашляет, пытаюсь привлечь внимание. Я чуть колеблюсь, а потом поворачиваюсь и смотрю на него, чувствуя, что Тайлер-Блу-или-как-его-там продолжает пялиться на меня и пытается прожечь взглядом дыру у меня в голове.

— А ты — Ирис, — говорит Альфа.

— Но это не цвет, — обращаю я его внимание на свое имя.

— Это так, — подтверждает он, а мужчина справа — кажется, Зета — приподнимает брови, как будто удивляясь тому, как я разговариваю с Альфой. — И это потому, что ты здесь на испытательном сроке. А теперь нам хотелось бы послушать отчет о твоей первой миссии. Индиго, давай начнем с тебя.

Индиго выходит вперед и становится немного в стороне, между мной и столом.

— Ирис великолепно справилась с работой, — сложив на груди руки, произносит он. — Она воспользовалась дедукцией, чтобы точно определить год, а также поняла, как пользоваться часами. Думаю, она будет отличным Стражем времени.

Мне нравится Индиго. Не так, как Эйб, конечно, но я могла бы с ним поладить.

Позади меня кто-то кашляет.

— Еллоу? — спрашивает мужчина справа, — ты не согласна?

Я слышу, как она встает и продвигается вперед, к Индиго, подметая пол платьем.

— Абсолютно не согласна, сэр. Ирис совершила ряд нарушений, — она откидывает голову назад, чтобы убрать с плеч волосы, и в это же время неприязненно смотрит на меня. — Во-первых, она была замечена несколькими историческими субъектами в не подходящей времени одежде. Во-вторых, — Еллоу замолкает, чтобы усилить драматический эффект, а потом продолжает, — она пыталась воспользоваться *мобильным телефоном*. В 1874 году.

Позади меня раздаются тихие смешки.

— Я не виню ее за попытку, — говорит Индиго. — Она не имела понятия, где очутилась, и пыталась узнать, работает ли он.

Еллоу поднимает руку, чтобы он замолчал:

— В-третьих, она вступила в переговоры с историческим субъектом.

Мне хочется сказать ей, что я посмотрела бы на нее при попытке ограбления, но она так быстро говорит, что я не могу вставить ни слова.

— Ну, и в заключении, она практически провалила миссию, разгуливая в рваном платье с современным школьным галстуком, повязанным вокруг талии.

Я открываю рот, чтобы сообщить ей, что никто, кажется, и не заметил мой галстук, и что я сделала все возможное, чтобы скрыть дыру в платье, которое было мне мало, но в это время Еллоу переводит взгляд на меня и приподнимает одну бровь с выражением насмешки на лице.

Она осматривает меня сверху до низу, задерживаясь на рваных швах и говорит:

— Тебе нужно скинуть вес.

— А тебе нужно поцеловать мой зад, — не думая, произношу я. Все открывают рты, а я

даже не моргаю глазом. Я резко поднимаюсь, а Еллоу встает в стойку. *Она хочет подраться? Ладно.*

Альфа встает и стучит рукой по столу так сильно, что просто удивительно, как он не сломал его.

— Всем сесть!

Я не отвожу взгляд от Еллоу, пока она медленно отходит назад и садится на свое место между Орэнджем и Грином. Только после этого поворачиваюсь, встречая злой взгляд Альфы.

— Я сказал, сесть! — рявкает он мне. Я сажусь. — Ты не помнишь, как я сказал, что ты тут *на испытательном сроке*?

— Тогда, может, стоило бы спросить меня, хочу ли я быть здесь, до того, как вы выдернули меня из школы, привязали к столу, имплантировали в руку чертов маячок и заставили вступить в организацию, о которой я никогда ничего не слышала?! — Я настолько зла, что мне становится все равно на нарушение протокола.

Альфа наклоняется вперед. Он в ярости. Я так и жду, что он перепрыгнет через стол и снова повалит меня на пол. Но вместо этого он выпрямляется, хватая папку, открывает ее и начинает перебирать кипу бумаг. Вытаскивает одну, подходит ко мне и впечатывает ее мне в грудь.

— Помнишь это?

Он отпускает лист бумаги, и я, наконец, могу посмотреть что в нем написано. Сверху красуется печать Академии Пил. Я моментально понимаю, что это. Это обязательство, которое мы подписываем на первом году обучения.

— Прочти его, — говорит Альфа.

— Я знаю, что там написано.

— Прочти его, — повторяет он. — Громко.

Злость течет у меня по венам и просачивается сквозь поры. Но я глубоко вздыхаю, вытягиваю лист перед собой и начинаю читать спокойным голосом.

— Я, Аманда Джин Оберман, даю свое согласие на то, чтобы Правительство Соединенных Штатов направило меня на службу в любую организацию, которая, по его мнению, нуждается во мне, в любое время, когда понадобится, — снизу моя подпись.

— Я никогда не слышала о Страже времени, — опустив руку, произношу я. Мой голос все еще звучит немного резко.

Альфа вздыхает. Не понятно, то ли от разочарования, то ли от облегчения.

— Хорошо, тебе нужно кое-что принять, и это в том числе. У тебя есть выбор: остаться здесь на испытательном сроке или уйти.

Я выпрямляюсь:

— Я могу уйти? — перед глазами сразу встает образ Эйба. Я могла бы увидеть его уже завтра.

Позади меня кто-то тихим злым шепотом произносит: «Нет».

— Конечно, — говорит Альфа. — Но не так, как ты думаешь. В школу ты больше не вернешься. Ты уже выпустилась. Ирис больше не ученица. Стража Времени — одна из самых секретных правительственных организаций за всю историю. Ты одна из немногих людей, которые об этом знают. Боюсь, мы не можем просто так тебя отпустить. Если ты решишь уйти, то будешь... задержана.

У меня пересыхает во рту, и я чувствую покалывание в плечах. Голос Альфы низкий.

Пугающий. Даже угрожающий.

— Как это... задержана?

Альфа сжимает губы в тонкую линию и молчит, как будто пытается подобрать правильные слова.

— Тебя будут содержать под охраной, твои действия и связи будут под постоянным наблюдением ради национальной безопасности.

Перед глазами все меркнет, как только я понимаю, о чем он говорит.

— Вы имеете в виду не «задержана», а «заключена под стражу».

Губы Альфы изгибаются в подобие ухмылки, но он не произносит ни слова.

— Где? — спрашиваю я.

— Скорее всего, в Карсвелле.

Я так резко вскакиваю со стула, что он переворачивается. Я знаю, где находится Карсвелл. Это женская федеральная тюрьма в Техасе. Теперь мне отчетливо ясно, что означает «задержана».

Тюремное заключение в одиночной камере.

В Пиле у нас была лекция по поводу одиночного заключения. Это, своего рода, психологическая пытка. По природе своей люди — социальные создания, и этого нельзя изменить. Отрезанные от общения, изолированные заключенные медленно сходят с ума. Годы и годы нелечимого сумасшествия. Я уже знаю, каково это.

Единственная моя мысль — исчезнуть. Мне нужно убраться отсюда. Сейчас. Но еще до того как я делаю шаг, сзади меня обхватывают руки. Много рук. Члены моей предполагаемой команды. Кто-то отодвигает стул и усаживает меня на него. Я пинаюсь и пихаюсь, но все без толку. Все равно, что вдесятером на одного.

— Тебе нужно научиться сдержанности, — говорит Альфа спокойным, практически скучающим голосом. — Итак, ты уходишь или остаешься?

— А у меня что, есть выбор? — выплевываю я.

— Да. Ты можешь выбрать: уйти или остаться.

— То есть выбора нет, — говорю я. — Конечно, я остаюсь.

Альфа кивает головой:

— На испытательном сроке, — повторяет он. — Понимаешь, нас определенное количество. Команды всегда состояли из семи членов. Правительство думает о том, чтобы расширяться, но оно пока не уверено. Так что ты, своего рода, эксперимент. Если он окажется удачным, ты в деле. Если нет, ну... не обессудь. Я уже рассказал тебе о последствиях.

Я пытаюсь опять вскочить со стула, но несколько пар рук прочно удерживают меня.

— Почему я?! — я вот-вот расплачусь. — Я все делала правильно. Все. Всегда играла по правилам, — у меня срывается голос. — Все, чего я когда-либо хотела, это...

Я обрываю себя на полуслове, пока не сказала слишком много. Никому не нужно знать о моем отце, хотя есть шансы, что они и так все знают. Они, наверно, знают все и обо всем.

— Хотела чего? — говорит Альфа. — Получить уровень доступа? А почему ты думаешь, что не сможешь сделать этого здесь?

Вот оно. Альфа знает. Я никогда никому не рассказывала об истинных мотивах поступления в Пил. Даже Эйбу. Но каким-то образом Альфа знает и об этом.

В голове крутятся его слова. Я могу получить доступ. Это то, чего я хотела с того момента, как мне исполнилось семь лет, и я поняла, что мама ничего не расскажет мне об

отце. Теперь я могу, действительно могу узнать, что произошло с ним. Почему он умер. В чем заключалась его миссия. Мне не надо будет ничего воображать, рассматривая жетон служащего ВМФ Соединенных Штатов, который я обнаружила спрятанным в коробке из-под обуви в мамином шкафу. Мне не придется разрываться между мыслями о том, что мой отец может быть пилотом-истребителем, которого сбили во время тайной миссии в Сомали, или же «морским котиком», которого взяли в заложники и убили в Северной Корее. Я смогу узнать правду.

Я вспоминаю маму и то, какой она стала тем летом. Это случилось за неделю до начала занятий в школе. К этому времени она уже много дней не покидала свою комнату. Я зашла ее проверить и обнаружила, что ее предплечья покрывают глубокие порезы. Некоторые уже затянулись, но были и свежие. Я в ужасе отскочила: она раньше не делала ничего подобного. Мама сплела покрытые засохшей кровью пальцы и пристально посмотрела на меня. Так, как будто во всем виновата я.

Меня с головой накрывает чувство стыда. Мне стыдно, потому что я ушла. Ушла из комнаты. Ушла из дома. Уехала из штата. Я просто не могла это видеть. Но, может, я смогу вернуться к ней, если буду знать, что случилось с моим отцом. И тогда, может быть, всего лишь может быть, моя мама откроется, и мы подумаем о лечении, которое ей отчаянно необходимо.

Я поднимаю руки, соглашаясь на предложение Альфы, и мои товарищи медленно отходят назад.

— Извините, — говорю я. Не знаю, насколько это извинение искренне, но нужно же с чего-то начинать. Если это поможет мне узнать правду об отце, то начинать нужно именно с извинения.

Альфа садится на стул и мужчина справа — кажется, Зета, — медленно кивает головой, как будто знает что-то, чего не знаю я.

— Вайолет! — произносит Альфа. За моей спиной кто-то встает. — Покажи Ирис ее комнату. Думаю, на сегодня хватит.

Неожиданно Вайолет оказывается рядом со мной:

— Шевелись, — шепчет она.

Я встаю, но остальные в комнате остаются на своих местах. Я следую за Вайолет, вперив взгляд в конец ряда, там где сидит Тайлер-Блу, но он не обращает на меня внимания. Мне нужно поговорить с ним. Надеюсь, мне удастся это сделать завтра.

Мы опять выходим в ярко освещенный коридор, я поднимаю ладонь и закрываю глаза, защищаясь от света.

— Ты привыкнешь, — говорит Вайолет по пути к двери в конце коридора.

Она набирает код и открывает дверь, которая ведет к лестнице, похожей на ту, которую можно увидеть в любом отеле или офисном здании. Серые цементные стены, металлические перила. Мы поднимаемся на один этаж, на котором находится еще одна дверь. Вайолет приставляет руку к сканеру, набирает код, и замок открывается.

Она открывает дверь и передо мной предстает самая великолепная комната, которую я когда-либо видела. На полу роскошное темно-зеленое, с завитками цвета слоновой кости, ковровое покрытие, в центре — круглый мраморный стол около пяти футов в ширину. Каждый его дюйм заставлен цветами. Белыми цветами в прозрачных вазах. Тут розы, и лилии, и гортензии, и еще куча цветов, которые я никогда не видела и о которых, скорее всего, даже и не слышала.

Мой взгляд останавливается на массивной хрустальной люстре над столом, потом на деревянной лестнице справа. На ум приходит только одно слово — особняк.

— Что это за место? — спрашиваю я.

— Зал Стражей. Мы здесь живем. Пойдем, я покажу твою комнату.

Глава 6

Вайолет поднимается по лестнице, а мои ноги будто приросли к полу. Справа я вижу французские двери, ведущие в столовую, где находится самый длинный стол из всех, которые я когда-либо видела. Вокруг него строго по линейке расставлены стулья. На столе сервиз, и, хоть я нахожусь слишком далеко, чтобы хорошо все рассмотреть, могу поспорить, это чистое серебро.

Срань Господня!

Это место просто нереальное. Я выросла в двухкомнатной квартире с ненадежной сантехникой, втиснутой в жалкие девятьсот футов. Когда я первый раз уехала в школу, то была в шоке от того, что в классных комнатах были отполированные деревянные полы, безотказно работающая система обогрева и не склеенные скотчем парты. Мне казалось, это успех.

Но теперь я понимаю. Это тоже самое, что хвастаться подержанным шевроле перед тем, кто только что подкатил на бугатти.

Мы поднимаемся на второй этаж и идем дальше на третий, где находится одно огромное окно и семь закрытых дверей, расположенных в форме буквы «U». Четыре двери слева от окна, три — справа. Я сразу отмечаю эту деталь в голове.

Вайолет останавливается перед первой дверью налево, достает ключ из кармана и вручает его мне.

— Добро пожаловать домой, — говорит она. В ее голосе слышится нотка сарказма.

Ключ самый обычный, такой можно купить в любом хозяйственном магазине. Я немного разочарована, что он не винтажный.

Я вставляю его в замочную скважину и открываю дверь. Комната оказывается небольшой. На полу лежит такое же ковровое покрытие, как и в зале на первом этаже. Я сразу же замечаю отсутствие окна. Это означает отсутствие солнечного света и возможности побега. Меня моментально охватывает чувство паники, и я начинаю делать глубокие вдохи, чтобы взять себя в руки. Страх ничего не изменит, только сделает все еще хуже.

Прямо напротив двери стоит кровать, слева комод, возле двери — стол. Справа еще одна закрытая дверь и шкаф для одежды. На кровати лежит мягкое пуховое одеяло, которое выглядит дороже, чем любая из вещей, когда-либо принадлежавших мне. Оно определенно лучше дешевого покрывала в моей комнате в Вермонте и синего, колючего и толстого в Пиле.

— Это все мое? — спрашиваю я. Черт, звучит так, будто я поражена. Не хочу выглядеть пораженной.

Вайолет откашливается:

— Да, твое, — она проходит и открывает дверь справа. — И это тоже.

Ванная. Частично выкрашенная в светло-лиловый цвет, а частично выложенная черно-белой плиткой. Я вижу раковину и ванну на ножках. Все сверкает. Она выглядит, как ванная комната «после» в шоу «Школа ремонта».

— Я старалась содержать ее в чистоте и порядке, — раздается сдержанный, даже можно сказать, злой голос Вайолет.

Я поворачиваюсь и смотрю на нее:

— Это была твоя комната?

Она кивает.

— Здесь все построено на началах иерархии. Эта комната принадлежит самому младшему Стражу. Я переехала в комнату Индиго. Ред перебрался на первый этаж. Даже если Индиго и пытался прибираться в своей комнате, толку от этого мало — он же парень. В моей новой ванной все им провоняло, — говорит она таким тоном, как будто это моя вина.

Я возвращаюсь в комнату и открываю ящик комода. Он забит носками, нижним бельем, и... черт возьми, если только они не купили мне такое же ярко-розовое белье с маленькими черными черепами, какое я приобрела около двух лет назад. Чтобы догадаться, что это все — мои вещи, много ума не надо, а это значит, что *кто-то рылся в моем нижнем белье*. Я резко задвигаю ящик.

— Так что вот твоя комната, — говорит Вайолет так, что сразу становится понятно — она хочет отсюда убраться. Ее нога уже за порогом.

— Вайолет?

Она оборачивается. Я знаю, что не должна спрашивать, потому что это выдаст мою слабость номер один, а, значит, даст им возможность манипулировать мной. Я должна низко опустить голову, следовать приказам и двигаться вверх по служебной лестнице. Это то, чего заслуживает мой отец. Но другая часть меня не прислушивается к голосу разума.

— У меня был — есть — парень.

— Абрахам, — прерывает она меня. — Да, я знаю. Читала твой файл. И что?

Ее агрессивный тон задевает меня. Думаю, у меня не получится подружиться ни с одной местной девушкой. А если учесть, что другим и единственным вариантом является Еллоу, то можно с уверенностью сказать — подругу я тут себе не найду.

А потом Вайолет только подтверждает этот факт. Она заправляет за ухо свои фиолетовые волосы и говорит:

— Ты что, одна из этих девушек? Тех, кто думает, что мир крутится вокруг них только потому, что у них есть парень?

Я резко вскидываю голову:

— Это совсем не то, что я только что сказала. И я к таким девушкам не отношусь.

— Очень хорошо, — Вайолет сужает свои темно-карие глаза. — Потому что можешь забыть о своем парне. Это все в прошлом. Ты теперь — Страж времени. Ну, по крайней мере, на данный момент.

Подтекст очевиден. Ей хочется, чтобы я провалилась. Она не хочет, чтобы я была в Страже.

Да пошла она, как и Еллоу. Я на минуту забываю об отце и подхожу к ней ближе.

— По-твоему, я представляю угрозу?

— С чего бы это? — она смеется, хотя я могу сказать, что это нервный смех. *Хорошо*. — Это место не для тебя. Ты — чужачка.

Я поднимаю брови:

— Чужачка?

Вайолет бледнеет. Она сказала то, чего говорить не следовало. Я — чужачка. Что это значит? У меня складывается неприятное ощущение, что эта организация очень похожа на какую-то секту.

— Никуда не выходи из комнаты, — говорит Вайолет, а я начинаю смеяться. Но потом

она показывает на камеру, висящую над лестницей, и еще одну — в углу огромного окна в коридоре. Не могу поверить, что я не заметила их до этого. — Они узнают, если ты не подчинишься.

Я пожимаю плечами, показывая, что подумаю об этом. Но попытаться уйти будет полной глупостью.

— Спасибо за предупреждение. Уверена, ты говоришь об этом от чистого сердца, — С этими словами я захлопываю дверь.

Быстрый взгляд на часы говорит о том, что сейчас четыре часа утра. Физически я чувствую себя абсолютно истощенной, хотя мозг, наоборот, ощущает прилив адреналина. Я зеваю и падаю на кровать, но сразу же сажусь. Хочу осмотреться, перед тем как отключиться. Я быстро открываю остальные ящики комода. Рубашки, джинсы, кофты — все здесь. С левой стороны шкафа для одежды висят мои поношенные штаны для тренировок. Ерунда какая-то. Кто вешает штаны для занятий йогой? Правая сторона занята вещами, которые я никогда не видела. Куча светлых длинных твидовых юбок, которые определенно заставят меня чесаться, и еще какая-то одежда из плотных тканей. Может, это то, что осталось от Вайолет? Что бы это ни было, сожгу все, как только появится возможность.

Я иду в ванную комнату и сажусь на край ванны. Поворачиваю краны и подставляю пальцы под теплую воду. Сильно пахнет лавандой.

Сдергиваю галстук Пила, который все еще висит на моей талии, и снимаю через голову платье. Следом избавляюсь от туфель и носков и откидываю их ногой в спальню. Платье запикиваю в мусорное ведро под раковиной.

Вода слишком горячая, поэтому я увеличиваю напор холодной воды и опускаюсь в ванну. Скорее всего, я все еще в Бостоне, если только не попала в какой-нибудь портал, который незаметно перенес меня, скажем, в Юту? Но могу поспорить, что я в одном из тех домов на Бекон-стрит, которые пока еще не снесли, чтобы построить на их месте небоскребы. Это помещение должно стоить кучу денег.

Хорошо бы знать, где я нахожусь, на случай, если мне захочется или придется бежать. Я знаю Бостон и смогу исчезнуть в нем за долю секунды. Но не с маячком в руке, конечно.

Я опускаю взгляд на правое предплечье. Чуть пониже локтя маленькая опухоль. Я дотрагиваюсь до нее и сразу же жалею об этом, поскольку всю правую часть тела пронзает боль. Боже мой. *В моей руке маячок.* Кто-то собирается отслеживать мое местонахождение каждую секунду каждого дня всю мою оставшуюся жизнь. Я подставляю голову под напор воды, а потом начинаю думать об Эйбе.

Может, нужно выкинуть его из головы? Может быть, так будет проще. Нужно сконцентрироваться. Но я не могу. Эйб — часть меня, также, как и я — часть него.

Наше знакомство с Эйбом было не самым романтичным. Мы встретились в первый день занятий, в аудитории. Основные предметы для всех были одинаковые: математика, управление, информатика и естественные науки. К тому моменту мы уже побывали на практических занятиях (странное название для урока, где тебя обучают тому, как шпионить за людьми, стрелять из снайперской винтовки и обезвреживать бомбы), но направление боевой подготовки мы могли выбирать. Я просмотрела все возможные варианты и остановилась на «Крав-Мага». Без понятия, что это, но меня привлекло название «Израильская военная система рукопашного боя». Израильтяне большие засранцы.

Отметив галочкой выбранный вариант, я заглянула в бумаги парня, сидящего рядом. Этим парнем оказался Эйб, и он выбрал каратэ.

— Карагэ? — рассмеялась я. — Тебе что, семь лет? Собираешься получить оранжевый пояс?

Эйб встал и явно расстроенный ушел; а потом его сосед по комнате Пол Андресс занял его место.

— Не нужно быть такой задницей, — сказал Пол. — У него уже черный пояс второго дана, но недавно у этого парня умер сенсей.

У меня в горле образовался ком, а Пол добавил:

— Сенсеем была его бабушка.

Так что мое первое общение с Эйбом закончилось тем, что я посмеялась над его скончавшейся бабушкой.

На следующий день я извинилась перед ним, и он простил меня, потому что Эйб самый чудесный в мире человек. С этого момента Эйб и я стали «мы». На каникулах мы отправились к нему домой. Его семья встретила меня с распростертыми объятиями. Они стали и моей семьей, потому что моя настоящая семья — это синоним неблагополучности.

Я потрясла головой, словно мой мозг — это волшебный экран, и если я потрясу его, то избавлюсь от образа матери, заполнившего мой разум. Но он все еще здесь. Также как и чувство вины.

Как ни посмотри, она была ужасной матерью, но почему-то именно я чувствую себя виноватой. Как будто это моя вина. Я начинаю часто дышать и сжимаю глаза. Вот и дождалась... злость, горечь.

Злость, потому что она не пыталась измениться ради меня. Горечь, потому что уже с семи лет я знала правильную дозу лития для лечения психических расстройств. Злость — все хорошие детские воспоминания детства какие-то расплывчатые: я не помню, были ли они на самом деле или я просто их придумала. Горечь — когда другие дети моего возраста учили таблицу умножения, я рыскала в интернете и запоминала названия лекарств: «Вальпроат», «Ламотриджин» и «Флуоксетин».

И самая большая злость на то, что моя мать отказывалась лечиться. Каждый раз, когда я надеялась на то, что она наконец-то будет придерживаться лечебного плана, она соскакивала с него через пару недель.

Я сжимаю кулаки, а потом хватаюсь за ванну и встаю. *Эйб. Думай об Эйбе.* Он ждет меня. Я найду способ вернуться к нему.

На вешалке висят свежие полотенца. Большие пушистые белые полотенца, пахнущие кондиционером. Заворачиваю в одно из них свои влажные волосы, натягиваю фиолетовые флисовые штаны с футболкой и плюхаюсь на кровать. *Эйб. Думай об Эйбе.* Но перед тем, как я отключаюсь, у меня перед глазами стоит образ Тайлера Фертига.

Тук! Тук! Тук!

Я резко сажусь в кровати. Кто-то стучится в дверь. Пока я выбираюсь, ладонью натыкаюсь на полотенце.

Черт, я уснула с мокрыми волосами?

Я открываю дверь. Передо мной стоит Еллоу. Ну, конечно же. На ней джемпер, мини-юбка, колготки и сапоги. В ушах огромные бриллиантовые гвоздики. Светлые волосы аккуратно уложены. Я же стою в пижаме и с ужасом на голове.

Еллоу морщит нос и вручает мне сложенную записку:

— Завтрак ровно в семь. Альфа не любит, когда кто-нибудь опаздывает. У меня совсем вылетело из головы, что нужно было тебе об этом сказать.

Я перевожу взгляд на часы на комод. Шесть пятьдесят восемь. Серьезно? Тут что, никто ничего не знает о важности хорошего длительного сна?

Я закрываю дверь у нее перед носом и открываю ящики. Непрочитанную записку кладу на комод. Хватаю первый попавшийся свитер и пару джинсов, а потом трачу десять секунд на чистку зубов и засовываю ноги в кроссовки.

Спускаясь по лестнице, скручиваю все еще влажные волосы в узел. По моим ощущениям сейчас ровно семь часов, однако я оказываюсь последней из прибывших в столовую. Все уже сидят на своих местах. Мужчина в одежде официанта разливает кофе, а за ним следует женщина с апельсиновым соком.

За столом тоже присутствует своя иерархия. Альфа сидит во главе. Ипсилон отсутствует, Зета сидит справа, Ред — слева. А затем по порядку друг напротив друга все остальные.

Но самое странное, что половина присутствующих выглядит так, как будто ожидает своего выхода в театральной постановке. На Зете коричневое пальто, белые колготки и короткие шорты, приспособленные под коленями. Рядом на столе лежит припудренный парик, что кажется очень негигиеничным. На Вайолет — ярко-голубое мини-платье, силиконовые босоножки и куча браслетов на запястье. Фиолетовые волосы собраны в очень высокий хвост. На Тайлере — или Блу — костюм со штанами с завышенной талией, а на Индиго — обычные серые штаны с жилетом и смешные черно-белые туфли. С каждым новым увиденным костюмом моя челюсть отвисает все больше.

— Еллоу, — говорит Альфа строгим голосом, добавляя сливки в кофе, — я попросил тебя убедиться в том, что Ирис знает, как ей следует одеться этим утром.

Еллоу выпрямляется на своем стуле:

— Было сделано, сэр. Я расписала дресс-код на листке бумаги и вручила ей сегодня утром. Думаю, она его просто проигнорировала.

Я моргаю. Эта свернутая записка, которую она всучила мне, так и лежит на комод.

— Я опаздывала, — говорю я, а потом морщусь. Ненавижу оправдываться. Ненавижу. Если сделал ошибку, осознай это, прими последствия и двигайся дальше. Но нет, вот она я, оправдываюсь, как второклашка. Жду реакции Альфы.

— Можешь переодеться после завтрака, — говорит он. — Присаживайся, пожалуйста.

Он что, сумасшедший? Я сажусь на свободный стул напротив Индиго, но мой взгляд прикован к Тайлеру. Он пристально смотрит в пустую тарелку, но, думаю, чувствует, что я тарашусь на него. Давай, Тайлер, подними голову. Мне нужно с ним переговорить. Я еще не успела пододвинуть стул, а мужчина с кофе уже рядом. Пахнет орехами. Мерзость. Ненавижу кофе со всякими добавками. И совсем не потому, что его любит моя мать.

— Нет, спасибо, я не... хорошо, не обращайтесь внимания, — говорю я, пока он до краев наполняет мою чашку. Женщина с апельсиновым соком останавливается возле хрустального бокала, как бы спрашивая, хочешь ли я сока. Мило.

— Да, пожалуйста.

Беру стакан с соком и делаю маленький глоток. Одновременно замечаю, что Еллоу пристально смотрит на меня с довольным выражением на лице. Она поворачивается к Тайлеру, сидящему слева от нее:

— Просто ужасно, сколько сахара в апельсиновом соке, правда? — говорит она. Ее хрустальный бокал пуст.

Тайлер пожимает плечами и раскладывает на коленях салфетку.

Я поворачиваюсь к Индиго:

— Апельсиновый сок немного кисловат. Будь добр, передай мне сахар.

Индиго сжимает губы, пытаясь не рассмеяться, и вручает мне хрустальную сахарницу. Я кладу в сок три чайных ложки сахара, а потом пробую на вкус.

— Ну, так-то лучше, — говорю я.

Совсем не лучше. Ужасно. Но я заставляю себя потягивать сей напиток, как будто это шоколадный молочный коктейль.

Альфа во главе стола откашливается, и все головы в зале поворачиваются к нему.

— У вас у всех есть задания на сегодня?

Все кивают за исключением меня.

— Отлично, — говорит он. — Ирис. Ты будешь работать с Зетой, как только переоденешься во что-то более приемлемое.

После этих слов официанты вносят серебряные подносы и ставят их посреди стола. На одном — яичница, на другом — бекон. Еще есть тосты, картофель и поднос с чем-то овощным — его поставили прямо напротив Альфы.

Я до ужаса хочу есть. Не помню, когда последний раз у меня во рту была еда, поэтому накладываю в тарелку все, что вижу перед собой. Поднимаю взгляд и заметив, что на меня с ужасом пялятся Еллоу, насаживаю на вилку кусочек картофеля и кладу его в рот, а потом медленно с наслаждением пережевываю, не отрывая от нее глаз.

Когда официанты уносят подносы, Альфа говорит:

— Еллоу, помоги Ирис собраться.

Еллоу и я одновременно пытаемся протестовать.

— Что? — восклицает она.

— Мне не нужна помощь, — говорю я.

Альфа поднимает руку:

— Такое ощущение, что я не могу доверить ни одной из вас простейшего задания, поэтому выполняйте его вместе. Обе, пошли. Десять минут.

— Десять минут? Я же не волшебница, — говорит Еллоу со смешком. Потом она краснеет и выпучивает глаза, как будто не может поверить тому, что только что сказала. — Я имела в виду, что сделаю все, что в моих силах.

— Десять минут, — повторяет Альфа.

Еллоу выдергивает меня из-за стола и тащит вверх по лестнице. Я освобождаю руку из ее захвата; да прежде ад замерзнет, чем я позволю ей так хватать меня. Медленно поднимаюсь за ней по лестнице. Еллоу останавливается перед моей дверью.

— Ключ! — требует она, сжимая и разжимая пальцы вытянутой руки.

Я вручаю ей ключ, и Еллоу заходит внутрь. Она не осматривает комнату, даже не делает ни одного комментария по поводу беспорядка, а напрямик идет к шкафу, собирает всю одежду с правой стороны — ту, что, я думала, осталась от Вайолет — и бросает ее на кровать.

— Где записка? — спрашивает она.

Я показываю на комод, и она поднимает брови:

— Что? Проблемы с чтением?

Я выше ее на шесть-семь дюймов и тяжелее приблизительно на пятьдесят фунтов. Я могу запросто отметелить ее, даже если у нее есть боевая подготовка. На секунду я представляю себе эту сцену, а потом иду к комоду и разворачиваю записку, в которой

написано:

НОМЕР ЧЕТЫРЕ

— Номер четыре, — говорю я ей. — А ты что, об этом не знала? Мне казалось, ты сама это и написала, — передразниваю я ее подхалимский голос, которым она разговаривала с Альфой.

Еллоу недовольно прищуривается и начинает рыться в одежде. Я замечаю, что каждая вешалка пронумерована. Вешалки под номерами один, два и три уже валяются на полу, а Еллоу держит в руках сшитое из огромного количества парчи платье с глубоким декольте.

— Ты по-любому в него не влезешь, — она осматривает платье, а потом переводит взгляд на меня.

Я вырываю платье у нее из рук и бросаю его на кровать.

— Заткнись. У меня спортивное телосложение, я мускулистая и сильная. Можешь прекратить свои попытки унижить меня.

Еллоу поднимает брови и, подняв руки, недоуменно смотрит на меня:

— Эй, — говорит она. — Я и не пыталась. Просто хотела объяснить, что вся одежда была сшита по меркам, которые мы получили заранее. И если черное платье оказалось тебе мало, то и остальная одежда будет тоже. Ее перешьют, но сегодня мне придется потуже затянуть корсет.

Кажется, ей действительно жаль. Может, я слишком резко отреагировала на ее слова? Но потом Еллоу поднимает вешалку, на которой висит бежевый инструмент для пытки на китовом усе.

— Я не надену корсет, — говорю я ей.

— Наденешь. Мы напрасно тратим время. Мне нужен фен и утюжок для завивки волос. У тебя есть?

— У меня есть фен, — показываю я на свисающий с раковины старенький фен, который появился у меня в шестом классе.

Еллоу заглядывает в ванную и с отвращением смотрит на меня:

— Мой определенно лучше. Подожди.

Она оказывается за дверью в мгновение ока. Я дотрагиваюсь до корсета. На ощупь он жесткий и плотный. Я совершенно точно его не надену. Женщины не просто так бунтовали против корсетов, а потом рожали девочек, которые носили штаны, а те, в свою очередь, рожали девочек, которые сжигали лифчики. Если я надену это, то своими руками перечеркну сотни лет прогресса.

Через несколько секунд Еллоу возвращается с феном, утюжком и огромной косметичкой.

— Садись, — командует она, вставляя вилку утюжка в розетку возле кровати. — У нас только семь минут.

Она распрямляет мои влажные затянутые в узел, волнистые волосы, пробегает пальцами по всей их длине и включает фен. Через несколько секунд она выключает его.

— У тебя густые волосы, — сквозь зубы произносит Еллоу, как будто я в этом виновата. С этими словами она вручает мне фен, — На, суши, пока я буду наносить макияж. Попытайся сильно не ерзать, — что я и делаю, пока Еллоу подводит мне глаза. Она пудрит мне лицо, наносит немного румян на щеки и красит губы ярко-красной помадой. Закончив, Еллоу затем забирает у меня фен и выключает его.

— Ты слишком медлительна, — С этими словами она берет утюжок для завивки волос и

слегка дотрагивается до него пальцами, чтобы проверить температуру. Потом хватается большую прядь все еще влажных волос и закручивает ее на утюжок. Когда горячая поверхность утюжка касается волос, раздается шипящий звук. По мере накручивания она закалывает волосы вокруг моего лица.

Наконец, Еллоу откладывает утюжок, выдергивает вилку из розетки на стене и идет к кровати. Я мельком бросаю взгляд на себя в зеркало.

Срань Господня!

Еллоу превратила меня в какую-то бледнолицую проститутку из прошлого. Я не сильно крашусь, поэтому то, что у меня сейчас на лице, — тихий ужас. Подводка настолько густая, что я выгляжу как енот, щеки — ярко-розовые. А лицо... ну, лицо белое, как будто я собираюсь играть в театре Кабуки.

Я моргаю.

— Уверена, там, куда я направляюсь, так не красятся.

Еллоу берет корсет и с презрением смотрит на меня:

— Ты что, вообще ничего не знаешь?

— Прости?

— Это платье в колониальном стиле сделано из итальянского шелка. Так что ты будешь выглядеть, как богатая дама из высших слоев общества, чья одежда соответствует европейской моде конца восемнадцатого века. И еще это значит, что я идеально тебя накрашила.

— Я... — не знаю, что на это сказать. Откуда Еллоу все это знает?

— Вставай! — командует она, держа в руках корсет.

— Я это не надену, — снова повторяю я.

— Отлично, — она бросает его на кровать, — тогда сама будешь все объяснять Альфе и Зете. Хочешь провалить задание? Хочешь, чтобы тебя выкинули еще до того, как ты начала работать?

Я морщусь при воспоминании об альтернативе — одиночном заключении, и представляю себе, как брожу из угла в угол до конца жизни в камере размером восемь на десять, и передергиваю плечами.

— Хорошо, — бубню я и снимаю футболку. Еллоу натягивает мне через голову корсет.

— Вдохни, — командует она. Когда я так и делаю, она хватается за завязки и затягивает их с такой силой, что я начинаю ловить ртом воздух. Не успеваю я надышаться, как она затягивает опять так, что мне кажется, будто у меня ломаются ребра. Я пытаюсь дышать прерывисто, но это только причиняет еще большую боль легким.

— Не могу... дышать.

— Привыкнешь, — говорит Еллоу и, схватив парчовое платье, надевает его на меня. Как бы я хотела повернуть время вспять и не есть так много всего на завтрак. Этот корсет настолько тесен, что все съеденное так и просится наружу.

— Где ты хранишь украшения? — спрашивает она.

Я показываю на шкатулку на комод, одновременно делая отрывистые вдохи и пытаюсь понять, как восстановить дыхание. Моя музыкальная шкатулка с танцующей балериной. Я получила ее на Рождество, когда мне было четыре, от бабушки, которую никогда не видела. Порывшись в ней, Еллоу закатывает глаза.

— У тебя что, нет жемчуга? — спрашивает она.

— Прости, наверное, я его где-то оставила, — я кладу руки на бедра и делаю медленный

вдох.

Еллоу игнорирует мою издевку и берет в руки браслет с подвесками. Она подносит его поближе и проводит пальцем по птичьей клетке.

— Это подарок, — говорю я на случай, если она собирается отбросить его в сторону. Я возвращаюсь мыслями к Эйбу, к первому Хануке, который я провела с его семьей — первому Хануке, которую я вообще праздновала — и к простой, маленькой черной коробочке, перевязанной серебристой лентой с карточкой от его бабушки. Мне не особо нравятся украшения, но этот браслет я носила каждый день. И все еще ношу. Ну, кроме сегодняшнего утра, потому что слишком спешила.

Еллоу кладет его обратно в шкатулку и опускает крышку:

— У тебя нет ничего подходящего. Где твои часы Стража?

Я показываю пальцем на ванную комнату, где на краю раковины лежит подвеска.

— Дааа, — протягивает Еллоу. — Тебе следовало бы быть поаккуратнее с государственной собственностью, которая стоит где-то около двадцати миллионов долларов. Я так и вижу, как ты пытаешься все объяснить Альфе: «Упс, извините, я уронила временной портал в сливное отверстие».

Я тут же настораживаюсь:

— Временной портал? Эта цепочка?

— Ну, конечно, — Еллоу протягивает мне цепочку, и я надеваю ее через голову. — У тебя только тридцать секунд. Лучше поторопиться.

Я едва могу переставлять ноги, но каким-то чудесным образом спускаюсь по лестнице, ни разу не упав. Чувствую себя нелепо. Абсолютно нелепо.

Зета ожидает меня в зале, возле стола с цветами:

— Ты готова к первой миссии?

— Я думала, что первая миссия была прошлой ночью.

Зета даже не улыбается:

— Это был твой вступительный экзамен. Сегодня — первая настоящая миссия. Первая Хронометрическая аугментация.

— Ну, я готова, — говорю я ему, совершенно не чувствуя уверенности в сказанном. Разве мне не должны провести экскурс в историю или рассказать о механизме перемещения во времени? Даже короткая лекция была бы кстати. Но я не хочу, чтобы Зета думал, что я слабачка, поэтому просто молчу.

Вытянув шею в сторону столовой, я пытаюсь разглядеть в ней Тайлера, но там вообще никого нет. Еллоу спрыгивает со ступенек и машет рукой Зете, он в ответ улыбается и кивает ей. Выражение его лица смягчается, как будто она действительно ему нравится. Странно. Сложно представить, что Еллоу может кому-то нравиться.

Она открывает тяжелые французские двери в коридоре напротив столовой и быстро проскальзывает внутрь. Тем не менее, я успеваю бегло изучить каждый доступный для обзора дюйм. Комната заставлена высокими, до самого потолка, книжными полками, и я даже замечаю одну из этих специальных лестниц с колесиками. В центре размещены столы. Библиотека. У них собственная библиотека. Ну, разумеется.

Зета откашливается:

— Ты готова?

Меня пробирает дрожь, что довольно странно, потому что обычно я могу себя контролировать. Но мысль о перемещении-в-прошлое-проецировании-Хронометрической

аугментации-чтобы-там-еще-ни-было до ужаса меня пугает.

— Куда мы отправляемся? — спрашиваю я.

— В тысяча семьсот семидесятый год, — будничным голосом отвечает Зета. — Мы собираемся изменить ход событий Бостонской бойни.

Глава 7

— Простите? — моргнув, произношу я, пытаюсь вспомнить последнюю лекцию по истории Америки. Бостонская бойня стала одним из самых значимых событий на пути к Декларации независимости. Если мы изменим события бойни, не будет ли это означать, что колонии никогда не заявят о своей независимости? Не *останемся ли* мы по сей день колониями? Неужели я выгляну из окна и увижу «Юнион Джек», развевающийся над Капитолием штата Массачусетс? Срань Господня, а будет ли Капитолий существовать вообще?

— У Стражи Времени есть три правила, — говорит Зета, устало спускаясь по лестнице. — Три очень важных правила. Нарушишь хоть одно — сразу же вылетишь, поэтому постарайся запомнить их.

Я все еще витаю в облаках, думая о Капитолии.

— Разве вмешиваться в ход Бостонской бойни — хорошая идея? — спрашиваю я.

— Правило номер один. Мы не проецируемся перед тем, кто не является членом Стражи времени, и это значит, что мы не проецируемся на публике. Никогда. Правило номер два — ты слушаешь?

Я быстро спускаюсь по лестнице, громко топая и кивая.

— Правило номер два. Нет никаких вторых шансов. У тебя только одна возможность изменить прошлое. Если напортачишь, все так и останется испорченным. Если тебя убьют, ты останешься мертвой. Поняла?

Я замираю. Я могу умереть во время миссии? Да, знаю, в Пиле нас готовили к работе в опасных условиях, но на самом деле я никогда серьезно не задумывалась о риске, с которым могу однажды столкнуться. И почему это мы не можем вернуться и исправить ошибки? Это просто бессмысленно.

— Правило номер три, — говорит Зета. — Никаких перемещений в личных целях. Если ты думаешь, что можешь по-быстрому смотаться в прошлое и сделать ставку на результаты Суперкубка прошлого года, подумай хорошенько еще раз. Это одна из причин, почему тебе вживили маячок. Сделаешь нечто подобное — окажешься в тюрьме.

Зета открывает передо мной дверь, и я вхожу в залитый ярким светом коридор.

— Ты поняла?

— Почему мы не можем вернуться и исправить ошибки?

Зета встает прямо передо мной. Он не такой высокий, как Альфа — всего на несколько футов выше меня — но кажется, что он нависает надо мной. Если Зета пытается запугать меня, то это, типа, работает.

— Ограничения пространственно-временных туннелей, — судя по его тону, с вопросами покончено. — А теперь еще раз: ты поняла эти три правила?

Я киваю.

— Хорошо, — говорит он. — Потому что это в первый и последний раз, когда я говорю тебе о них, — Мы идем по коридору к двери, через которую я проходила вчера. Зета показывает на позолоченную табличку, которая висит над ней.

— Мы подправляем, а не изменяем, — говорит он. — Вот что мы делаем. Мы

подправляем прошлое, но не изменяем его.

Мне кажется, что между этими понятиями довольно тонкая грань — где заканчивается подправление, и начинается изменение — но до того, как я успеваю сказать об этом, Зета набирает код, и дверь открывается. За ней — непроницаемая темнота.

— Что это? — спрашиваю я.

— Дверь.

Спасибо.

— Что здесь находится? — спрашиваю я.

— Это гравитационная капсула, — произносит Зета скучающим голосом, как будто говорит о чем-то совершенно очевидном. Я отхожу от двери, но Зета хватается за руку и сжимает ее. Мне в очередной раз становится понятно, что я ничего не могу сделать в этой ситуации. Я осматриваю коридор. Определенно здесь повсюду камеры, отслеживающие каждое движение.

— Эта комната — новинка. Гравитация облегчает физическое воздействие на тело, которое вызывает Хронометрическая аугментация. Она как бы замедляет нас, оказывая тем самым меньшее давление на кости и суставы.

Я не могу не вспомнить об Ипсилон, женщине в инвалидном кресле. Ее тело переломано так, что его невозможно восстановить. Интересно, это результат Хронометрической аугментации? Не это ли причина того, что остальные члены Стражи времени мертвы? Потому что их тела не смогли восстановиться после физических травм?

Теперь я уже не уверена, что хочу это делать, даже если у меня и не так много вариантов для выбора: либо показать себя с лучшей стороны, чтобы добраться до информации, которую я всегда хотела узнать, либо пожизненное тюремное заключение.

Зета толкает меня к двери:

— Ты — первая, — он берет мои часы и нажимает на кнопку на крышке, а потом вручает их мне. — Запрограммируй. Мы перемещаемся в пятое марта 1770 года.

Я колеблюсь, перед тем как взять их. Но я должна это сделать. Ради отца. Ради его памяти. И ради мамы. Я уже виновата перед ней. Не хочу усугублять свою вину.

Начинаю крутить циферблат. Сначала год. Мы отправляемся к месту событий, предшествующих Американской революции. Придется делать много оборотов. Теперь месяц. Здесь октябрь, а там март, значит, нужно сделать семь оборотов назад. День. Семнадцать оборотов в обратном направлении. Зета стоит позади меня и пристально смотрит, как будто хочет поторопить. Блин, сбилась со счета. *Семнадцать или шестнадцать оборотов?*

— Готова? — спрашивает он.

Не имею понятия. Семнадцать или шестнадцать? Где моя внимательность? Ненавижу себя в такие моменты. Делаю еще один оборот назад и киваю Зете.

— Вперед, — говорит он.

Я делаю шаг вперед и вздыхаю. Ну что ж, пора.

— Вперед, — повторяю я и, запрыгнув в комнату, закрываю крышку часов.

Такое ощущение, что в один момент у меня под ногами пол, а в следующий — пустота. Я падаю, а сердце стучит, как сумасшедшее. Открываю рот, чтобы закричать, но не могу произнести ни слова. Я падаю, и падаю, и падаю, как будто скатываясь на бесконечных американских горках.

А потом больно ударяюсь коленями о пол в чулане и, хватая ртом воздух, хлопаю

руками по полу. Это и есть облегченная версия Хронометрической аугментации? Как, черт возьми, все происходило раньше?

Я встаю на ноги. Чулан абсолютно пуст. Не сказать, что тут много места. Может, мне стоит подождать снаружи? Или не двигаться с места, потому что Зета разозлится, если я уйду. Он не показался мне доброжелательным парнем.

Время идет. Проходит несколько минут. Слишком долго. Достаточно, чтобы понять, что мне нужно выйти. Я поворачиваю дверную ручку, ожидая встретиться лицом к лицу со злым Зетой, но все, что вижу — это поле. Что за...

Вдруг откуда-то сверху раздается громкий звук, похожий на свист. Я поднимаю глаза, и откуда ни возмись передо мной появляется Зета. Он толкает меня обратно в чулан и захлопывает дверь.

А потом разворачивается ко мне:

— Скажи мне, ты случайно не провалила экзамен по математике во втором классе?

Сердце пропускает удар.

— Я... что?

— Сейчас четвертое марта 1770 года, а не пятое. Ты что, не можешь выполнить такое простое задание, как посчитать задом наперед? Мне что, нужно программировать тебе часы, как маленькому ребенку?

На миг я оцетиниваюсь на него, но сразу же понимаю, что частично в этом есть моя вина, потому что я была невнимательна, когда заводила часы. Ненавижу ошибаться.

— Мне жаль, — бормочу я.

— Я спроецировался в пятое марта, а когда понял, что тебя там нет, мне пришлось проецироваться обратно, подниматься по лестнице и активировать маячок, чтобы узнать твое местонахождение. Ты тратишь мое время.

— Я же сказала, что мне жаль.

— Не извиняйся. Нужно было сразу делать все правильно. Перезаводи часы на один день вперед. Справишься с этим?

Я игнорирую последнюю фразу и, вытаскивая часы, делаю один оборот. А потом закрываю крышку, ожидая, что сейчас начнется падение. Но ничего подобного не происходит. Вместо этого меня приподнимает в воздух, и секунду спустя я оказываюсь на коленях в том же чулане. Рядом приземляется на ноги Зета.

— Готова? — он поправляет свой напудренный парик и топает ногами. Не дожидаясь ответа, открывает дверь и выходит наружу.

Я задерживаюсь, пытаюсь проанализировать свои ощущения от проецирования. Почему в этот раз у меня было ощущение засасывания, а не падения? Так же было, когда я покидала 1874 год. А, теперь понятно. Если отправляешься в прошлое, то падаешь. Если в будущее, то засасывает.

Зета кашляет, привлекая мое внимание. Я качаю головой, выпрыгиваю из чулана и замираю на месте при виде колониального Бостона, простирающегося передо мной. Именно простирающегося, потому что я смотрю не на улицу, а на открытое пространство. Там, где когда-нибудь будет Общественный парк, пасутся коровы. Нет фешенебельного и богатого района Бэк Бэй. А есть... вода. Самая настоящая бухта. Я осматриваю место, которое станет парком Бостон-Коммон. Нет и следа Капитолия с его гигантским куполом. Нет небоскребов, магазинов. Вместо этого чуть вдалеке я вижу Старый Капитолий — место, где началась Бостонская бойня. Он здесь, прямо перед моими глазами.

Также нет и следа домов из бурого камня. Есть лишь одно здание там, где в будущем будет пролегать Бикон-стрит — одна из наиболее заселенных улиц Бостона. Мы стоим перед высоким и длинным домом со стенами из какого-то коричневого камня и балконом.

— Что это? — спрашиваю я. — Где дома из бурого камня?

Зета не моргнув и глазом отвечает:

— До их появления еще около ста лет. Это особняк Хэнкоков. А вон там, — он показывает пальцем на Старый Капитолий, — место нашего назначения. Ты должна внимательно слушать меня и делать то, что я говорю, понятно?

— А у нас есть какой-нибудь план?

— У меня есть, — говорит Зета, даже не глядя на меня, и одергивает рукава. Понятно. Я страстно желаю получить хоть какую-то информацию, а Зета считает, что мне пока стоит оставаться в неведении.

Неожиданно вдалеке раздается колокольный звон.

— Давай! — кричит он. — Начинается!

Зета быстрым шагом идет по Бикон-стрит, которая в данный момент больше похожа на пастбище для коров, чем на ту улицу, какой я ее знаю. Он поворачивает направо, и мне приходится бежать, чтобы поспеть за ним. В этом чертовом платье я даже не могу нормально дышать. Мы поворачиваем налево, и прямо перед нами появляется Капитолий. Вокруг уже собралась толпа. Я готова действовать, но Зета оттаскивает меня назад.

— Но-но, — говорит он. — Мы наблюдаем со стороны.

Он поворачивает меня к себе лицом. Его руки так крепко держат меня за плечи, что, скорее всего, останутся синяки. Демонстрация силы с его стороны. Способ напомнить мне о том, что он сильнее и быстрее меня. Да, да, я поняла. Ну, и не стоит забывать, что, ко всему прочему, у меня еще и маячок в руке.

— Каков наш девиз? — спрашивает Зета.

— Мы подправляем, а не изменяем.

Со своего места я вижу, как несколько десятков людей спешат к Старому Капитолию. Они ругаются и кричат что-то по поводу налогов. Меня пробирает дрожь. Эти люди умрут. Совсем скоро. Толпа орет на солдат, бьет их палками и дубинками. Лица солдат белые от ужаса, особенно на фоне красных мундиров. Они молоды. Так молоды. На их месте могла бы быть я.

Действие, разворачивающееся передо мной, можно назвать одним словом — хаос. Безумный хаос. Это напоминает мне одну из маминых картин: мазки настолько несочетающихся цветов, что даже непонятно, куда смотреть. Ее картины отражали ее сумасшествие, то же самое, что я вижу и здесь. Красный мундир здесь, вспышка белого там. Крики женщины, плач ребенка, мужчина позади меня и его дикий смех, когда он заносит камень поверх моей головы и кидает его в солдата, промазывая всего на несколько футов.

— Скажи мне, что бы ты подправила, — кричит Зета. — Что бы ты подправила в событиях прямо сейчас.

— Что? — ору я.

Я смотрю на толпу и пытаюсь сосредоточиться. Людей становится все больше и больше, и солдаты вынуждены вызвать подкрепление. В их глазах паника. Толпа просто затопчет их. Какой-то мужчина призывает вздернуть их на виселице. Я в ужасе ловлю ртом воздух. Все совсем не так, как в учебниках по истории. Где же солдаты, которые стреляют в беззащитных и безоружных граждан? Эти люди — толпа, и действуют они, как толпа. Нет

никакой возможности их остановить.

— Я не знаю! — кричу я Зете. — Здесь слишком много людей!

Темнокожий мужчина толкает меня, торопясь в первые ряды наступающих. Он оборачивается на долю секунды, как будто хочет извиниться, но потом поворачивается и бежит к громче всех кричащему белому мужчине, стоящему в центре. Кажется, это лидер группы. Он выкрикивает лозунги, а толпа подхватывает их.

— Это Криспус Атакс, — говорит Зета, показывая на темнокожего мужчину. — Вон тот, — он показывает на лидера, — канатный мастер Сэмюэль Грей. Они оба сегодня погибли. Хочешь знать, кто еще?

У меня отвисает челюсть, когда я вижу, как два солдата просят людей отойти назад и призывают их к порядку. Какой-то мужчина замахивается палкой и ударяет одного из солдат в челюсть, звук хруста которой толпа приветствует громкими возгласами.

Зета хватается за руку и показывает на двух парней, пробивающихся сквозь толпу в первые ряды:

— Джеймс Колдвелл и Сэмюэль Мейврик. Жертвы номер три и четыре.

Один из парней оборачивается к другому:

— Стреляют! — кричит он. — Мы должны помочь.

Он не знает. Никто из них не знает. Они примерно моего возраста. Шестнадцать, максимум семнадцать лет. Они не заслуживают погибнуть таким образом. Я пытаюсь вырваться из захвата Зеты и догнать их, чтобы оттолкнуть назад, но он слишком крепко держит меня.

— А вот и номер пять, — он показывает на мужчину с краю. — Патрик Карр.

У меня останавливается дыхание, когда я вижу Патрика Карра. Он знает, что произойдет. Это написано у него на лице. Но не это привлекает мое внимание, а маленький мальчик рядом с ним. Патрик Карр — отец.

— Иди домой, — говорит он сыну.

— Но..., — произносит мальчик.

— Сейчас. Иди домой, сейчас же.

Его сын поворачивается и убегает, быстро переставляя свои маленькие ножки.

Толпа начинает бросать палки, камни и все, что видит перед собой. Большой, крепкий мужчина устремляется к солдату.

— Вы, сукины дети, не сможете перестрелять нас всех. Стреляйте! Почему вы не стреляете! Вы боитесь стрелять! — кричит он. Я вздыхаю.

— А это тот, кому мы сегодня поможем, — говорит Зета, показывая на мужчину напротив толпы. — Кристофер Монк. Его сегодня ранят, но он проживет еще почти десять лет. За это время город потратит на уход за ним непомерную сумму денег. Мы сделаем так, чтобы этим деньгам нашлось лучшее применение.

Я едва обращаю внимание на парня примерно моего возраста, который держит в руках что-то похожее на маленькую бейсбольную битку и кричит на солдат. Мое внимание все еще приковано к Патрику Карру. Толпа продвигается вперед, к солдатам.

— Когда я дам сигнал, ты побежишь к Монку и толкнешь его на землю, — пытаюсь перекричать толпу, говорит мне Зета.

— Нет! — орет Сэмюэль Грей, находящийся в самом центре толпы. — Черт вас возьми, не стреляйте!

Но слишком поздно. Сэмюэль Грей падает, а толпа начинает вопить. Я приседаю на

корточки, но Зета заставляет меня встать:

— Подожди. Еще чуть-чуть!

Я не могу ни о чем думать. Люди бегут во всех направлениях, пригибаясь и крича. Солдаты все еще стреляют. Патрик Карр машет кому-то на другой стороне улицы, требуя убираться подальше, а потом делает шаг вперед.

Нет! Он не может так поступить! Его маленькому сыну придется расти без отца. Я знаю, каково это. И не могу позволить ему пройти через эту боль. Извернувшись, я освобождаюсь из захвата Зеты и бегу вместе с толпой.

— Ирис! — кричит Зета. — Ничего не предпринимай!

Я не обращаю на него никакого внимания, устремившись напрямик к Патрику Карру. Я толкну его — он упадет на землю, и тогда пуля, предназначенная ему, пролетит мимо. Он уже близко. Краем глаза замечаю вспышку красного цвета в нескольких шагах от себя. Солдат, прицеливающийся в Карра. Я кричу и собираюсь прыгнуть вперед.

Но как только раздается выстрел, внезапно оказываюсь на земле. В нескольких шагах от меня падает Патрик Карр и до меня доносится его мучительный стон. Я тоже кричу, когда Зета прижимает мои руки к земле, лишая меня возможности двигаться. Из бедра Карра сочится кровь, и я начинаю плакать. Неважно, что меня могут увидеть. Я плачу. Я думаю о своем отце, также умиравшем где-то. Теперь этот смертельный выстрел навсегда отпечатается в моей голове. Теперь именно так отец будет умирать в моих снах.

Зета рывком поднимает меня на ноги. На земле корчится Карр. Я пытаюсь вырваться из его рук. Я должна помочь Карру. Может, если у меня получится остановить кровотечение, он выживет. Но Зета толкает меня назад и тянет подальше от толпы. Мы переступаем через окровавленное, неподвижное тело Кристофера Монка и поворачиваем за угол. Только после этого Зета отпускает мои руки и толкает так, что я падаю.

— Да что, черт возьми, с тобой такое?! — рычит он. — О чем ты думала?

Я начинаю рыдать:

— Я пыталась спасти его. Я подправляла прошлое, чтобы спасти его.

Зета поднимает брови.

— Подправляла? Думаешь, я это имел в виду, когда рассказывал тебе о подправлении? Ты хоть понимаешь, что могла натворить? Патрик Карр не был нашей целью.

— Я хотела, чтобы у маленького мальчика был отец, который бы видел, как он взрослеет!

Зета смотрит на меня округлившимися глазами, в которых бушует ярость.

— Чтобы ни случилось с тобой в прошлом, оно там и осталось. Теперь ЭТО твоя работа. Не позволяй эмоциям брать над собой верх. Позволь мне кое-что рассказать тебе о Патрике Карре. Он умрет через девять дней. Это будет медленная, болезненная смерть, но он сможет изменить ход истории Америки. Что ты видела?

— Я видела, как умирают люди, — в этот момент реальность накрывает меня с головой. Я видела, как умирают люди. Умирают. Передо мной. Впервые. Я видела фотографии мертвых тел и просмотрела кучу ужастиков, но я никогда не видела этого вживую. Ужас. Вся эта сцена — просто ужас. Никакие тренировки не смогли бы подготовить меня к мучительным стонам и упавшим телам, в открытых глазах которых отражается скорое приближение смерти.

— Почему они погибли? — спрашивает он.

Я должна сказать правду? Что я на самом деле думаю? Да, должна.

— Потому что они спровоцировали британских солдат, которые вынуждены были застрелить их в порядке самозащиты.

Зета кивает:

— Немного отличается от того, чему тебя учили в школе, так? Об этом никто бы не узнал, если бы не мужество Патрика Карра. На смертном одре он расскажет всю правду. Он расскажет своему доктору, что толпа оскорбляла солдат, что солдаты были бы убиты или покалечены, если бы не открыли стрельбу. Он подтвердит, что это была самозащита. И только благодаря мужеству и честности Патрика Карра те солдаты будут оправданы на суде. Если бы он не был честен, тех солдат бы замучили до смерти, Британия захотела бы отомстить, и Американская революция началась бы на пять лет раньше, когда мы еще не были бы готовы к ней. Мы могли бы проиграть, если бы ты свалила Патрика Карра на землю, как и собиралась.

Зета делает паузу, и его слова начинают постепенно доходить до меня. Америка могла бы потерпеть поражение в борьбе за независимость из-за меня. Из-за меня.

— Мы подправляем, а не изменяем, — повторяет он. — Ты же собиралась кардинальным образом изменить историю.

— Я не понимаю, в чем разница, — говорю я.

— Даже не сомневаюсь в этом.

Уверена, что в этом не только моя вина.

— Тогда, может, вам следовало бы получше все объяснить, перед тем как бросать меня в самое пекло Бостонской бойни.

Наверное, мне не стоило этого говорить. Да, определенно не стоило. Зета прищуривается и выпрямляется. Без сомнения, он прошел военную подготовку. Он смотрит так, как будто собирается мне что-нибудь сломать. Не сомневаюсь ни на секунду, что он запросто мог бы это сделать.

— А может, — говорит он тихим, но от того не менее опасным голосом, — тебе бы стоило получше контролировать свои порывы. Ты седьмой новобранец в моей практике, и ни у одного из них не было проблем с подчинением приказам во время операций. Ни у одного. Если хочешь обучаться по старинке, запросто. Можешь делать это не в полевых условиях, а в библиотеке. Ты напишешь мне столько эссе по поводу различия между изменением и подправлением, что у тебя отсохнет рука. У тебя никогда не появится доступа к нашим секретным данным, и, скорее всего, ты даже не выдержишь испытательного срока. Этого ты хочешь?

У меня сердце уходит в пятки. Я достойна лучшего. Я знаю это.

— Извините, — говорю я.

— Мне не нужны твои извинения. Мы возвращаемся, — он поворачивается и идет в сторону Бикон-хилл. Ну, или в сторону, где однажды отстроят Бикон-хилл.

За весь путь Зета не произносит ни слова. Он внимательно наблюдает за тем, как я нажимаю на головку, которая автоматически настраивает часы на проецирование в настоящем — как будто я могу тут что-то напутать — не произносит он ни слова и тогда, когда достает ключ, который открывает потайную дверь в особняке Хэнкоков. Единственным его контактом со мной стал взмах головы в направлении чулана, означающий, что я должна идти первой.

Когда мы прибываем на место, Альфа уже ждет нас наверху.

— Как все прошло? — спрашивает он с широкой улыбкой.

Я прикусываю нижнюю губу, в то время как Зета медленно подходит ко мне и качает головой:

— Как бы тебе понравилось, если бы мы до сих пор были под управлением Британии? Твоя звезда чуть было не устроила это, — каждое его слово сочтется сарказмом. — Ах да, мы потерпели неудачу с Монком.

Лицо Альфы становится абсолютно неподвижным.

— Я не возьму ее на задание до тех пор, пока она не докажет, что понимает разницу между подправлением и изменением и продемонстрирует лучшую выдержку.

Зета снимает парик и идет к лестнице, оставляя меня наедине с Альфой в гостиной. Некоторое время Альфа стоит, задумавшись, а потом достает свою старую записную книжку из кармана пиджака и с тяжелым вздохом что-то записывает в ней. После чего убирает ее обратно в карман и поворачивается ко мне.

— Ну что, первый день прошел не так уж и успешно?

— Простите, — говорю я, наверное, уже в десятый раз за утро.

Альфа смотрит на меня. В его глазах видны вспышки гнева, но неожиданно его взгляд смягчается. Я сбита с толку.

— Гм, никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь, — морщась, говорит он.

Я провалила задание. Я знаю, что провалила. Я разочаровала Альфу и от этого чувствую себя виноватой. Виноватой. Разве *это* я должна чувствовать? Ведь этот мужчина оторвал меня от Пила, от...Эйба.

Но я чувствую. Почему?

Его губы сжимаются в тонкую линию.

— Постарайся завтра показать себя с лучшей стороны.

А потом он уходит.

Но его слова все еще висят в воздухе. *Постарайся завтра показать себя с лучшей стороны*, потому что другого шанса может и не быть.

Глава 8

Проснувшись, я обнаруживаю под дверью записку от Зеты. Он хочет, чтобы я написала эссе на тему любого исторического события на свой выбор. Я должна объяснить разницу между подправлением и изменением и, закончив, занести его к нему в офис.

Великолепно. Эссе.

Я сминаю записку, замахиваюсь и бросаю ее. Она отскакивает от стены и падает на кровать. Эссе не вариант. Они ничего не прояснят мне. Я зла. Частично на саму себя, но в большей степени на Зету. Ни одна организация не посылает своих агентов на задания, не проведя тщательный инструктаж. Обучение в полевых условиях чревато тем, что тебя могут убить. Это знает любой. Ну, судя по всему, за исключением Зеты.

Я решаю пропустить завтрак, чтобы не встречаться с ним и остальными. Думаю, Еллоу уже наслышана о моем провале. Не уверена, что смогу сдержаться и не запустить в нее вилкой, когда она будет ухмыляться, глядя на меня.

Вместо этого я принимаю длительный горячий душ. Жаль, что вода не может смыть все произошедшее со мной. На секунду мне хочется, чтобы я вышла из душа и очутилась в своей комнате в Пиле, и, надев униформу, побежала через школьный двор в столовую; чтобы я проскользнула на свое место рядом с Эйбом, а он бы поцеловал меня в щеку. Как обычно. Как это было раньше. Так, как уже никогда не будет.

Если мне придется провести в библиотеке целый день, лучше одеться поудобнее. Корсет

и платье в стиле восемнадцатого века все еще валяются скомканные в шкафу. Я достаю черные стрейчевые штаны и старую толстовку Эйба, до сих пор хранящую запах его одеколona. Глубоко вдыхаю его и закрываю глаза.

Я помню последний раз, когда он ее надевал. Мы возвращались с TRX-тренировок. Я замерзла, и Эйб снял с себя толстовку и без лишних слов вручил ее мне. У меня так и нашлось времени, чтобы вернуть ее.

Я скучаю по нему. Станет ли он ли он дожидаться меня, как обещал? Ему придется ждать очень долго, потому что я никогда не смогу покинуть Стражу времени.

Он должен отпустить меня и жить дальше.

Я срываю с себя толстовку и бросаю ее в кучу вчерашней одежды, а потом сползаю на пол и прижимаю ладони к сердцу. Грудную клетку раздирает такая боль, будто прямо сейчас сердце на самом деле разбивается на кусочки. Я всегда думала, что это просто выражение, но теперь понимаю, что нет. Мне хочется кричать, плакать, бросаться вещами, но я не буду этого делать. Я отказываюсь впадать в депрессию, потому что моя семья и так подвержена психическим заболеваниям. Я не позволю им забрать и меня. Не позволю.

Передо мной предстает образ мамы, молча свернувшейся в кресле, но он моментально сменяется картинкой того, как она мечется по дому, наносит беспорядочные мазки по холсту и подпевает во все легкие радио. Тогда она не спала двое суток.

Ненавижу тот день и всю ту неделю. Я поднимаюсь с пола, хватаю толстовку и сбегаю вниз по лестнице.

Завтрак уже закончился, так что в поле зрения ни души. Это хорошо. Мне не хочется никого сегодня видеть. Я делаю глубокий вдох и открываю дверь в библиотеку, молясь, чтобы там не было никого из Стражей.

Так оно и есть. Книжные полки до самого потолка занимают три стены, но я направляюсь напрямик к компьютеру, расположенному у четвертой. Его не видно со стороны, так как доступ к нему закрывают два больших кресла. Складывается впечатление, что они не хотят, чтобы мы знали о его существовании. Думаю, это имеет смысл, учитывая здешний образ жизни, потому что компьютеры напоминают нам о том, что в действительности мы живем в настоящем.

Я включаю компьютер и мгновенно появляется окно, запрашивающее имя пользователя и пароль. Я ввожу «ИРИС» в качестве имени пользователя, а потом задумываюсь. Каковы шансы, что пароль будет очень простым? Пожимаю плечами и ввожу «ИРИС», затем нажимаю «ВВОД».

На экране появляется черная заставка с огромными белыми буквами «В ДОСТУПЕ ОТКАЗАНО». А потом компьютер начинает издавать звуковые сигналы. Снова, и снова, и снова.

Я нагибаюсь, чтобы выключить его, чуть не упав при этом со стула. Сигналы прекращаются, и я задерживаю дыхание в ожидании, что кто-нибудь ворвется в помещение и начнет орать на меня.

Но все спокойно. Можно выдохнуть.

А теперь черед книг. Я задвигаю стул и начинаю ходить по комнате, изучая корешки. Книги по истории. Все эти книги по истории. «История падения Римской Империи». «Великобритания и Королева». «История населения Соединенных Штатов». Даже есть несколько с картинками. Было бы неплохо их пролистать. «Краткая история архитектуры периода Итальянского Ренессанса». «История одежды начала колониальной эпохи». О нет,

забудьте, что я говорила о картинках. Я уже знаю, как выглядит одежда колониальной эпохи. Она сковывает движения и вообще просто ужасна.

Я хватаю книгу о Гражданской войне и пролистываю несколько страниц. В ней рассказывается о «Прокламации об освобождении рабов» Линкольна. Подойдет.

Согласно книге, Прокламация на самом деле не освободила ни одного раба, потому что к тому времени Юг уже отделился от Союза. Так что, технически, Юг не находился под управлением Союза к моменту ее издания. Все это было просто политическая акция. Гм. Еще один факт, о котором нам не рассказывали в школе. Смутно вспоминаю о том, что на уроках в восьмом классе нам говорили, что «Прокламация об освобождении рабов» освободила всех рабов, и аллилуйя, ну разве Линкольн не великий человек? Сначала Бостонская бойня, теперь Прокламация. О чем нам еще лгали?

Черт, знать бы, еще чем отличается подправление от изменения событий.

Предположим, что Линкольн действительно освободил рабов, издав Прокламацию до того, как Юг отсоединился. Я беру ручку и начинаю писать. Если бы я спроецировалась в прошлое, проникла в Белый Дом, приставила к голове Линкольна ружье и заставила его издать Прокламацию до отсоединения Юга, то я бы изменила прошлое. А вот если бы я послала ему анонимное письмо, предупреждая, что Юг собирается отсоединиться и что следует издать Прокламацию или что-нибудь подобное для освобождения рабов, то я бы подправила события.

Откладываю ручку в сторону и перечитываю написанное. Надеюсь, что это читабельно. Изящный, аккуратный почерк — это не про меня.

Теперь нужно найти Зета. Было бы неплохо, если бы кто-нибудь сказал мне, где его офис. Черт, было бы неплохо, если бы кто-нибудь мне сказал, есть ли у него вообще офис.

В гостиной находится Индиго. Он сидит на диване в каком-то сером обмундировании, закинув ноги в тяжелых черных ботинках на кофейный столик, и полирует штык. Рядом на полу стоит ружье. Увидев меня, он прекращает свое занятие.

— Привет, — говорит он с таким видом, как будто это вполне обычно сидеть в одежде, за которую с огромной радостью ухватился бы любой музей, и полировать ружье.

— Что, собираешься на реконструкцию Гражданской войны?

Индиго застенчиво улыбается:

— За исключением реконструкции, все остальное верно. А ты куда?

Я машу своим эссе и отвечаю:

— Мне нужно отнести это в офис Зеты, но я понятия не имею, где он находится.

На лице Индиго расплывается широкая улыбка, он поворачивает голову назад и штыком показывает мне на помещения прямо за лестничной клеткой.

— Тебе туда. Вторая дверь направо. Не открывай первую дверь. Там ванная. — Он подмигивает, а по моим венам словно пробегает электрический ток. Что за ерунда? Мое тело реагирует на то, что привлекательный парень просто подмигнул мне?

Меня пронзает чувство вины, когда вспоминаю фигуру Эйба, обхватившего себя руками на банкете в честь выпуска.

— Удачи, — говорит Индиго. — Я имею в виду с Зетой.

Нахмурившись, показываю ему мозоли на руке.

— Этот мужик — козел.

Индиго откидывает голову назад и начинает ржать. Громко, искренне. Потом ухмыляясь, кладет штык на диван рядом с собой:

— Очевидно, они не объяснили тебе, как тут все работает?

Во мне поднимается волна злости, но я сохраняю прежнее выражение лица. Так, как нас и учили в Пиле. Никогда не показывай свои эмоции в стрессовых ситуациях. Эмоции — это как карта, обозначающая кратчайший путь к твоим слабостям.

— Видимо, да, — говорю я.

Индиго опускает ноги со стола и встает. Он не намного выше меня.

— Не переживай, детка, — говорит он, сжимая мое плечо. — Уверен, в конце концов, они тебе все расскажут. Как только ты станешь постоянным агентом. — Индиго наклоняется так, что его рот оказывается напротив моего уха. Я чувствую его дыхание на своей коже, и никакая сила воли не помогает мне справиться с дрожью в руках. — Не переживай, — говорит он, — когда ты все поймешь, я не буду использовать это против тебя.

Чего? Не будешь использовать что?

Индиго берет ружье и вставляет штык. Потом перекидывает его через плечо, машет мне рукой и направляется к потайной лестнице.

Что, черт возьми, он имел в виду? Я качаю головой и неторопливо направляюсь в сторону коридора. Первая дверь. Ванная. Вторая дверь. Она закрыта, но справа от нее бронзовая табличка с надписью «ЗЕТА». Прямо под табличкой клавишная панель. В другом конце коридора находится табличка с надписью «АЛЬФА» и еще одна клавишная панель. Справа от этой двери еще одна — с табличкой «РЕД». У Реда свой офис? Может, тут у всех есть офис, кроме меня?

Ну, с богом. Поднимаю руку и стучусь.

— Входите, — раздается голос за дверью.

Я делаю глубокий вдох и повернув дверную ручку, оказываюсь в маленькой комнате, размером десять на десять метров. В центре стоит стол, за которым сидит Зета и изучает какой-то файл. Сегодня на нем нормальная одежда: джинсы и темно-синий джемпер с закатанными по локоть рукавами. Мои вчерашние догадки подтверждаются. Зета тренируется. И много. У него чертовски накачанные руки.

— Ты написала эссе?

Я вручаю ему лист, и Зета показывает мне на один из двух стульев перед столом:

— Садись. Пожалуйста, — с запозданием добавляет он, а потом бросает эссе на стол и, взяв красную ручку, начинает медленно читать его. Закончив, переворачивает, как будто надеется найти продолжение на обратной стороне листа. Это плохой признак. Вздохнув, он отдает его мне и говорит:

— Переделай. Абсолютно неверно.

— Но я даже не знаю, с чего начать. Никто даже не попытался объяснить мне различие между подправлением и исправлением.

— И чья в этом вина? — выгибает бровь Зета. — Додумайся сама. Полагаю, ты умненькая девочка, иначе Альфа не выбрал бы тебя, — в его голосе слышится что-то странное. Интонации, которые я не могу расшифровать.

Я сжимаю лист с эссе в кулаке и выхожу из офиса. Мне хочется хлопнуть дверью, но это было бы слишком по-детски. Поэтому я спокойно, как ни в чем не бывало, закрываю ее. Никаких эмоций, повторяю я про себя.

Прямо передо мной дверь в офис Альфы и я без раздумий стучусь в нее.

— Входите, — говорит он.

Я открываю дверь и захожу в помещение, являющееся зеркальным отражением офиса

Зеты. Альфа сидит спиной к двери и что-то печатает на компьютере. Что-то типа памятки. Я прищуриваюсь и пытаюсь прочитать ее. Разбрав слова «Ирис» и «Бостонская бойня» в первом предложении, я вздыхаю. Альфа поворачивается и, увидев меня, выключает монитор.

— Привет. — Он разворачивается на стуле лицом ко мне. На столе лежит черная записная книжка. Альфа поднимает ее и перекладывает поближе к компьютеру.

— Будьте со мной откровенны, — говорю я. — Каковы шансы, что я стану полноценным агентом?

Альфа откидывается на стуле:

— Не хочешь присесть?

— Нет, — я чувствую себя увереннее, когда стою.

— Хочешь, чтобы я был откровенен с тобой?

— Да, — думаю, что хочу.

— Это зависит не от меня. У меня нет полномочий принимать такие решения. Но если бы были, то на данном этапе я бы очень сомневался в положительном исходе дела.

Ой. Мне приходится приложить все усилия, чтобы скрыть охватившее меня чувство ужаса. Вместо этого я вытягиваюсь в струнку.

— Это несправедливо. Никто не объяснил мне, в чем различие между изменением и подправлением. Я думала, что подправляю.

Альфа поднимает бровь:

— Мы никогда не объясняем новобранцам, в чем различие. Твоя задача — дойти до этого самой в полевых условиях. И... полагаю, тебе были даны конкретные инструкции ничего не делать без ведома старшего. Так что, если хочешь найти оправдание своим действиям, тебе придется постараться.

Черт. Опять я оправдываюсь.

— Понятно. Могу я идти?

— Нет. Дай мне посмотреть твоё эссе.

На секунду я сомневаюсь, но потом все же вручаю его Альфе. Жаль, что я просто молча не ушла в библиотеку. Альфа просматривает мое сочинение, а потом возвращает его.

— Я не собираюсь тебе ничего разжевывать, — говорит он, — скажу одно. Ключевым моментом к пониманию различия между подправлением и исправлением является не результат. Главное — мотив. Если ты хочешь, чтобы определенный человек опоздал на работу, то взорвешь для этого его дом или спустишь колеса у машины? Если сомневаешься, воздержись. Поняла?

Я киваю.

— А теперь — свободна. — Он разворачивается на стуле, включает монитор и снова начинает печатать.

Я направляюсь обратно в библиотеку. Смотри на причину, а не на результат. Это имеет смысл. Я начинаю обдумывать, как выразить другими словами сказанное Альфой, чтобы Зета решил, будто это моя мысль.

На этот раз в библиотеке оказывается посетитель. Возле стены с книгой в руках стоит Тайлер Фертиг. У меня учащается пульс. Я закрываю за собой дверь.

— Тайлер, — зову я его.

Он роняет книгу на пол и поворачивается с выражением ужаса на лице. Но, когда видит меня, его глаза сужаются, и он настолько быстро пересекает комнату, что я с трудом понимаю, что происходит. Тайлер хватает меня за плечи и с такой силой впечатывает в

полку, что несколько книг падают на пол.

— Я — Блу! — выплевывает он. — Блу! Никогда больше не зови меня по имени. Тайлер мертв. Поняла меня?

Он не слишком крепко держит меня, так что я с легкостью могу присесть, дать ему по яйцам и свалить, но вместо этого я просто киваю.

Блу еще раз вжимает меня в книжную полку, а потом убирает руки. Я смотрю ему прямо в глаза. Он также смотрит на меня, абсолютно пустым взглядом. Тут меня осеняет. Это же так очевидно, и как только я не увидела этого раньше. Блу в отчаянии.

Это совсем не то чувство, которое охватывает тебя, когда умирает твоя собака или бросает девушка. Это отчаяние, которое никогда не прекращается. Отчаяние, которое окутывает тебя с головой, как одеяло, оставляя в полнейшей темноте. Отчаяние, которое крепко держит и не собирается отпускать. Я хорошо с ним знакома. Я видела, как оно берет верх над моей мамой. В глазах Блу я вижу *ее* отчаяние и мольбу. Я отвожу взгляд.

— Ты не такая, как они, — шепчет Блу. — Это место убьет тебя, как и всех остальных. Тебе не следует тут оставаться.

В голове появляется образ Блу, когда он еще был Тайлером. Вот он с важным видом заходит в столовую два года назад, задолго до Дня Испытаний. Он улыбается, смеется, а его рука обхватывает талию Дины Верстер. Все непроизвольно поворачивают головы, чтобы посмотреть на него, настолько сильна его уверенность в себе. А потом я вспоминаю его на следующий год, старшекурсником: голова постоянно опущена, он редко говорит. Его друзья пересаживаются на другую сторону стола, позже — и за другой стол. Дина Верстер начинает встречаться с другим. Тайлер сидит с младшекурсниками, но все время смотрит на еду и молчит. Как будто уже тогда он знал, что его ждет после выпуска. Он знал о Страже времени. Но как?

— Что произошло во время Дня Испытаний, Блу? — шепотом спрашиваю я.

Он смотрит как будто сквозь меня, а потом также шепотом отвечает:

— Они обманули меня.

— Кто обманул тебя, Блу? Как?

— Они сказали, что если я справлюсь на отлично, то смогу сам выбрать свой путь. Смогу быть свободным. Они солгали.

— Кто они?

— Вон и остальные.

Директор? Директор Вон знает о Страже времени? Думаю, это не должно так удивлять меня. Мне всегда казалось, что Вон знает обо мне абсолютно все.

Я качаю головой.

— Я все еще не понимаю. О каком пути ты говоришь, Тай...

Черт.

Я обрываю себя на середине слова, надеясь, что он ничего не заметил, но в его глазах опять плещется ярость. Я поднимаю руки вверх.

— Прости. Пожалуйста. Мне очень жаль.

Блу обходит меня и направляется к двери. В последний момент он поворачивается и произносит:

— Тебе стоит начать молиться по ночам, чтобы они не допустили тебя к постоянной работе. Лучше прозябать в одиночестве, чем находиться здесь. Им не следовало приводить тебя сюда. Ты не такая, как они.

Он открывает дверь.

— Блу! — кричу я, но это бесполезно. Он уже вышел. И судя по всему, в том числе и из ума.

Глава 9

Я смотрю на пустой стул между Еллоу и Вайолет. Блу не пришел на ужин. Я рада, что Зета сидит с той же стороны стола, что и я, только ближе к Альфе, поэтому мне его не видно, а значит, ничего не напоминает о том, как он кивнул мне, когда я вручила ему второе эссе. Вообще-то я просто слово в слово записала то, что сказал Альфа. Зета выглядел довольным, и это, конечно же, заставило меня почувствовать себя полным дерьмом, потому что, технически, я его обманула, и на самом деле так до сих пор и не представляю, чем же подправление отличается от изменения. В моем понимании любое вмешательство в прошлое изменяет его.

Я не знаю, что делать. После разговора с Блу на душе остался неприятный горький осадок. Я знала, что они о многом умалчивают, но теперь понимаю, что все намного серьезнее, потому что есть вещи, которые они намеренно скрывают от меня.

Я осматриваю сидящих за столом, пытаюсь найти самое слабое звено, человека, который расскажет мне то, что я хочу знать. Альфа и Зета, определенно, вне игры. Так же как и Ред. Он — член офисного клуба, а я не доверяю никому, у кого есть свой кабинет. Следующий Орэндж. О нем мне известно только то, что он выглядит старше всех, как Ред. Ему, наверное, около тридцати. Он никогда не пытался заговорить со мной, поэтому у меня такое чувство, что он не одобряет моего присутствия здесь. Еллоу — определенно нет. Грин — та же проблема, что и с Орэндж. Он примерно моего возраста, но я даже не представляю, как к нему подступить. Остаются Индиго и Вайолет.

Значит, будем работать с Индиго.

После ужина все покидают столовую, кроме Грин и Индиго, которые глубоко увязли в разговоре о какой-то битве времен Гражданской войны, в которой сегодня участвовал Индиго. Я делаю вид, что завязываю шнурки на кроссовках, хотя развязать их невозможно было бы даже с помощью плоскогубцев.

Наконец Грин и Индиго закругляются, и Грин уходит. Индиго поворачивается ко мне.

— Нужна помощь?

Я сажусь.

— Нет. С чего ты взял?

— Хм, ну, наверное, потому что ты сидела и ждала, когда я закончу разговор. Поэтому, если только ты не хочешь просто полюбоваться моими прекрасными голубыми глазами, то я предположить, что тебе от меня что-то нужно.

Нужны мне его глаза. Хотя он прав. Мне кое-что нужно. Я хочу все знать. Но я же не дура, чтобы просто попросить рассказать. Для таких вещей нужно время; нас этому учили на лекциях по разведдеятельности. Сначала следует понаблюдать за объектом, изучить его распорядок. Человек — дитя своих привычек, и как только они тебе известны, выявляются слабости. Так же и здесь. Мне нужно обнаружить слабости Индиго, подружившись и понаблюдав за ним. Заставить его опустить свои щиты и начать доверять мне.

Я только надеюсь, что у меня для этого достаточно времени.

— Хорошо, — говорю я. — Мне нужна твоя помощь.

Индиго выгибает бровь и ухмыляется.

— Я надеялась, что ты сможешь мне помочь с эссе, над которым я работаю для Зета.

— Этот парень просто засранец.

— Я так и не поняла разницы между подправлением и изменением и надеюсь... — откашлявшись, произношу я.

— Я не могу помогать тебе, — прерывает меня Индиго. — Ты должна понять это сама. Так они нам сказали.

— Кто они?

— Альфа. Зета. Ред. Ты все поймешь сама.

Кажется, все, кроме меня, уверены в этом. Я вздыхаю и поднимаюсь со стула. Ненавижу проигрывать.

— Эй. — Индиго кладет руку мне на спину, и на долю секунды я понимаю, что мне не хочется, чтобы он ее убирал. — Представляю, как это тебя расстраивает.

Я поворачиваю голову и смотрю на него.

— И я правда не могу объяснить тебе, в чем различие между изменением и подправлением. Зета в приказном порядке сказал нам не делать этого. Но... — Он смотрит на дверь, ведущую в гостиную, а потом снова на меня. — Если хочешь, я могу рассказать тебе о чем-нибудь еще. — Он убирает руку со спины, и я сажусь обратно на стул.

Головой я понимаю, что нужно сначала задать самые важные вопросы, но у рта на это свои планы. Вопросы сыплются из меня быстрее, чем я соображаю, что говорю.

— Почему вас всех отобрали? Почему во главе стоит Альфа? Что произошло с остальными членами второй Стражи времени? И первой? Почему, черт возьми, у Реда есть свой офис? И...

Индиго поднимает руки вверх, пытаясь прервать меня.

— Вау. Давай на этом и остановимся. Я сказал, что могу тебе кое о чем рассказать, но не обещал поделиться всем, что знаю.

Я замолкаю и мысленно начинаю колотить по языку бейсбольной битой. Так можно упустить все шансы, тупица.

Индиго еще раз смотрит на дверь.

— Вот что я могу рассказать тебе. Хронометрическая аугментация оказывает очень сильное воздействие на тело. Первое поколение Стражей продержалось недолго. Совсем недолго. Из них выжил только один. Сэвен. И то только потому, что не слишком часто проецировался. Он в основном руководил миссиями.

— А где он сейчас?

Индиго пожимает плечами.

— Полагаю, технически он все еще глава Стражи, так как является старейшим ее членом. Но на самом деле он не слишком стремится иметь с нами дело и редко заглядывает сюда. Думаю, что не видел его уже как минимум год. А во главе всего — Альфа. Он стал руководить Стражей, когда тебя еще не было на свете.

— А как получилось, что Зета до сих пор жив?

— Судя по всему, ты его действительно невлюбила, — со смешком произносит Индиго.

— Я не имела в виду ЭТО. Я просто спросила, как так получилось, что проецирование не оказало на него никакого воздействия.

— Гравитационная капсула, — говорит Индиго. — Ее изобрел Зета. Послушай, я знаю, что он тебе не нравится, но он очень умный. Зета обнаружил, что гравитация позволяет нам проецироваться без физических травм. Когда он тестировал капсулу, то был сам себе

подопытной морской свинкой. Его идея оказалась очень полезной. Ну а все остальные Стражи — мертвы или на пути к этому.

Я представляю Ипсилон на инвалидном кресле. Это самая медленная и мучительная смерть на благо своей страны. А потом вспоминаю об отце, и перед глазами сразу же начинают вспыхивать коды доступа. Я поворачиваюсь к Индиго и вызывающе смотрю ему прямо в глаза.

— Так почему вы тут оказались? Как вас отобрали? И почему я считаюсь чужачкой?

Индиго опускает взгляд и намеренно игнорирует вопрос.

— У Реда есть свой офис, потому что Альфа планирует, что однажды он встанет во главе Стражи. Это все. — Он отодвигает стул и встает.

Черт. Я уже не в первый раз слишком давлю, и, судя по всему, не в последний.

— Это все, что я могу тебе рассказать, Ирис. Надеюсь, что для тебя хоть что-то прояснилось. — Его голос звучит сдержанно и отстраненно. Пора идти на попятную.

— Прояснилось, — коснувшись руки Индиго, говорю я. Даже несмотря на то, что он не ответил на самые интересующие меня вопросы. — Спасибо. Могу я задать еще один вопрос?

На лице Индиго застывает болезненное выражение.

— Ну хорошо.

Чтобы подлизаться, задаю ему простой вопрос.

— А кто придумал термин Хронометрическая аугментация? Они вообще понимали, что это звучит странно? Как если бы мы делали операции по увеличению груди?

Индиго начинает смеяться. По-настоящему смеяться. А потом встает со своего стула и идет к выходу, по пути сжимая мое плечо.

В следующие несколько дней я перемолвилась лишь парой слов. Меня не берут на миссии, поэтому я провожу время в библиотеке, читая книги по истории Америки и делая кучу заметок. Эссе. Эссе для Зеты. Каждый раз я выбираю какое-нибудь событие и делаю в нем незначительные изменения, так и не понимая различия между подправлением и изменением. Но мне нужно что-то делать, чтобы вернуть его доверие.

Я сижу в библиотеке, склонившись над столом и делая записи, когда входит Альфа и закрывает за собой дверь.

— Привет, — говорит он, нависая надо мной. Я сразу начинаю чувствовать себя маленькой и незащищенной.

— Привет, — еле выдавливаю из себя я. У Альфы какой-то обеспокоенный взгляд. Это выбивает меня из колеи.

— Чем занимаешься?

Я показываю ему свое эссе. Зета совсем не шутил, когда сказал, что заставит написать столько эссе, что у меня отвалится рука. Так оно и есть. Правая рука практически онемела, и я совсем не уверена, что смогу выпрямить пальцы.

— Можно посмотреть?

Я вручаю ему эссе на тему Сухого закона. Я попыталась доказать, что если бросить бомбу во время заседания Конгресса и таким образом остановить голосование, которое явилось толчком ко всем последующим событиям, то это будет изменением прошлого. А если сделать так, чтобы конгрессмены вообще не выдвинули проект на голосование, то это будет считаться подправлением.

Альфа вздыхает и кладет мое эссе на стол.

— Ну что ты будешь делать! Я привел тебе абсолютно похожий пример четыре дня

назад, и ты снова делаешь все неправильно. Что еще у тебя есть?

Я смотрю на листы бумаги, разбросанные по всему столу, и выбираю тот, на котором я начала эссе на тему Перл-Харбора.

Альфа протягивает руку.

— Дай посмотреть.

Он бегло просматривает его. Да там и смотреть особо не на что, так, пара предложений, описывающих, как японцы седьмого декабря одна тысяча девятьсот сорок первого года начали атаку на Перл-Харбор, в результате которой погибло более двухтысяч четырехсот человек, и что привело к тому, что Соединенные Штаты вступили во Вторую Мировую Войну. На этом мое эссе заканчивается, потому что я не представляю себе, что делать дальше — остановить бомбежку и спасти людей или позволить ей случиться, чтобы США вступили в войну. Альфа отдает мне эссе.

— Возьми ручку, — приказным тоном говорит он. — Я хочу, чтобы ты записала то, что я скажу, слово в слово.

— Если бы Страж времени проник в военно-морской штаб в Перл-Харбор и предупредил командование о предстоящей атаке, он бы совершил изменение. А если бы этот Страж сделал так, чтобы линкор «Аризона» остался пришвартован на острове Форд и не отправился в Перл-Харбор шестого декабря одна тысяча девятьсот сорок первого года, таким образом сохранив жизни более чем тысячи человек и дав возможность линкору поучаствовать в битве за остров Уэйк, то он бы подправил события.

Я быстро записываю все слово в слово, хотя Зета однозначно не поверит, что это мои мысли. Слишком уж большой прогресс по сравнению с тем, что я писала до этого.

— Ты все поняла? — спрашивает Альфа после того, как я заканчиваю писать и откладываю ручку в сторону.

Я киваю.

Он снова протягивает руку, и я начинаю сомневаться. Потому что если я делаю так, чтобы линкор Аризона смог помочь Америке выиграть битву за остров Уэйк, то почему это не изменение прошлого?

Наверное, мне здесь не место. Наверное, я даже близко не так сообразительна, как всегда считала.

Я отдаю эссе Альфе. Он просматривает его, а потом берет мою ручку, ставит большую пять с плюсом в верхнем углу и вручает его мне.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Поздравляю. Ты продемонстрировала хорошее понимание различия между подправлением и изменением. Думаю, что мы можем приступить к следующему этапу и снова отправить тебя работать в полевых условиях. Надеюсь, ты научилась контролировать себя?

Снова миссии? Больше никаких эссе? Наконец-то!

— Конечно, — говорю я.

— И ты будешь слушаться приказов и не делать ничего лишнего без разрешения?

— Да.

— И ты не станешь задавать вопросов и спорить, а просто будешь выполнять свои задания наилучшим образом?

— Да, — без сомнения говорю я, хотя в голове и раздался тихий предупреждающий звоночек. Зачем мне спорить по поводу миссий? Что я буду делать?

— Поверю тебе на слово, — говорит Альфа. — Вот это тебе. — Он достает из внутреннего кармана пиджака сложенный лист бумаги и вручает его мне. Я переворачиваю его и вижу, что он запечатан красной печатью. На меня смотрит устрашающего вида сова. Сердце пропускает удар при воспоминании о том дне в Пиле. Кажется, это было целую вечность назад. Не могу поверить, что прошло все лишь чуть больше недели.

Неожиданно я понимаю, что совсем не вспоминала сегодня об Эйбе. Знаю, я сказала себе забыть о нем, но не думала, что это произойдет так быстро.

— Что это? — спрашиваю я.

— Открой.

Поколебавшись, я пальцем разламываю печать, разворачиваю лист бумаги и читаю:

874 ZEPHYR%0 %

— Запомни, — говорит Альфа.

Я снова смотрю на написанное. Zephyr. Ну, это просто. %0 %. Это тоже. А вот с цифрами уже посложнее. Повторяю про себя несколько раз — 874 874 874 874.

— Запомнила, но...

Альфа протягивает руку.

— Отдай.

Я сворачиваю лист и передаю ему, еще раз повторив про себя код. Это он. Мой секретный код доступа. Это должен быть он.

— Я отправил отчет о твоем прогрессе в Вашингтон, и они прислали мне это.

— Так у меня теперь новый уровень доступа!

Альфа поджимает губы и молчит, скорее всего потому, что я только что сказала очевидное.

В первый раз с тех пор, как директор Вон приглушил свет во время ужина и объявил о начале Дня Испытаний, я чувствую себя счастливой.

— Ирис, наше знакомство вышло не совсем приятным. Но знай, я за тебя. Я хочу, чтобы ты осталась.

Он встает и идет к двери, а потом оборачивается, кивает на компьютер у дальней стены и говорит:

— Пользуйся, но не забывай о благоразумии.

Как только дверь закрывается, я вскакиваю и включаю компьютер. Появляется окно для ввода данных. Я набираю «Ирис» в окне имя пользователя и ввожу пароль, который мне только что дал Альфа. На секунду начинаю переживать, что неправильно запомнила числа и что ничего не произойдет, но потом на экране появляется белая заставка с гербом Соединенных Штатов в левом верхнем углу. Нахожу окно поиска, ввожу имя отца и нажимаю ввод. Поняв, что не дышу, делаю вдох.

Появляются результаты. Вот он этот файл, в никак не обозначенном каталоге кадрового состава.

Оберманн Митчел Томас

Я опять задерживаю дыхание и передвигаю курсор мышки к имени отца. Готова ли я к этому? Готова ли узнать правду? Есть только один способ это выяснить. Я щелкаю мышкой.

Появляется новая заставка.

Митчел Томас Оберман. Родился в Натик, Массачусетс. Умер [XXXXXXXXXX]

Я понимаю, что не дышу уже довольно долгое время, лишь когда легкие начинают гореть огнем. Восемь X. Еще раз пересчитываю их. Эти X — компьютерная версия того, как

если бы кто-то взял толстый черный маркер и написал на бумаге ОТРЕДАКТИРОВАНО.

Я кладу голову на руки и начинаю думать. Значит так, у нас имеется дата рождения и дата смерти отца. То, что я и так знаю. Информация, черт возьми, которую я и так знаю. У меня начинает першить в горле. Эта заставка больше ничего мне не сообщит. Также как и личный знак.

Меня охватывает злость. Злость на несправедливость всего этого. Злость на то, что я чувствую себя абсолютно беспомощной. Я так много работала над собой, чтобы больше никогда не чувствовать себя беспомощной, но такова игра под названием жизнь. К черту все.

Но какая-то малюсенькая часть меня все-таки надеется, что здесь есть хоть какая-то полезная информация. Снова смотрю на экран и читаю.

Образование

Школа Джонсон, Натик, Массачусетс.

Старшая школа Кулидж, Натик, Массачусетс

Академия Пил, Аптон, Массачусетс.

Военно-Морская Академия США, Аннаполис, Мэриленд.

А вот это интересно. Мой отец учился в Пиле. Я, конечно, всегда это подозревала, — а иначе как бы я туда попала? — но никогда не была уверена. Пил не хранит записей о своих студентах в публичном доступе. На стенах не висят фотографии выпускников. В библиотеке также не найдешь даже старых ежегодников.

Думаю, отец был в числе тех десяти процентов, которые не попадают в ЦРУ. Такое случается. Некоторые идут в ФБР, некоторые в АНБ, а кто-то вообще отказывается от государственной службы. Как отец Эйба, который после Пила работает в частном секторе.

Согласно этим записям, мой отец окончил Военно-Морскую Академию и... что потом. Подождите. Я смотрю на даты, которые пропустила в первый раз. Что-то не так. Мой отец провел в Академии только три года. Он не закончил ее.

Как-то все не складывается. Я прокручиваю текст вниз. Никакой информации о месте работы. Ничего, что помогло бы мне понять, что делал мой отец с момента, когда покинул стены академии, и до того, как умер. Нет даже никаких [XXXXXXXXXX]. Значит, информация сильно засекречена.

Я просматриваю раздел с личной информацией. Тут есть данные на мою бабушку с дедушкой, родителей отца, которые уже давно умерли. Вольтер и Дороти Оберман. Я не застала их живыми. Смотрю на их даты рождения и смерти — дедушкаа умер молодым. Не знала этого. Должно быть, отцу пришлось несладко.

А вот и данные на маму.

Жена — Джой Крина Оберманн (урожденная Амар). Родилась в Бруклине, Нью-Йорк.

Интересно, как она. Может, у нее сегодня период мании? А, может, депрессии? А может быть, с тех пор, как я уехала, у нее все в порядке?

Я встрягиваю головой и перевожу взгляд на следующую строчку.

Ребенок (дети) — Аманда Джин Оберманн. * Родилась в Джерико, Вермонт.

Моргаю. Снова и снова, но звездочка после моего имени никуда не исчезает. Еще раз просматриваю страницу, но как я и думала, нигде не объясняется, что она означает. Эта непонятная звездочка просто насмехается надо мной.

А значит, мне нужно работать и работать, чтобы получить доступ к следующему уровню.

Выкусите все. Я добьюсь своего.

Глава 10

Проснувшись утром, обнаруживаю записку под дверью. Зевая, нагибаюсь и поднимаю ее.

НОМЕР ВОСЕМЬ

У меня сводит шею. Когда Альфа сказал о возобновлении участия в миссиях, я не думала, что это произойдет на следующий день. Несусь к шкафу и отодвигаю свою одежду в сторону, пытаюсь добраться до исторического гардероба. Нахожу вешалку с номером восемь и вытаскиваю ее.

Передо мной ярко-голубое платье до колен, с широкой юбкой и белым воротничком. К платью идет сумка такого же цвета. Я морщусь нос. Похожие воротнички я носила со свитерами, когда мне было четыре. Тут же перед глазами встает звездочка после моего имени, и я говорю себе, что настало время относиться ко всему серьезно.

Быстро принимаю душ и одеваюсь. На мне платье выглядит еще смешнее, чем на вешалке. Если добавить пару коротких белых перчаток и туфли на невысоком каблуке, то перед вами появится представительница церковного клуба по игре в бридж. Не имею понятия, что делать с волосами, поэтому просто собираю их в хвост. Потом чуть-чуть подвожу глаза, наношу блестящие коричневые тени, делаю пару мазков тушью по ресницам — все только потому, что не хочу пережить еще один макияж Еллоу. Быстро смотрюсь в зеркало — и тушь выпадает у меня из рук.

С этим макияжем я так похожа на маму. На ее старые фотографии. Те, которые были сделаны до болезни или сразу же после нее, когда она еще принимала лекарства. Те, на которых она была молода, счастлива и полна жизни. У мамы зеленые, широко поставленные глаза, мои же — коричневые и близко посаженные, как у отца, но все остальное во мне мамино. В этом зеркале я — ее отражение.

Каждую ночь я молюсь о том, чтобы внешность оказалось единственным, что я унаследовала от нее. Маме было не больше, чем мне, когда ей поставили диагноз. Может, внутри меня потихоньку тикает бомба в ожидании подходящего момента, чтобы взорваться и превратить ту нормальную жизнь, которую я отчаянно пытаюсь построить, в череду маний и депрессий. На секунду я закусываю нижнюю губу, а потом выхожу за дверь.

Нет, все нормально. Я — нормальная.

Я опускаюсь на стул рядом с Индиго и пытаюсь избавиться от образа мамы в голове. Индиго склоняется и приподнимает воротничок.

— Очаровательно.

Я отпихиваю его руку и сразу же замечаю, что сегодня на нем другая одежда — брюки с завышенной талией, белая рубашка с короткими рукавами и черный узенький галстук из твида. На волосах, наверное, целая бутылка геля. Да, не самый его лучший образ.

— Ирис, — говорит Альфа. — Мы только что говорили о тебе.

Я перевожу взгляд на часы на стене. Ровно семь часов. Я же не опоздала?

— Сегодня утром тебе предстоит отправиться на вторую тренировочную миссию.

— Отлично! — говорю я. — Вы и я? Куда?

Некоторые из сидящих столом обмениваются обеспокоенными взглядами, что не проходит мимо меня. Что я такого сказала? Альфа делает вдох и на долю секунды закрывает глаза.

— Нет. Всеми тренировочными миссиями руководит Зета.

Ужасно.

— Вас будет сопровождать Индиго, — продолжает Альфа.

Я смотрю на Индиго. Это объясняет его прическу. Он наклоняется и толкает меня плечом.

— Мы — одна команда, детеныш.

Не знаю почему, но мне хочется ощетиниться, когда Индиго называет меня так.

Альфа добавляет сливок в свой кофе и быстро мешает его.

— Машина прибудет через десять минут, так что ешь быстро.

Машина? Какая машина? Но у меня нет времени поразмыслить над этим, потому что на столе появляются подносы с едой. Я пытаюсь успеть съесть все, но к тому моменту, как Зета встает и объявляет о том, что нужно идти, мне удается только перехватить тост и немного яичницы.

Зета вводит код, чтобы отключить сигнализацию. Как только мы оказываемся снаружи, я понимаю, что никогда еще не выходила таким образом. Только через маленькую дверь с черного хода, да и то в другом времени.

А сейчас мы стоим на тротуаре, в современном Бостоне, наблюдая, как со свистом проносятся по Бикон-стрит машины. Мимо проходят школьники, и Зета кивает им головой. На другой стороне улицы молодая мамаша с ребенком на бедре спускается по ступенькам в Общественный парк, держа в одной руке чашку с кофе, а другой телефон возле уха. Она даже не обращает на нас внимания. Эти люди — наши соседи, и даже не представляют, что рядом с ними живет группа путешественников во времени с чертовой гравитационной капсулой в подвале.

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на дом. На двери небольшая бронзовая табличка с надписью «Школа Клермонт».

Должно быть, наше прикрытие.

Прямо перед нами останавливается черный линкольн таун кар. Водитель пытается выбраться наружу, но Зета машет, чтобы он оставался внутри, и сам открывает черную дверь для меня и Индиго. Мы забираемся на заднее сиденье, а Зета садится вперед.

— Логан, — говорит он водителю.

— Мы едем в аэропорт? — спрашиваю я.

— Верно. — Зета достает из кармана два конверта. Один вручает мне, второй — Индиго. Перед тем как открыть их, мы смотрим друг на друга. Я достаю из своего конверта водительские права с моей фотографией и именем Келли Ходжес, билет в Вашингтон, несколько купюр и монет, а потом перевожу взгляд на Индиго, который также держит в руках билет, права и деньги.

— Смотрите, ничего не потеряйте, — говорит Зета. — Иначе будете добираться домой на попутках.

Мы в рекордные сроки проходим регистрацию и проверку службой безопасности. Посадка уже идет. В самолете до меня доходит, что мы будем сидеть в первом классе. Я останавливаюсь во втором ряду. Индиго подходит сзади и наклоняется так близко, что я чувствую его дыхание на своей шее. На руках появляются мурашки.

— Возле окна или в проходе? — спрашивает он.

— Возле окна.

— Ну тогда садись и хватит задерживать народ. — Я хлопаю его по руке и сажусь на свое место. Зета устраивается через проход от нас и утыкается в телефон. Наверное,

отправляет письма. А может, меняет секретные коды. В общем, не представляю себе, что он там делает.

— Никогда не летала первым классом, — говорю я, удобно устраиваясь в большом кожаном кресле. К этому можно легко привыкнуть.

— Мы всегда летаем первым классом, — говорит Индиго. — И не стоит слишком уж радоваться. Полет короткий, чуть больше часа, а посадка будет жесткой.

Я собираюсь спросить его, что он имеет в виду, но подходит стюард и предлагает воду. Я протягиваю руку, чтобы опустить столик, но его нет.

Индиго начинает хихикать, а потом хлопает по подлокотнику кресла.

— Он здесь.

Пока мы взлетаем, я смотрю в окно, а потом закрываю глаза и откинувшись на сиденье, думаю о том, что слишком поспешно начала осуждать Стражу времени. Я всегда думала, что у меня будет насыщенная жизнь, в которой я буду постоянно разъезжать по миру, ежедневно рискуя жизнью и не имея даже постоянного адреса. А сейчас я представляю, как перемещаюсь по стране, а может даже и по миру в салоне первого класса, проецируюсь во времени, подправляю историю, а потом возвращаюсь к ужину домой.

Но, к сожалению, в моем будущем со Стражей времени нет Эйба.

Пилот объявляет о начале снижения. Я выпрямляюсь в кресле, складываю столик и засовываю его обратно в подлокотник.

Сойдя с самолета, я обращаю внимание на водителя, одетого в черный костюм. Он держит картонку с надписью «Смит». Зета подходит к нему и пожимает руку. Мы все забираемся в еще один черный таун кар и едем в город. За все двадцать минут поездки никто не произносит ни слова. Водитель высаживает нас на углу Потомак и Н-стрит. Мы находимся в жилой зоне с домами из бурого камня.

Зета останавливается возле дома на углу. Какой-то парень в черных пластиковых очках и желто-зеленой рубашке шотландского типа, заправленной в черные скинни, останавливается перед нами и поворачивается к Индиго.

— Отличный галстук, бро. Из «Урбан Аутфиттерс»?

Я закусываю губу, чтобы не рассмеяться, а Индиго, скромно улыбаясь, говорит:

— Это винтаж.

— О, мне нравится. — После чего парень кивает и продолжает свой путь. Я поднимаю взгляд на Индиго и широко улыбаюсь.

— Может, мы уже займемся делом? — резко спрашивает Зета. Улыбка сходит с моего лица мгновенно. Я поворачиваюсь и вижу, как он показывает рукой на трехэтажное кирпичное строение с ярко-красной входной дверью и небольшим садом. — Вот наша цель.

— Это штаб Стражи времени? — выдвигаю предположение я. Вполне разумно, что у правительственной организации есть штаб в столице, но Зета отрицательно качает головой.

— Ты живешь в штабе Стражи времени. У нас нет официального представительства в Вашингтоне. О нас не упоминают прилюдно, наша деятельность финансируется секретно, и только люди с высшим уровнем доступа знают о нашем существовании. Анонимность — залог безопасности, Ирис.

Не знаю почему, но каждый раз, когда Зета открывает рот, чтобы заговорить со мной, у меня возникает чувство, что меня ругают.

Он откашливается и, показывая на дом перед нами, говорит:

— Тренировочная миссия Ирис-2. Осенью одна тысяча девятьсот шестидесятого года

это здание из бурого камня было местом проживания Юджина Маккарти, сенатора-демократа от штата Миннесота. Ты что-нибудь знаешь о нем?

Сенатор Маккарти. Звучит знакомо. А потом до меня доходит.

— Коммунизм! — практически кричу я. — Слушания сената на тему «есть ли коммунисты в Америке». Он их организовал. Это привело к тому, что куча людей в Голливуде попали в черный список.

Зета качает головой.

— Не тот Маккарти. Этот жил на десять лет позже. И, кстати, звали его Джозеф Маккарти. А мы имеем дело с Юджином Маккарти.

— А, тогда я ничего не знаю о сенаторе Маккарти.

— Тебе и не надо. Твоя миссия проста. Ровно в 8:53 сенатор Маккарти спустится по вон тем ступенькам, поймает такси и направится в здание Капитолия на важное голосование, которое начнется в 9:08. Тебе нужно сделать так, чтобы он не сел в такси и пропустил голосование, таким образом сохранив и не растратив средства, которые министр торговли в современной реальности намеревается потратить на... другие проекты. Понятно?

Это похоже на первый пример, который приводил мне Альфа. Я немного разочарована. Всего лишь сделать так, чтобы кто-то не сел в такси? Скучно. Но я киваю головой.

— У тебя только одна попытка, — шепотом говорит Зета. Мы проходим несколько ярдов и останавливаемся перед черными воротами. Он достает кожаную сумку из внутреннего кармана пиджака, дергает замок на воротах, а потом вытаскивает из сумки тарированный ключ и отмычку. Через три секунды замок открыт. — Если провалишь миссию — то все. Вернуться еще раз, чтобы исправить ошибки, нельзя. А теперь настройте свои часы на двадцать пятое октября одна тысяча девятьсот шестидесятого года.

Я смотрю на Индиго, который уже крутит головки на своих часах, одновременно с этим проходя через ворота в чей-то двор. И делаю то же самое. Я начинаю закрывать крышку, но не успеваю, так как подходит Зета и хватает меня за руку.

— Хочу предупредить... Это твое первое перемещение вне стен Стражи времени. Гравитационная капсула позволяет нам ослабить воздействие, которое оказывает проецирование на наши тела. — Позади него кивает головой Индиго, крепко сжав губы. — Не буду тебя обманывать, путешествие во времени, которое мы сейчас совершим, будет неприятным. В большинстве случаев мы предпочитаем делать это из Зала Стражей, но иногда это непрактично. Скажем, если бы мне нужно было попасть из Бостона в Сан-Франциско в одна тысяча восемьсот сорок девятый год, самым простым вариантом было бы сесть на самолет до Сан-Франциско в настоящем, чем трястись три тысячи миль в крытом фургоне.

— Но в 1960 году уже было воздушное сообщение, — обращаю я его внимание на этот факт. Ну, по крайней мере, я так думаю.

— Я знаю. Просто хотел, чтобы ты через это прошла. Чтобы знала, как это когда-то было для всех нас.

— То есть это что-то типа злой шутки? — Я крепко сжимаю часы, которые держу в руке.

Зета не достаивает меня ответом и поворачивается к Индиго.

— Ты готов?

Индиго громко сглатывает. Могу только предположить, что у него стоит ком в горле.

— Готов, сэр, — кивает головой он.

После этого Зета поворачивается ко мне.

— Ирис?

— Готова, как и всегда. — Это правда.

Зета устремляет свой взгляд вперед.

— На счет три закрывайте часы. Один... два... три!

Я захопываю крышку часов и сразу же понимаю, что что-то не так. Я падаю слишком быстро. Тело не слушается меня. Легкие горят огнем и я не могу дышать. Не могу говорить. Глаза вылезают из орбит, угрожая вывалиться совсем. Легкие вот-вот разорвутся. Каждая клеточка тела болит. Я пытаюсь закричать, но не получается издать ни звука. Я хочу, чтобы это закончилось. Прямо сейчас... и... сразу же падаю на землю, больно ударившись при этом. Делаю глубокий вдох и поднимаю голову. Я стою на четвереньках во дворе сенатора Маккарти.

Надо мной нависают Индиго и Зета. Индиго встает на колени и склоняется надо мной.

— Ты в порядке?

Я утвердительно киваю головой, хотя это полная чушь.

Не секрет, что если бы меня завербовали в ЦРУ, то я бы прошла курсы по выживанию, уклонению, сопротивлению, побегу (ВУСП) где-нибудь наподобие тюрьмы Абу-Грейб. Думаю, что произошедшее сейчас было во много раз хуже. Индиго хватает меня за руку и помогает подняться, но ноги не слушаются меня и я отчаянно пытаюсь сохранить равновесие.

Зета выглядит довольным. Кто бы сомневался. Он открывает ворота, на которых в одна тысяча девятьсот шестидесятом году отсутствует замок, и я следую за ним. Зета показывает на здание из бурого камня. Передняя дверь теперь черная, а не красная, и никакого сада нет. В целом, дом выглядит точно так же.

А вот все остальное... По улицам проезжают огромные машины, больше похожие на подводные лодки. Куда-то торопятся люди в фетровых шляпах. На всех женщинах платья и перчатки, а одна даже прошла мимо в очках в форме кошачьих глаз.

— Проверка времени, — говорит Зета.

Я смотрю на часы. 8:52. Секундная стрелка уже пересекла отметку в сорок и движется к шестидесяти. Ого! У меня совсем нет времени. Я даже не успела перевести дыхание. В квартале от нас поворачивает на Н-стрит большое желтое такси.

Должно быть, это оно.

Позади меня открывается дверь, и я вижу, как по ступенькам начинает спускаться очень привлекательный мужчина с темными волосами и серьезным выражением лица. Он надевает шляпу, замечает такси и поднимает руку. Машина начинает замедлять движение, и я мгновенно забываю о боли. Я должна добраться до него первой.

— Давай, — шипит Зета и толкает меня вперед.

Я не медлю ни секунды. Перебегаю улицу, кидаюсь наперерез сенатору Маккарти, открываю дверь такси и залезаю внутрь прямо перед его носом. Сенатор зло смотрит на меня.

— Извините, — бормочу я. — Мне нужна срочная медицинская помощь. Водитель, в больницу, немедленно.

Сенатор Маккарти неверяще моргает несколько раз, а потом кивает водителю и закрывает дверь. Я с облегчением вздыхаю и откидываюсь на сиденье. Я сделала это. Я не дала ему сесть в такси. Это было так просто. Слишком просто.

Я оглядываюсь, надеясь увидеть Зету или Индиго, но вместо этого вижу сенатора, забирающегося на заднее сиденье такси, которое он поймал всего через десять секунд.

Сукин сын.

— Знаете, а мне уже лучше, — зло говорю я водителю. — Остановите, пожалуйста.

Водитель жмет по тормозам так, что я практически ударяюсь головой о переднее сиденье и поворачивается ко мне с сигаретой во рту.

— Что, черт возьми, ты имеешь в виду? Хочешь выйти здесь? Мы проехали половину квартала.

— Мне очень жаль. — Я открываю дверь. — Сколько я вам должна?

Водитель что-то раздраженно бурчит себе под нос.

— Тридцать пять центов.

Вытаскиваю два четвертака из кошелька и кладу на переднее сиденье.

— Сдачи не нужно. — Хлопаю дверью и бегу обратно. Мне нужно, чтобы сенатор Маккарти вышел из такси!

Оно приближается. Что делать? Что делать? Мне приходит в голову только одно. Машина движется медленно. Я смогу. Я задерживаю дыхание. Вот оно. Еще пара секунд...

— Ирис! — откуда-то кричит Зета и бежит ко мне. — Остановись! Нет!

Но я уже кидаюсь наперерез такси. Плечо ударяется о лобовое стекло, и я кричу от боли. Водитель тормозит и выкручивает руль вправо. Я падаю на тротуар.

Слышу, как открываются и закрываются двери, а потом вижу перед собой сидящего на корточках сенатора Маккарти.

— Она сама прыгнула! — орет пожилой водитель. — Это сумасшедшая сама прыгнула прямо передо мной!

— Тише! — резко говорит сенатор. — Вы в порядке? Не ранены?

— Да на всю голову, — вопит водитель.

Я смотрю вбок и вижу Зету и Индиго, которые стоят где-то в половине квартала от меня. Зета удерживает рукой Индиго. С этой ситуацией я должна справиться сама.

— Ты в порядке? — еще раз строго спрашивает сенатор.

В порядке ли я? Нет. Однозначно нет. Я уже прошла все круги ада утром, а теперь меня еще и сбила машина. На правой руке и плече уже начали появляться отметины, которые вскоре превратятся в фиолетовые синяки. Левая рука поцарапана и кровоточит. Но, думаю, что ничего не сломано.

— Наверное, — говорю я. А потом смотрю на часы на руке сенатора. Еще только 8:55, куча времени, чтобы добраться до Капитолия и успеть на голосование. Нужно задержать его. Он отталкивается от тротуара руками, чтобы встать.

— Подождите, нет! — кричу я. — Моя нога, думаю, она сломана!

Сенатор Маккарти смотрит на часы и вздыхает.

— Мне жаль, но у меня нет времени, чтобы помочь тебе.

Внезапно появляются длинные черно-белые полицейские машины. Теперь я знаю, моя миссия окончена. Ни один коп не даст свидетелю покинуть место происшествия. Я забрасываю сумочку в ближайшие кусты, а потом говорю полицейским, что забыла ее дома, а когда поняла это, то побежала за ней обратно и не увидела такси. Никого не арестовали, и даже не выписали штраф, но на опрос присутствующих ушло почти полчаса. Я сделала это. Я добилась того, чтобы сенатор пропустил голосование.

Сенатор и водитель садятся обратно в такси и, полагая, едут в Капитолий. У меня

болит все тело, а когда я вижу Индиго и Зета, идущих ко мне, появляется и тянущее чувство в желудке.

— Черт, — говорит Индиго, подходя поближе. — Это было круто! Такая самоотверженность, правда, Зета?

Зета встает рядом со мной и не произносит ни слова. Вместо этого он холодно и напряженно смотрит на меня.

— Это было... нечто, — наконец говорит он. — Скажи мне, ты что, забыла о законах физики? Или думала, что если броситься навстречу движущейся машине в одна тысяча девятьсот шестидесятом году, то ничего не случится и можно обойтись без травм?

— Я просто думала...

— Неверно. Ты определенно вообще не думала. Если бы думала, то не прыгнула бы наперерез машине.

— Ну хорошо, прекрасно! — говорю я. — Я не думала. Я просто знала, что мне нужно остановить сенатора и не дать ему добраться до Капитолия, поэтому сделала первое, что пришло в голову. Но должна обратить ваше внимание на то, что это сработало.

Зета делает медленный вдох.

— Это так, — соглашается он. — Ты успешно завершила свою миссию, и я отражу это в рапорте. — Да! Наконец-то я хоть что-то сделала правильно. — Тем не менее, я уже говорил тебе, что все, что происходит во время миссий, остается частью истории, которую нельзя изменить. Если бы ты умерла, то... нам было бы очень приятно, что мы тебя знали. Поэтому я также обращаю внимание и на твое безрассудство. Ну что, готовы возвращаться?

О нет. Мне опять придется пройти через этот ад. Голос в голове протестующе кричит. Бросается на пол, пинается и истерично визжит, как ребенок, которому сказали сделать то, чего он не хочет. Тем не менее, я достаю часы и настраиваю их с таким видом, как будто мне предстоит просто подняться по лестнице. Никогда не показывай слабость.

— Я готова, сэр.

Зета выгибает бровь и наклоняется, чтобы проверить мои настройки.

— Все в порядке. Ну, тогда пошли.

Не давая себе времени на размышления, захопываю крышку. Тело так быстро взмывается вверх, что руки как будто приклеиваются к бокам. Такое ощущение, что мной только что выстрелили из пушки. Настоящей, а не какой-нибудь цирковой. Все давление идет на плечи, оно такое сильное, что их просто может оторвать в любой момент. В голове гудит, ощущение, что ее просто пытаются открутить. Давление. Такое сильное давление. У меня сводит шею, боль спускается дальше к рукам, которые и так уже черные от столкновения с такси. Такое чувство, что кто-то взял резиновую колотушку и бьет ею по синякам. Если бы я могла, то закричала бы.

Я приземляюсь в современном Вашингтоне. Слышу, как появляются Зета и Индиго. А сама все еще лежу на земле в мокром от росы платье. Никогда не показывай слабость, напоминаю я себе. Но я не могу подняться. Не могу сделать ни одного движения.

Индиго садится рядом. Я опускаю подбородок. Все болит, мне хочется плакать. Не могу поверить, что было время, когда они перемещались таким образом. Что это было нормальным. Неудивительно, что практически все погибли или были изуродованы. Перемещение во времени — проецирование — это ад.

Индиго аккуратно приподнимает мое лицо. Мне следует оттолкнуть его. Но я не делаю этого. Вместо этого смотрю ему в глаза, не скрывая своих чувств. Он поднимает палец и

стучит мне по носу.

— Все в порядке, — шепчет он. У меня перехватывает дыхание, потому что именно так сделал бы Эйб.

Я наклоняю голову вбок и пытаюсь встать. Меня шатает, и Индиго подскакивает, чтобы помочь мне. Я пытаюсь стряхнуть его руки, но он крепко обнимает меня за плечи. Я скучаю по Эйбу. Он будет здесь в следующем году, практически на том месте, где сейчас стою я. В Джорджтауне. А меня с ним не будет. Больше никогда не будет.

Я опираюсь на Индиго. Мне так больно. Гораздо больнее, чем когда я сломала руку в восемь лет, и кость удалось вправить только с четвертого раза. Больнее, чем когда меня ударили в пах во время боевой подготовки в Пиле. Физическая боль утихнет, а вот эмоциональная нет. Я слишком хорошо это знаю.

Зета уже вызвал такси, и спустя несколько минут оно появляется. Зета садится вперед, а мы с Индиго забираемся на заднее сиденье и располагаемся по разные стороны, не касаясь друг друга. Все дорогу я пристально смотрю на желтые и оранжевые деревья.

Я только что спроецировалась во времени. У меня есть способность к перемещению во времени. К Хронометрической аугментации, произносит голос у меня в голове. Я одна из горстки людей, кто может это делать.

Так почему я не чувствую себя счастливее?

Зета опять вручает нам билеты в первый класс. Самолет взлетает, я откидываю кресло и закрываю глаза.

— Могу я предложить вам что-нибудь выпить? — раздается голос стюардессы.

Не открывая глаз, я качаю головой, но Зета говорит за меня:

— Три бокала шампанского. — Я моментально открываю глаза. Шампанское? Никогда его не пробовала. Я не пью. Вообще. Когда растешь с матерью, одной из проблем которой является алкоголизм, то не испытываешь желания выпивать.

Стюардесса бегло изучает наши лица.

— Извините, но могу я посмотреть ваши документы?

— Да, конечно, но я не хочу... — начинаю говорить я, но Индиго толкает меня в больное ребро. Я съеживаюсь.

— Прости, — восклицает он.

— Все в порядке. — Я достаю из кармана права, которые утром дал Зета. Черт возьми, на них мне двадцать один год. Мой босс вручил мне фальшивые права. Я передаю их официантке, которая, бегло изучив, отдает их обратно.

— Шампанское будет через минуту.

Зета поднимает свой бокал.

— Как бы то ни было, день прошел весьма успешно. — Я чуть не свернула голову, чтобы посмотреть на него. Он что, только что сказал «весьма» и «успешно», обращаясь ко мне? — Тебе все еще нужно поработать над контролем эмоций, но мне очень приятно, что я буду и дальше обучать тебя. — Он отпивает шампанское, а у меня начинают трястись руки.

Индиго практически тычет мне в лицо бокалом.

— За нас. — И мы чокаемся.

— За нас, — говорю я перед тем, как сделать маленький глоточек. Сладкое с пузырьками шампанское очень быстро пьянит, поэтому я отставляю его на столик.

— Не хочется? — говорит Индиго, опустошая свой бокал до дна.

— Не особо.

Он улыбается.

— Знаешь, ты меня восхищаешь.

— Я... что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду... — Индиго берет мой бокал. — Ты будешь допивать? — Я отрицательно качаю головой. — Что я не могу тебя понять.

— А кто говорит, что я хочу, чтобы меня поняли?

Индиго хихикает и одним залпом допивает мое шампанское.

— Это одна из причин моего восхищения. — Он отставляет бокал на столик, откидывается назад и закрывает глаза. Несколько минут я не могу отвести от него глаз. Нужно выбросить все мысли из головы.

Глава 11

Броситься наперерез движущейся машине оказалось действенным способом завоевать путь к сердцу Зета. На следующее утро он берет меня на другую миссию. А потом еще на одну. И еще на три на следующей неделе. Я побывала в Харлеме 1920-х годов и в Филадельфии в 1970-х. Октябрь сменяет ноябрь. Мне исполняется семнадцать лет. Не успеваю опомниться, как впереди уже маячит День благодарения.

День благодарения. Мы с Эйбом должны были провести его с моей мамой. Я всегда приезжаю к ней на праздники. После того, как я предпочла неизвестную мне школу ей, наши отношения уже никогда не были прежними. Тем не менее, я делала вид, что все в порядке. Присутствие Эйба очень помогало мне в этом. Он мог болтать с кем угодно, где угодно и о чем угодно. Его энтузиазм и чувство юмора были очень заразительны. Однажды ему даже удалось вызвать на мамином лице маленькую улыбку несмотря на то, что у нее была очередная депрессия. В том момент я поняла, что люблю его.

Но теперь я больше не смогу увидеться ни с одним из дорогих мне людей. Никогда.

Я сижу в библиотеке и корплю над учебником об американской политике начала двадцатого века. Зета дал мне задание изучить ее, чтобы подготовиться к миссии, которая, возможно, — а возможно и нет — будет поручена мне. Кто знает?

Сегодня я не одна. За соседним столом сидит Индиго, а в одном из кресел возле камина развалился Блу. В другом устроилась Вайолет. Она уткнулась носом в какую-то древнюю книгу в вишнево-красной кожаной обложке.

Я изучаю раздел о начале президентства Тедди Рузвельта, когда на мой стол падает записка. Откладываю учебник и смотрю на Индиго. Он дергает головой в сторону записки, как будто и так не очевидно, кто ее бросил. Я поднимаю ее и читаю:

Ждешь дня благодарения?

Черт побери. Еще одно напоминание о том, чего никогда больше не будет. В голове сразу же всплывает образ Доса, нашей собаки, который прыгает на меня, облизывает и скулит, радуясь, что видит вновь. Следом за ним появляется лицо мамы. Я не позволяю себе думать о том, будет ли она счастлива видеть меня настолько, что не будет спать два дня и испечет семь пирогов с различной начинкой, или будет в одном из своих настроений, когда ей неважно, что я рядом. Интересно, что же произойдет, когда я не приеду к ней в этом году?

А Эйб. Эйб проведет праздник со своей семьей. Если только уже не встретил другую девушку. Будет ли эта другая девушка так же сидеть рядом с ним за потертым дубовым дедушкиным столом, смеясь над его шутками и мысленно планируя пригласить к себе, чтобы познакомить со своей семьей?

Беру ручку и карябаю ответ.

Нет.

Кидаю записку обратно Индиго, но через несколько секунд она снова приземляется на мой стол.

Почему?: (Мы устраиваем отличную вечеринку; вот увидишь.

Я зажмуриваю глаза. Грустный смайл? Он что, серьезно нарисовал грустный смайл? Быстро пишу еще одну записку и кидаю ему.

Просто нет настроения. Не хочу говорить об этом.

Краем глаза наблюдаю за тем, как Индиго читает ее. Надеюсь, на этом все и закончится. Он бросает записку на стол и поворачивается ко мне.

— Эй, что не так? — тихо спрашивает Индиго.

— Я же сказала, что не хочу говорить об этом, — шепчу я в ответ, а потом беру в руки учебник и делаю вид, что читаю.

— Эй, — в этот раз немного громче произносит он. — Я не хотел расстроить тебя. Прости. — Он выглядит пришибленным, как потерянный щенок.

Я резко захлопываю книгу.

— Прекрати это. Я просто не люблю, когда меня грузят вопросами, — громко отвечаю я. Вайолет поднимает на меня взгляд и прищуривается. Я игнорирую ее.

— «Ждешь Дня благодарения»? Разве это называется «загрузил вопросами»? Не нужно огрызаться на меня.

Я морщу нос.

— Ты серьезно? Я не огрызалась на тебя. Просто сказала, что не жду Дня благодарения и не хочу говорить об этом.

Он начинает закатывать глаза, но тут же одергивает себя.

— Подруга, это был простой вопрос.

— Ты меня достал. Хочешь знать, почему я не жду Дня благодарения? Потому что я всегда провожу его со своим парнем. Со своим бывшим парнем — спасибо Страже Времени. Мы ездим в гости к моей маме в Вермонт. У нее биполярное расстройство, но она отказывается принимать таблетки, поэтому никогда не знаешь, кого увидишь: радостную или жалкую Джой. Да, так зовут мою маму. Джой¹. Ну разве иногда жизнь не смеется над нами?

— Я не хотел... — поднимая руки вверх, говорит Индиго.

— Моего отца нет в живых уже шестнадцать лет, так что у мамы теперь больше никого не осталось. *Никого*. А все потому, что я оставила ее два года назад, когда пришло письмо из Пила. Что значит оставаться в одиночестве человеку с серьезными психологическими проблемами? Вероятно, я скоро стану сиротой, и в этом будет только моя вина.

Кто-то захлопывает книгу. Я поднимаю взгляд и вижу, что Блу бросает ее на пол и встает.

— И что теперь? Нам стоит пожалеть тебя?

— Тебя это вообще не касается, — отвечаю я.

— Конечно же касается. Ты думаешь, что одна из здесь присутствующих скучаешь по родителям? У меня нет матери уже три года. У Вайолет...

Вайолет резко встает с кресла.

— Не вмешивай меня в это!

Блу дергает головой в сторону Индиго.

— У него есть два полностью здоровых и работоспособных родителя, но он — исключение. Это место убивает тебя. По крайней мере, тебе не пришлось расти, наблюдая за тем, как оно съедает заживо людей, которых ты любишь. Тебе не пришлось наблюдать за тем, как медленно умирает искалеченное тело твоей матери.

— Блу! — кричит Вайолет. — Заткнись!

Но Блу не может взять свои слова обратно. Кусочки информации в моей голове сводятся воедино, и я вскрикиваю:

— Ваши родители были Стражами Времени. — Как же я раньше этого не поняла. Вот о каком пути говорил Блу. О пути своих родителей. Его мама умерла так же, как умирает сейчас Ипсилон. Медленно. Болезненно. Так же, как один из родителей Вайолет. Родители Индиго все еще живы. А это значит... Боже мой! Конечно же!

Я резко поворачиваюсь к Индиго.

— Твой отец — Зета. — Судя по выражению его лица, это правда. — Вы все родились с этим.

— Хронометрическая аугментация передается по наследству, — говорит Блу.

— Блу, заткнись! — снова восклицает Вайолет. — Ей нельзя это знать! — Она бросается на Блу, но он отталкивает ее.

— Нет! — кричит он. — Почему она не может знать правду? Если она будет одной из нас, то имеет на это право.

— Нет, не имеет. — Вайолет вновь пытается наброситься на Блу. — Она не одна из нас. Она даже не принадлежит этому месту.

— Принадлежит, — говорит Индиго, втискиваясь между Блу и Вайолет. — Ее выбрал Альфа. Это неправильно, что они все еще держат ее в неведении.

Все, тяжело дыша, обмениваются взглядами, словно подначивая друг друга сделать первый шаг.

Первым моргает Индиго. Он хватается за руку и разворачивает к себе.

— Стражу Времени основали наши прадедушки. На их место пришли их дети. Теперь наша очередь. Так было всегда. До тебя.

Он бросает быстрый взгляд на дверь, Вайолет и Блу делают то же самое.

— Ей не нужно ничего этого знать, — говорит Вайолет.

— Тише, Вайолет, — отвечает Индиго. Сейчас он явно нервничает. Как будто вот-вот передумает.

Я складываю руки на груди.

— Почему до меня?

Блу дергает головой, а потом вскидывает ее.

— Ты — чужачка. Ты не была рождена в этом. Правительство использует тебя, чтобы решить, можно ли увеличить наше число с помощью чужаков.

Чужак. Он произнес это дважды. Они *все* смотрят на меня как на чужака. Но я и так это знала.

— Почему тогда я могу проецироваться?

— Альфа взял твою ДНК, — говорит Индиго. Я мгновенно вспоминаю, как проснулась в холодной, стерильной комнате, привязанная к каталке и с иглой в руке. Я никогда не верила, что это было сделано в качестве обычной профилактики, но все-таки приятно, в конце концов, узнать правду. — Он взял ее, а потом они впрыснули ее в часы Стражей. Поэтому ты сейчас можешь проецироваться.

У меня начинает кружиться голова. Они выкрали меня из школы, лишили Эйба и мамы. Они украли у меня мое тело. Использовали меня. Это слишком.

Я выбегаю из библиотеки, а потом на улицу. Визжит сигнализация, но я не останавливаюсь. Мне нужно убраться отсюда. По Бикон-стрит несутся машины, но я все равно вылетаю на дорогу. Большой черный внедорожник резко тормозит всего в нескольких сантиметрах от меня. Я бью кулаками по капоту и мчусь дальше.

— Ирис! — кричат позади меня.

Я перебегаю улицу и, повернувшись, вижу, что это Индиго.

— Ирис, вернись!

Я спускаюсь по ступенькам в Бостон-Коммон. Справа от меня лягушачий пруд, слева Парк-стрит. Я изо всех сил мчусь прямо.

— Ирис!

Индиго уже близко. Он бежит быстрее меня и скоро догонит. Я поворачиваю и несусь в другую сторону парка, по направлению к Тремонт-стрит — шумной торговой улице. Она недалеко, и если я успею добраться до нее, то без проблем затеряюсь в толпе.

Уже виднеется пиццерия. Это то, что мне нужно. Моя цель. Но как только я выбегаю на Тремонт-стрит, чья-то сильная рука хватается меня и дергает назад. Мимо тут же проносится автобус.

Я вскрикиваю.

Автобус.

Поднимаю взгляд и вижу перед собой трясущегося молодого бизнесмена. Он смотрит на меня с открытым ртом, а потом отпускает. Я, тяжело дыша, тоже смотрю на него. В этот момент со спины меня за плечо хватается другая рука. Мне не нужно поворачиваться, чтобы знать, кто это.

— Ирис! Что, черт возьми, с тобой такое?

— Ты лжец! — Я пытаюсь сбросить его руку, но он только крепче сжимает ее. — Вы все! Вы все обманывали меня!

Я не обращаю внимания на группу азиатских туристов, которые стоят и пялятся на меня возле Информационного центра. Экскурсовод, одетый в костюм колониста, — напудренный парик и все такое — пытается переключить их внимание на церковь на Парк-стрит, которая находится всего в квартале отсюда.

— Никто не обманывал тебя, — кричит Индиго. — Просто не сказали правду. Это большая разница.

— Нет никакой разницы. — Я ныряю вниз, делаю рывок влево, хватаю Индиго за плечо и опрокидываю его на спину. — Ложь ничем не отличается от утаения правды.

Индиго потрясенно смотрит на меня, но не пытается спорить.

— Мне жаль, — шепчет он.

— Ирис! — доносится до меня чей-то голос. Новый, более громкий и злой голос. Я сразу же узнаю его.

Поднимаю взгляд и вижу бегущего к нам Альфу. В этот момент я замечаю, что по обе стороны Тремонт-стрит стоят зрители и пристально наблюдают за нами. Это уже не просто туристы. А все, кто находятся на улице в радиусе двух кварталов. Может, развернуться и побежать? Сомневаюсь, что мне это удастся. Тем не менее, есть кое-что, что я могу сделать. В моем распоряжении *время*. Я достаю из-под свитера часы Стража.

— Даже не думай этого делать, — рычит Альфа, когда я открываю крышку. Он уже в

нескольких шагах от меня.

Я несколько раз поворачиваю верхнюю головку, даже не понимая, что делаю. Я не хочу проецироваться, — это было бы глупо — но и здесь находиться не хочу.

— Я тебя отслежу, — говорит Альфа. — Я тебя отслежу, а потом найду, и ты в мгновение ока окажешься в Карсвелле.

Снова Карсвелл. Тюрма. Техас. Далеко от Массачусетса, Вермонта, ото всех, кого я знаю и люблю. А еще в мою руку вживлен маячок. Если и убегу, то ненадолго.

Я разжимаю ладонь, и часы падают на грудь. Индиго поднимается с земли и обеспокоенно смотрит на меня.

Альфа хватается за плечо, разворачивает и ведет обратно на Бикон-стрит.

— Объяснись, — шепчет он низким и опасным голосом.

— Это вы объяснитесь, — огрызаюсь я, и Альфа сжимает мое плечо, давая знать, что я перехожу все границы. Но мне наплевать. — Хронометрическая аугментация передается по наследству? Я — ваша подопытная свинка?

— Я тебе уже все рассказал.

— Нет, не рассказали!

Альфа останавливается посреди Бостон-Коммон и разворачивает меня так быстро, что я чуть не падаю.

— Я рассказал тебе о членстве в Страже Времени и о том, что правительство хочет провести эксперимент и включить в нашу команду новых Стражей. Так в чем конкретно я тебе соврал? — Индиго останавливается в нескольких шагах от нас и смотрит в землю.

— Важнее, о чем вы умолчали, — говорю я.

— Я умолчал о том, что хронометрическая аугментация передается по наследству. Хорошо. А теперь скажи мне, почему это для тебя так важно? Почему ты ведешь себя как маленький ребенок?

— Я не веду себя как маленький ребенок, — отвечаю я, понимая, что выгляжу как плакса. — Ваши родители тоже были Стражами Времени. Вы — часть тайного общества, а я — чужачка.

Альфа долго и пристально смотрит на меня. Проходит одна секунда. Две. Пять. Шесть. Наконец, он кивает головой в сторону Бикон-стрит.

— Пошли.

Мы молча выходим из парка. Индиго следует за нами. Мне страшно возвращаться в Зал Стражей. Зал лжи.

Интересно, это все? Они собираются засадить меня за решетку? Я так ничего и не узнала о своем отце.

Я тяжело поднимаюсь по ступенькам крыльца. Альфа открывает дверь и пропускает Индиго, а потом толкает внутрь меня.

— Я полагаю, тебе есть чем себя занять? — спрашивает он его.

Индиго кивает, а потом снова бросает на меня обеспокоенный взгляд. Черт возьми. И почему он такой милый? Я холодно смотрю на него в ответ. Он с расстроенным видом заходит в библиотеку и закрывает за собой дверь.

— Следуй за мной, — командует Альфа.

Другого выбора у меня нет. Мы проходим через гостиную в коридор возле лестницы. Значит, направляемся в его кабинет. Меня охватывает удушающий страх.

Альфа останавливается возле своего кабинета и поднимает руку. Он поворачивается ко

мне спиной, но недостаточно, чтобы полностью загородить обзор. Я делаю вид, что изучаю носки ботинок, а сама исподтишка смотрю на клавиатуру контроля доступа, как нас учили в Пиле. Никогда не глазей на человека, который вводит код. Но и не упусти, какие цифры он набирает.

Альфа набирает 940211. К тому моменту, как дверь открывается, я уже разбила его на части и запомнила. 940 — код Техаса. В первый год обучения в Пиле у меня была соседка из Уичито-Фолс. Этот код постоянно высвечивался в ее телефоне. 211. Это телефон муниципальной службы в Вермонте. Его постоянно называют по телевизору. Вместе — 940211.

Альфа поворачивает ручку и приглашает меня войти. Я не знаю, что делать — садиться на стул или стоять, поэтому решаю оставаться на ногах. Альфа обходит стол и устраивается за ним.

— Мне следует доложить об этом.

Я молчу. Мольба — это свидетельство слабости.

— Дай мне хоть одну причину, почему мне не стоит этого делать.

Альфа хочет причину? Легко! Я могла бы забросать его ими. Но не стану. По крайней мере, пока.

— Потому что ничего не произошло. Я вышла побегать по парку, вот и все.

— Неправда, и ты это знаешь.

— Я была расстроена, потому что узнала о вашей лжи и...

Альфа ударяет по столу ладонями так сильно, что бедный предмет мебели даже «вздрагивает». На секунду мне показалось, что он треснет.

— Если ты еще хоть слово скажешь об этом, то все. Я — старший по званию. Тебя ведь учили слушаться своего командира? Делать, что приказывают? ЦРУ, ФБР — правила одни, Ирис. Меня удивляет, как человек с проблемами с подчинением мог так далеко продвинуться. — Альфа замолкает на пару секунд, а потом продолжает. — Информация, которую я решил раскрыть — это все, что тебе нужно знать. Поэтому прекрати вести себя так, будто я твой отец.

Волосы на затылке встают дыбом. *Отец*. У меня его нет. Но, когда я смотрю на Альфу, в его светло-карие глаза, на его короткую стрижку и легкую щетину на лице, то не могу не представить себе лицо отца на теле Альфы.

Однако, этот образ такой размытый. Я знаю отца лишь по двум фотографиям в нашем доме. Интересно, каково это, иметь папу, который ругает тебя, когда ты плохо себя ведешь?

Я выбрасываю этот образ из головы и снова смотрю на Альфу.

— Я никогда...

— Хватит. Я не хочу больше ничего слышать. Просто вспомни, что я сказал тебе в первый день, когда мы встретились. От меня невозможно убежать. Я найду тебя. Где угодно. Сегодня ты чуть не совершила идиотский поступок. Не повторяй его снова. А теперь иди.

Альфа показывает на дверь. Я выхожу из его кабинета, едва переставляя ноги. Дотащившись до лестницы, взбираюсь по ней наверх. Господи Иисусе. Это было... страшно.

Как только за мной закрывается дверь спальни, я начинаю думать над словами Альфы, одновременно сжимая и разжимая кулаки, пытаюсь снять напряжение. Но ничего не получается, поэтому я делаю то, что привыкла — опускаюсь на пол и отжимаюсь. На двенадцатый раз сажусь и опускаю голову на ладони. Неужели для меня так важно, что они не рассказали о наследственности раньше? Почему я так расстроена этим?

Ни на один из вопросов у меня нет ответа.

Глава 12

На следующий день за завтраком Альфа не упоминает о моей увеселительной прогулке и, как ни в чем не бывало, распределяет нам задания.

— Орэндж, одиночная миссия, которую мы обсуждали, — говорит он.

Орэндж кивает, и копна оранжевых волос падает ему на лицо.

— Грин и Блу, сегодня занимаетесь историей.

Грин кивает, а Блу нет. С того момента, как я зашла, он пристально смотрит на меня через весь стол. Просто смотрит. Это очень странно.

— Индиго... Где Индиго? — спрашивает Альфа, как будто только что замечает пустующий рядом со мной стул. Забавно. Лично я обратила на это внимание сразу же.

— Не знаю, сэр, — отвечает Ред. — Он ничего не говорил о том, что будет отсутствовать утром.

— Он плохо себя чувствует, — прочистив горло, произносит Зета.

— Семейственность во всей красе, — бурчит про себя Блу. Большинство присутствующих охают и поворачиваются в мою сторону. Только Альфа, Зета и Вайолет даже не вздрагивают. Но это потому, что они уже в курсе моей осведомленности.

— Да заткнитесь уже, — говорит Блу. — Она знает.

Альфа сворачивает салфетку и кладет ее на стол. А потом поправляет галстук и встает.

— Блу, на пару слов, — кивнув головой в сторону двери, говорит он. — Остальные выполняют задания.

Полагаю, завтрак на этом закончен, хотя лично я не имею никакого представления о своем задании. Последние дни мне только и говорят, что «изучать историю начала двадцатого века». Наверное, сегодня будет то же самое. Я отодвигаю стул и встаю рядом со всеми. Но Грин отходит от меня подальше, как будто я лев, который сидит в клетке, и все только что обнаружили, что у нее открыта дверь. Орэндж встречается со мной взглядом и сразу же отводит его.

Хорошо ребята, я все поняла. Я — чужачка. Я не одна из вас, потому что меня не произвела на свет одна из ваших путешествующих во времени мамочек.

Разворачиваюсь и иду в библиотеку.

— Ирис, — говорит Зета. — Куда это ты собралась?

— В библиотеку, — бурчу я, даже не подумав обернуться.

Зета встает передо мной.

— Сегодня у тебя миссия. Твоя первая настоящая миссия.

Я резко разворачиваюсь. Настоящая? Не тренировочная?

— Никто ничего не говорил мне об этом.

— Знаю, — отвечает Зета. — Альфа решил, что ты готова, только вчера вечером.

Странно. Он принял решение до или после того, как хорошенько словесно отшлепал меня?

Зета поворачивает голову к двери.

— Еллоу и Вайолет, вы тоже идете.

Еллоу брезгливо цокает языком, а Вайолет смотрит на меня ледяным взглядом. Я смотрю на нее в ответ. Если она думает, что я моргну первой, то глубоко ошибается.

— Следуйте за мной. — Зета направляется к лестнице, которая ведет в подвал. Еллоу разворачивается на каблуках и с важным видом идет за ним, Вайолет топает следом. Топают.

Как ребенок.

— Ненавижу командные миссии, — шепчет Вайолет Еллоу на лестнице. Не имею понятия, о чем она говорит.

Зета придерживает для нас дверь и машет рукой в сторону классной комнаты, которая находится справа. Мы заходим в нее. На передней стене установлен большой проектор и телевизор. Я устраиваюсь за одной из дюжин парт, на каждой из которых лежит желтый стандартный блокнот и набор карандашей. Вайолет и Еллоу садятся через стол от меня.

— Девочки, — приветствует нас Зета, а потом смотрит на меня. — Ирис. Я придерживаюсь практики испытания огнем. Ты ничему не научишься, пока тебя не бросить в пламя и не заставить самой искать воду. Для всех первых миссий характерно сильное давление, высокие ставки и огромный риск. Шанс провалить ее очень высок, шанс умереть еще выше. Ты готова?

Мое сердце бьется, как сумасшедшее. Это то, для чего меня тренировали в Пиле. Я прошла через десятки высокострессовых симуляций, но никогда не участвовала в реальных миссиях. Никогда. Раньше я тоже всегда нервничала, но сейчас меня просто трясет. Чувствую себя невесомой.

— Я готова, — отвечаю я.

А внутри меня все рушится. Как же так! Я отправляюсь на опасную миссию, где меня с большой долей вероятности могут убить, а моя команда даже не желает сидеть рядом со мной.

Зета включает прожектор. Несколько секунд экран остается белым, а потом раздается щелчок и появляется изображение. Это картина. Женщина сидит за фортепьяно, а другая женщина стоит за ним, слегка приподняв руки и приоткрыв рот, как будто она поет. Мужчина сидит к ним лицом. Красивая картина. Очень красивая. Я прищуриваюсь и изучаю платье певицы.

— «Концерт», — говорит Зета. — Создана Яном Вермеером в 60-х годах. Была украдена из музея Изабеллы Стюарт Гарднер² 18 марта 1990 года наряду с двенадцатью другими предметами искусства. Стоимость только «Концерта» оценивается в двести миллионов долларов. — У меня отвисает челюсть. — Общая ценность похищенного той ночью составляет около пятисот миллионов. Ни одна из украденных работ так никогда и не всплыла.

— Девочки, сегодня сам президент поручил нам предотвратить эту кражу.

Я выпрямляюсь на стуле и кладу локти на стол. Оглянувшись, вижу, что Вайолет и Еллоу сделали то же самое. Сердце опять начинает стучать как сумасшедшее, в этот раз от возбуждения вперемешку с волнением. Вот что мне нужно. Хватит подстраивать так, чтобы кто-то не сел в такси. *Вот* что я хочу делать.

Зета снова щелкает пультом и на экране появляется изображение музея в поперечном разрезе. Он хватает указку и показывает на угол первого этажа.

— Ровно в 1:24 ночи 18 марта 1990 года два грабителя, переодетых в полицейскую униформу, постучали в служебную дверь. Они сказали охраннику — молодому и неопытному студенту — что прибыли по сигналу тревоги из музея и что это связано с празднованием дня Святого Патрика, которое все еще проходило на улицах Бостона. Охранник впустил их в музей. Потом грабители сказали студенту, что его лицо выглядит знакомым и что они видели ордер на его арест. Охранник вышел из-за стола, чтобы показать документы, оставляя без присмотра красную кнопку, с помощью которой можно было бы

вызвать настоящих полицейских. Грабители заставили молодого человека позвать другого охранника, и когда он пришел, их обоих заковали в наручники и отвели в подвал, где им перетянули руки и ноги клейкой лентой, заклеили рты и рассадили в сорока ярдах друг от друга.

Еллоу и Вайолет просто сидят и слушают, а я быстро записываю за Зета.

— Примерно в 1:48 оба грабителя поднялись по главной лестнице в зал на втором этаже, где была представлена голландская живопись. — Зета передвигает указку в правый верхний угол второго этажа. — В следующие сорок минут воришки отключили сигнализацию. Из Голландской комнаты они вынесли три полотна Рембрандта, Флинка³, «Концерт» и китайский бронзовый кубок, которому насчитывалось три тысячи лет. Из Короткой галереи, — указка передвигается в зал, находящийся слева, — они украли пять набросков Дега и бронзового орла, венчающего древко знамени Наполеона. В какой-то момент из Голубой комнаты на первом этаже была похищена картина Мане, — указка перемещается на зал на первом этаже, который находится практически прямо под Короткой галереей, — но следователи не смогли определить точное время кражи. Грабители покинули музей в 2:45, унеся с собой предметы искусства стоимостью в пятьсот миллионов долларов, которые так никогда и не были найдены. Спустя десятилетия попыток выйти на след воришек, директор ФБР решил, что ограбление представляет собой слишком большую потерю для мира искусства, и обратился к президенту.

Зета убирает указку и складывает перед собой руки. Я затаила дыхание.

— У вас есть только один шанс, чтобы остановить это. Скорее всего, грабители будут вооружены и попытаются воспользоваться этим. Ирис...

Зета поворачивается ко мне, Еллоу и Вайолет делают то же самое.

— Цель этой миссии — проявить свои сильные стороны. Ты будешь командиром. Я хочу, чтобы вы трое провели оставшийся день в музее. Узнайте все входы и выходы. Подготовьтесь. Встречаемся здесь же в пять часов вечера.

***

Мы садимся на Зеленой линии на Парк-стрит и едем по ветке «Е» до остановки «Музей изящных искусств». Ни Вайолет, ни Еллоу не произносят за все это время ни слова. Может, потому что я и правда не нравлюсь им, а может, это из-за того, что Зета назначил меня командиром. Я фыркаю. *Командир*. Ну да. Нельзя вести за собой людей, если они не хотят за тобой идти.

— Хорошо, — говорю я, когда мы останавливаемся перед входом в музей и смотрим на приземистое кирпичное здание совершенно обычного вида. Оно напоминает многоквартирный дом или старую фабрику. — Думаю, мы должны разделиться и...

— Знаю, — перебивает меня Еллоу. — Это моя четвертая командная миссия. Я поброжу по музею, возьму кое-что на заметку, а потом составлю план действий.

Я морщу нос.

— Может, ты не расслышала Зета, но он сказал, что я командир этой миссии.

Еллоу поднимает идеально выщипанную бровь.

— Он может называть тебя, как хочет, но этой миссией буду командовать я.

— И кто это сказал? — спрашиваю я.

— Вайолет? За кем ты собираешься следовать?

— За тобой, — отвечает та. — Пошлите внутрь.

Еллоу бросает на меня самодовольный взгляд и смахивает с плеча волосы. А потом они

с Вайолет направляются к главному входу. Я позволяю им это сделать. Идиотки. Они даже не собираются проверить служебный вход? Как только они заходят в музей, я поворачиваю налево на Пэлас-роуд. И вот она. Зеленая дверь в бетонной пристройке. Мимо проходят парень и девушка всего на несколько лет старше меня. Они обсуждают какую-то вечеринку на прошлой неделе и даже не имеют понятия о том, что много лет назад через эту дверь вынесли полмиллиарда долларов.

Но сегодня мы все изменим.

Я возвращаюсь к главному входу и оплачиваю билет. Не имею понятия, где носит Еллоу и Вайолет, да мне на это и наплевать. Пошли они. Я смогу сделать все сама.

Я никогда раньше не была в музее Гарднер. От красоты внутреннего двора у меня перехватывает дыхание. Он похож на тропический сад. Но я здесь не для того, чтобы любоваться, а для того, чтобы предотвратить кражу.

Поднимаюсь по главной лестнице и оказываюсь в длинном коридоре с высокими арочными окнами, выходящими во внутренний двор. Проверяю карту, которую дали мне внизу. Этот этаж спроектирован в виде большого прямоугольника, посередине которого находится двор. Слева от меня в углу располагается Ранняя итальянская комната. Если пройти через нее, то упираешься в Комнату Рафаэля и Короткую галерею. Именно отсюда были похищены наброски Дега. Справа от меня находится Голландская комната. Самая дорогая комната. Три Рембрандта, Флинк, китайский кубок и Вермеер. Начну отсюда.

Представляю себя одним из воришек. Без сомнения, они много раз приходили сюда до ограбления. На стенах, где когда-то были полотна, висят пустые рамы — как напоминание о том, что было украдено. Прохожу мимо них и пытаюсь думать как преступник. Сначала я бы пошла к Вермееру. Забрать самую ценную вещь на случай, если придется отказаться от остального и сматываться. Закончив осмотр, возвращаюсь в коридор и направляюсь через Раннюю итальянскую комнату и Комнату Рафаэля в Короткую галерею.

Тут все просто. Один человек выносит картины из Голландской комнаты, в то время как остальные снимают наброски Дега в Короткой галерее. По пути на выход они прихватывают на первом этаже Мане.

А теперь главное... как это предотвратить? Самый простой способ — не дать охраннику даже открыть дверь в музей. Можно схватить переодетых преступников на улице, и тогда вообще не нужно будет входить в здание.

Тоненький голосок внутри меня говорил, что тогда этот план не сработает. Грабители просто придут в другой день. Нет, единственное верное решение — покончить со всем именно в музее. Остановить кражу в процессе. Неожиданно я замечаю, как сильно бьется мое сердце: то ли от волнения, то ли от возбуждения. Наверное, от того и другого вместе.

Еллоу и Вайолет обнаруживаются во внутреннем дворике.

— Вот ты где, — рывкает на меня Вайолет. — Мы ждем тебя уже двадцать минут.

Я смотрю на время. Половина двенадцатого.

— Нам нужно вернуться лишь к пяти.

Они с полнейшим безразличием смотрят на меня.

Я качаю головой.

— Я подумала, что нам нужно продумать план действий. Думаю, стоит поставить одну из нас в Голландской комнате и одну в Короткой галерее, ну и еще одну в Голубой комнате, где находится Мане. Таким образом, если...

Еллоу поднимает руку, прерывая меня.

— Ты зачем это говоришь? Мы уже все продумали. Подождем на улице и позвоним в полицию, чтобы сообщить о подозрительных личностях, отирающихся вокруг музея. Так нам даже не придется заходить в него. Мы спасем предметы искусства и избавим охранников от психологической травмы, когда они думали, что им в подвале прострелят головы.

— Да, но что произойдет, если они вернутся в другой день? — спрашиваю я. — Вы собираетесь положиться на волю случая? Нет, нам нужно найти способ пробраться в музей, чтобы мы были внутри, когда начнется ограбление. Затем мы задержим преступников, свяжем их и перенесем в настоящее до того, как нас увидят копы. Мы станем безымянными, безликими героями.

— Нет, — говорит Еллоу. — Наша миссия — предотвратить ограбление. Мы сделаем все самым быстрым и простым способом.

— Это не сработает!

— Вайолет, ты готова? — спрашивает Еллоу. Вайолет кивает. Они разворачиваются и направляются на выход.

— Послушайте! — кричу я им вслед, но они уже ушли.

Я сжимаю ладони в кулаки. Мне хочется что-нибудь ударить. Или *кое-кого*. Я не собираюсь позволить ей провалить миссию. Я все сделаю сама. Снова поднимаюсь по лестнице, чтобы изучить каждый квадратный сантиметр этого музея. Я буду в этом здании 18 марта 1990 года в 1:24 ночи.

Глава 13

Я роюсь в одежде, которая висит в моем шкафу. 1990 год. Что носили в 1990? На ум приходят старые ситкомы, которые любила смотреть мама, когда еще была нормальной — до того, как начала быстро скатываться в депрессию. Достāju черные джинсы, надеваю их и подкатываю штанины, а потом беру простой черный свитер и засовываю ноги в черные кроссовки. Надеюсь, сойдет. Перед тем как уйти, делаю обычный хвостик и хватаю сумку. Не могу обойтись без ее содержимого.

Еллоу и Вайолет уже стоят с Зета в зале. На Зета все еще надеты армейские штаны и свитер. Полагаю, он к нам не присоединится. Не буду лгать — мне хотелось бы, чтобы было наоборот. Без него эта командная миссия превращается в испытание с извержением вулкана, когда потоки лавы погребают под собой ничего не подозревающих жителей Помпей. У Стражи времени определенно извращенный способ вести дела.

На лице Зета серьезное выражение, — я начинаю задаваться вопросом, бывает ли оно другим — а седины на висках, кажется, стало в несколько раз больше с момента нашей утренней беседы. Он так крепко сжимает руки, что выпирают вены. По крайней мере, кто-то еще признает важность этой миссии.

Говоря о моих всезнающих напарницах, Еллоу надела черные джинсы-скинни с высокой талией и кожаный мотоциклетный жилет. Ее волосы собраны в хвост, а челка начесана, уложена «гребешком» и залита лаком, напоминая страусиный хвост. Весь ее вид совершенно не сочетается с современной модой, но Еллоу хорошо смотрится в своем наряде. Тяжело признавать, но это правда. На Вайолет черные леггинсы с черной мини-юбкой и черный свитер на одно плечо. Она не стала надевать фиолетовый парик, а ее собственные волосы очень коротко подстрижены, как у эльфа. Рядом с ними я выгляжу как бездомная кузина. Когда я вхожу, они обе пристально смотрят на меня. Но мне наплевать. Сегодня вечером я собираюсь остановить кражу. А они могут делать все, что пожелают.

— Одна попытка, — говорит Зета. — Это все, что у вас есть.

— Я все еще не понимаю, почему у нас всего одна попытка, — произношу я.

Зета поворачивается и спокойно смотрит на меня. Полная противоположность того Зета, которому я задала тот же вопрос во время бостонской бойни.

— Дело не в нас, а в пространственно-временном тоннеле. Если открыть его в определенном времени, то ты не сможешь пройти через него повторно.

— А что насчет других?

Зета слегка склоняет голову набок.

— Это возможно, но тогда из-за заваленной *тобой* миссии, те, кто придут все исправлять, будут подвергнуты большему риску. Как говорится, у семи нянек дитя без глаза. Понятно?

Не совсем.

— К тому же, это дает тебе ложное чувство уверенности, — говорит Зета. — Никаких переделок. Вот наш девиз. Теперь ты готова?

Мы все устанавливаем часы на восемнадцатое марта, полночь. Так у нас будет почти полтора часа, чтобы добраться до музея до того, как в дверь постучат переодетые в полицейскую форму грабители. После того, как Вайолет и Еллоу ушли, я провела четыре часа, пытаюсь придумать способ пробраться в музей заранее, но у меня ничего не получилось. Слишком много камер и сигнализации. Судя по всему, придется идти вслед за грабителями. Это единственный вариант.

Еллоу первой заходит в гравитационную капсулу. Зета закрывает за ней дверь, ждет несколько секунд и открывает ее для Вайолет. Потом приходит мой черед, но Зета вытягивает руку, вынуждая меня остановиться.

— Ты сможешь это сделать, — говорит он.

— Я знаю, — отвечаю я, глядя прямо на дверь и нетерпеливо покачиваясь на каблуках. — Я верю в тебя, Ирис. — Голос Зета звучит совершенно не так, как обычно. Мягче. В нем нет напряженности. Он правда хочет, чтобы у меня все получилось. Как будто знает, что я единственная, кто сможет это сделать. Я поворачиваюсь и смотрю на него.

— Я не подведу. — Зета кивает и открывает дверь. Я бросаюсь вперед, думая лишь о том, чтобы это оказалось правдой.

Приземляюсь в чулане. В нем так темно, что я не могу разглядеть даже своей руки, но, судя по всему, кроме меня здесь больше никого нет.

— Еллоу? — шепчу я. — Вайолет?

Ничего. Я пытаюсь что-нибудь нашарить, спотыкаюсь обо что-то длинное и деревянное и, наконец, нащупываю дверную ручку. Когда я выхожу в переулок, Еллоу и Вайолет уже поворачивают на Бикон-стрит.

— Эй! — кричу я. — Что за ерунда?

— Догоняй, — бросает через плечо Еллоу. Ни одна из них даже не замедляет шаг.

Мне хочется хлопнуть дверью, но я боюсь привлечь внимание, поэтому закрываю ее как можно мягче, а потом ударяю по воздуху.

На Бикон-стрит, несмотря на холод и небольшой дождь, полным ходом идет празднование Дня святого Патрика. Мимо меня проходит компания пьяных студенток, одетых в зеленые свободные футболки, заправленные в светлые джинсы с высокой талией. У одной из девушек на голове блестящий ободок с трилистниками, которые качаются каждый раз, когда она делает шаг.

— Поторопись! — доносится до меня голос Еллоу. Я смотрю мимо девушек на такси.

Вайолет уже сидит на заднем сиденье, а Еллоу держит дверь. — Метро больше не работает. Поехали.

— Вообще-то, оно работает; просто сейчас слишком поздно, — бурчу я себе под нос и бегу к такси. Еллоу втискивается посередине, а я устраиваюсь рядом с ней.

— Куда? — спрашивает таксист, обнуляя счетчик.

— В му... — говорит она, положив руку на переднее сиденье.

— В Симмонский колледж! — прерываю я ее. — Мы возвращаемся в общежитие. — С этими словами я бросаю на Еллоу взгляд, который дает понять, что я считаю ее полной дурой. Зачем кому-то ехать в музей в полночь, когда он закрыт? А колледж практически рядом.

Таксист высаживает нас перед общежитием, и мы ждем, пока он завернет за угол, прежде чем направиться в сторону музея. На улице тусуется компания студентов, которые либо возвращаются домой после попойки в честь праздника, либо все еще не закончили ее.

— А теперь что? — спрашивает Вайолет.

Еллоу останавливается перед музеем.

— А теперь нам нужно высматривать двух мужчин, переодетых в полицейских. — Она стоит прямо перед дверью в музей. Я вздыхаю.

— В какой школе ты училась? До того, как стала Стражем временем? Или ты и правда не имеешь никакого понятия о том, как кого-то выслеживать?

Еллоу морщит нос.

— Я ходила в Андовер. Может быть, ты слышала о ней. Это...

— Не та школа, где тебя учат тому, что нужно знать, когда работаешь в полевых условиях. Иначе бы ты знала, что не стоит стоять перед зданием как большая вывеска «Эй, грабители, посмотрите на меня!». К тому же, они зайдут через служебный вход, а не через главную дверь. — Я показываю в сторону Пэлас-роуд.

— Это моя четвертая командная миссия, — огрызается она. — Я занимаюсь этим уже почти полтора года.

— Поздравляю. Ты провалила первые три так же, как собираешься провалить и эту? А теперь, если не возражаешь, мне нужно остановить ограбление. — Я ухожу и сворачиваю на улицу, которая идет параллельно заднему двору музея.

— Куда это она? — спрашивает Вайолет.

— Тихо! — шипит Еллоу. Вслед за этим раздается звук шагов позади меня. Я прохожу до конца квартала и поворачиваю направо на Тетлоу-стрит, чтобы вернуться на Пэлас-роуд. На углу стоит выцветшее кирпичное здание. Я устраиваюсь на осыпающемся бетонном крыльце, под двумя очень большими черными крылатыми грифонами, которые совершенно не к месту сидят на постаментах по обе стороны от двери, и жду Еллоу и Вайолет.

— А теперь что? — спрашивает Вайолет, с содроганием посмотрев на грифонов.

— Ждем, — отвечаю я, тоже переведя на них взгляд. Они и правда жуткие и совершенно не успокаивают мои нервы.

Мы ждем. Долгое время ничего не происходит. До нас доносятся крики людей, sireны скорой помощи, мчащейся в сторону «Бет Изрейел» с теми, кто слишком хорошо повеселился в центре. Но мы ничего не видим.

А потом, около часа ночи, замечаем небольшой хэтчбек, который ползет по Пэлас-роуд с выключенными фарами. Я падаю на землю и прижимаюсь к стеклянной входной двери. У Еллоу и Вайолет хватает ума сделать то же самое. Я приподнимаю голову и вижу, как

машина проезжает мимо нас. Каждый волосок на моей руке встает дыбом. В ней сидят два полицейских. У одного светло-каштановые волосы и очки в тонкой золотой оправе. У другого темные волосы и усы. Они останавливаются в нескольких ярдах от служебного входа.

— Они здесь, — шепчу я.

Позади меня встает Еллоу.

— Отлично, теперь нам нужно вызвать настоящих копов, и можно возвращаться домой.

— Нет, — поднимаясь, говорю я. — Если мы позвоним копам, то все испортим. Они просто вернутся позже, когда мы не сможем остановить их.

— Это безопаснее всего для охранников, которые внутри, — отвечает Вайолет.

— А вы можете быть уверены, что в следующий раз они не решат прострелить им головы? Мы должны остановить все это в здании, в музее. Сегодня. Это единственный вариант. Дождемся, когда они войдут, и последуем за ними.

— Нет, — прищурившись, возражает Еллоу. — Я найду телефон и вызову полицию.

Она делает шаг вперед, но я хватаю ее за руку.

— Ты собираешься найти телефон? Твой план был вызвать копов, и ты даже не озаботилась тем, чтобы узнать, где ближайший телефон? Ты гораздо более некомпетентна, чем я думала.

Еллоу вырывает руку.

— По крайней мере, я достаточно умна, чтобы понять, что мобильник не будет работать в прошлом. И мы еще посмотрим, кто у нас компетентен, а кто нет, когда я предотвращу ограбление.

— Еллоу, не вызывай копов, — произношу я сквозь сжатые зубы. — Ты все испортишь.

Еллоу разворачивается, и не успеваю я сообразить, как она набрасывается на меня и сильно пинает в правую голень. Я сдерживаю крик и хватаюсь за металлические перила, а она в это время спускается вниз, перепрыгивая через ступеньки, и вместе с Вайолет несется в сторону Симмонского колледжа.

Отлично. Пусть уходят. Я смотрю на время. Три минуты второго. Значит, у них есть двадцать одна минута, чтобы найти телефон, позвонить властям и чтобы приехала полиция. Думаю, «подозрительная машина» не станет их первоочередной задачей в ночь на День святого Патрика. Может быть, Еллоу и Вайолет даже не удастся найти телефон. Я буду ждать здесь.

Они возвращаются через пять минут.

Еллоу самодовольно улыбается.

— Сделано. Мы позвонили и сообщили, что двое мужчин в полицейской форме сидят в хэтчбеке возле музея. Диспетчер сказала, что они пошлют кого-нибудь проверить. Считаю, миссия выполнена.

Я могла бы ударить ее. Но вместо этого молюсь, чтобы копы приехали после двадцати четырех минут первого. Однако, в час девятнадцать на Пэлэс-роуд заворачивает полицейская машина и направляется напрямиком к хэтчбеку. Я падаю на землю и снова прижимаюсь к зданию. Это не есть хорошо. Совсем не хорошо.

Когда машина проезжает мимо нас, я, согнувшись, на цыпочках спускаюсь по лестнице и выглядываю за угол. Она останавливается возле хэтчбека. Но, судя по всему, в нем никого нет. Куда делись грабители? Из машины вылезает полицейский и направляется к хэтчбеку. Он светит фонарем в стекло и делает несколько кругов вокруг машины, а потом выключает

его и уезжает.

Я, сидя на корточках, поворачиваюсь и смотрю на Еллоу. У нее отвисла челюсть, и она неверяще смотрит вперед.

— Отличный план, — говорю я.

— Куда они делись? — шепчет Еллоу, все еще не в силах поверить, что ее план не сработал.

— Нам нужно войти внутрь. Это единственный способ. Как я тебе и говорила. Может, теперь ты послушаешь меня.

Вайолет охает и показывает в сторону Пэлас-роуд. Мы с Еллоу поворачиваем головы в направлении, куда указывает ее палец. Два грабителя, все еще переодетые полицейскими, идут к своей машине. Один из них открывает хэтчбэк, что-то достает с заднего сиденья, а потом тихо закрывает дверь. Они поворачиваются друг к другу, кивают и идут к служебному входу. Звонят в дверь и несколько секунд спустя исчезают внутри.

— Пора, — говорю я и на цыпочках иду за угол. Посомневавшись, Еллоу все же следует за мной. Вайолет даже не двигается с места.

— Я не хочу идти внутрь, — шепчет она. — Я боюсь. У нас нет плана.

Я недовольно ворчу и поворачиваюсь к Еллоу. На ее лице страх, и она согласно кивает головой.

— Почему бы снова не вызвать копов и не сказать, что мы видели, как кто-то вломился в музей?

— Да, план с копами уже отлично показал себя. Послушай, *президент* поручил нам миссию остановить это. Нас. Не копов. Если боишься, то можешь оставаться здесь, а я собираюсь выполнить задание. — Повернувшись, смотрю на Вайолет. — И так, для справки, у меня есть план. У меня всегда есть план.

Еллоу медленно кивает.

— Нет, ты права. Мы идем. Мы все идем.

Я засовываю руку в карман на сумке и достаю из него картонную карточку.

— Что это? — спрашивает Еллоу.

— Моя шпаргалка. Я набросала ее сегодня в обед в библиотеке. Там есть тонна информации об ограблении помимо той, что нам рассказал Зета. Я смогла восстановить ход событий в музее. Итак, в двадцать четыре минуты второго грабители входят в здание. Это уже произошло. Они потратили двадцать четыре минуты на то, чтобы связать охранников и затащить их в подвал. В сорок восемь минут второго они поднялись наверх. Наш единственный шанс попасть в здание — когда они будут в подвале.

— А во сколько они туда спустятся? — дрожащим голосом спрашивает Вайолет.

— Не знаю. Наверное, ближе к часу сорока восьми, но я не знаю точно.

Вайолет широко открывает глаза и прикусывает нижнюю губу.

— Час сорок, — говорит Еллоу. — Думаю, это самое подходящее время. Им хватит шестнадцати минут на то, чтобы провернуть всю операцию с охранниками.

Я киваю головой, соглашаясь с ней.

— Как только мы попадем внутрь, одна из нас должна остаться следить за Синей комнатой. Вайолет, это будет твоим заданием. Мы с Еллоу поднимемся наверх. Я пойду в Голландскую комнату, а ты, Еллоу, спрячешься в комнате Рафаэля. Она находится прямо перед Короткой галереей, и там больше мест, где можно укрыться. Короткая галерея слишком маленькая. В какой-то момент грабители разделятся. Поодиночке у нас будет

больше шансов. Вы справитесь? — глядя прямо на Еллоу, спрашиваю я.

— Послушай, знаю, ты думаешь, что я избалованная маленькая сучка с большим IQ, которая боится сломать ноготь, но я с шести лет занимаюсь тхэквондо и смогу скрутить одного из них.

Тхэквондо? Это удивило меня. Но и принесло странное облегчение.

— Хорошо. Надеюсь, вдвоем мы сможем с ними справиться. — Я засовываю руку в сумку и достаю связку пластиковых наручников, амортизирующий трос, несколько тряпок, маленькую бутылку и три пары черных перчаток. Вручаю некоторые из припасов Еллоу, которая вопросительно смотрит на меня. — Я подготовилась, — отмахиваюсь от нее я. — Как только ты уложишь грабителя, выруби его с помощью хлороформа и свяжи. Я позабочусь о втором. Потом мы заберем записи камер видеонаблюдения и свалим.

— А что насчет меня? — спрашивает Вайолет. Она пытается не показывать страха, но ее выдает дрожащий голос.

— Ты можешь драться? — интересуюсь я.

— Естественно, — говорит Еллоу. — Мы все можем. Вайолет, возьми себя в руки и прекрати вести себя как ребенок.

Я даю Вайолет наручники и амортизирующий трос.

— Возьми на всякий случай. Мы не знаем, во сколько грабители входят в Голубую комнату. Надеюсь, что напоследок. Самые ценные вещи находятся наверху. Если они все же сначала зайдут в нее, то просто прячься, а мы с Еллоу позаботимся о них на втором этаже. Но... — сглотнув ком в горле говорю я, — если по какой-то причине у нас ничего не получится, то справляться со всем придется тебе. Ты сможешь это сделать?

Вайолет прикусывает губу и смотрит прямо перед собой. Еллоу толкает ее плечом, и Вайолет приходит в себя.

— Да, — говорит она. — Я смогу это сделать.

— Хорошо. — Я проверяю время. Тридцать пять минут второго. — Надевайте перчатки. Начинаем.

Глава 14

Мы втроем крадемся к служебному входу, оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что полицейские не вернулись. Я имею в виду настоящих полицейских. Останавливаемся перед дверью и смотрим на камеру.

— Надеюсь, ни один из них сейчас не наблюдает за нами, — говорит Вайолет.

— Я тоже на это надеюсь, — отвечаю я, доставая последний предмет из сумки. — Если они сейчас не в подвале, то определенно услышат это.

Я поднимаю лом и снова изучаю полую зеленую металлическую дверь. Делаю глубокий вдох. Это будет не так просто. Может, я и сильная, но не шестифутовый полузащитник весом в триста пятьдесят фунтов, чтобы с легкостью открыть полую металлическую дверь.

— Думаю, тут понадобятся наши совместные усилия, — произношу я. — Я буду работать ломом, а вы пинайте ее изо всех сил. Понятно? Нам нужно сделать это по возможности быстро.

Еллоу кивает.

— Хорошо, я пну, — говорит она и, подняв колено, делает пробный удар.

Я одобительно киваю ей в ответ. Это было неплохо. Возможно, все пройдет удачно. Я вставляю лом в замок и делаю глубокий вдох.

— На счет три. Один...два...три!

Я изо всех сил налегаю на лом; Еллоу в это же время пинает по самой уязвимой части двери, расположенной чуть ниже ручки. Она быстро отходит, и Вайолет делает еще один удар по тому же самому месту. Это срабатывает. Край двери отходит, и она открывается. Еллоу восхищенно взвизгивает и подпрыгивает на месте.

— Шшш! Нам нужно быть осторожными, — говорю я, оборачиваясь к Еллоу и Вайолет. — Послушайте, я знаю, что вы не любите меня, и, сказать по правде, это чувство взаимно; но мы обязаны на время забыть об этом и действовать как одна команда. Иначе мы можем погибнуть. — Как только я произношу эти слова, вся правда становится очевидной. Все это по-настоящему. Не тренировка. И мы можем умереть. Запросто. Меня наполняет страх. Неожиданно я больше не хочу входить. Я хочу вызвать копов и умыть руки.

Еллоу вытягивает перед собой руку.

— Команда. — Я смотрю на нее и кладу свою руку поверх ее, а потом то же самое делает и Вайолет. Это немного успокаивает меня. Мы справимся — мы должны.

— Следите за сигнализацией, — говорю я. — Она везде. Заденете одну, и грабители сразу же узнают, что они не одни. И тогда они станут искать нас. Поэтому, пожалуйста, скажите мне, что знаете, как обходить лазерные ловушки.

Еллоу кивает, но Вайолет качает головой.

— Разберусь, — говорит она.

Придется.

Еллоу заходит первой, я за ней, а Вайолет последней. Я поднимаю руку, призывая их на секунду остановиться, а потом забегаю в комнату охранников и сверяю часы с охранной системой, чтобы знать, что моя шпаргалка верна. На часах ровно 1:40. У нас есть восемь минут, пока грабители не поднялись по главной лестнице на второй этаж. Я прячу свою сумку возле входа, и мы на цыпочках пробираемся через лабиринты коридоров, которые ведут к главной лестнице. Мы проходим во внутренний дворик, темный и жутковатый, и мне это совсем не нравится.

А потом я останавливаюсь, потому что ничего не вижу. По крайней мере не вижу того, что искала. Пол и стены не пересекают зеленые лазерные лучи, которые должны показывать нам, где находится сигнализация.

— Ты же сказала, что здесь должны быть лазеры, — шепчет мне Еллоу.

Отмахиваюсь от нее. Я так думала. Мои глаза сканируют внутренний дворик и лестницу, и неожиданно я кое-что замечаю. Маленький белый куб, висящий в углу. Электрический глаз. Черт возьми. Мне следовало предвидеть, что в 1990 году в музее будет стоять куда более примитивная охранная система. *Черт возьми.* Я не могу продолжать делать такие глупые ошибки.

— Электрический глаз, — говорю я, показывая на куб. — Вайолет, — шепчу я практически одними губами, но Еллоу и Вайолет слышат меня и поворачивают головы. — Нам просто придется быть осторожнее и высматривать их.

Я перевожу взгляд на Вайолет и киваю в сторону Синей комнаты. Она кивает в ответ. В углу рядом с комнатой Макнайт установлен еще один электрический глаз. Я задерживаю дыхание, когда Вайолет прижимается к стене. Не знаю, подсоединен ли глаз к какой-нибудь звуковой сигнализации, и, честно сказать, не хочу этого узнавать.

Вайолет заходит за угол, но в музее все так же тихо. Тем не менее, я даже не дышу. Пока еще не время. Это как игра в лимбо⁴. Лимбо не на жизнь, а на смерть.

Смотрю на часы. 1:42. Осталось шесть минут.

На лестнице нет никаких глаз, но когда мы поднимаемся до самого верха, то обнаруживаем сразу три. Еллоу показывает на них, и я вижу, как она просчитывает способы обойти глаза. Я думаю о том же. С современной высокотехнологичной охранной системой было бы гораздо проще справиться. По крайней мере, я бы видела, чего избегать. Электрический глаз посылает невидимый инфракрасный луч, который обнаруживает присутствие человека, когда этот луч преломляется. Но я не вижу никакого дьявольского луча!

Думай!

И вдруг мне приходит в голову мысль. Глаза установлены так, чтобы обнаруживать присутствие человека, который идет по музею.

Я поворачиваюсь к Еллоу и показываю на пол.

— Ползи.

Не знаю, сработает ли эта затея, но попытаться стоит. Еллоу смотрит на пол и кивает. Пора разделяться. Голландская комната находится справа, а Короткая галерея слева и за углом. Мы с Еллоу встречаемся взглядами. Она напугана, так же, как и я. Я даже не собираюсь этого скрывать. Мы обе опускаемся на пол и ползем на животе в противоположные друг от друга стороны. Я ползу, прижавшись к полу, как учат в армии, — как нас учили в Пиле — пока мои плечи не начинают кричать от боли, но я знаю, что это максимум на минуту-две, поэтому игнорирую боль. Главное, что в коридоре все так же тихо. Добираюсь до Голландской комнаты, останавливаюсь и проверяю часы.

1:47.

У меня внутри все сжимается. Осталась всего минута до того, как грабители поднимутся наверх.

Я осматриваю комнату на предмет наличия электрического глаза. Если держаться вдоль стен, то я буду в безопасности. Поэтому я вскакиваю и упираюсь взглядом в «Концерт». Картина не висит на стене. Она прикреплена к небольшому стенду и стоит на столе рядом с окном. Перед ним находится стул, как будто ты должен смотреть на картину сидя. В живую она настолько красивая, что меня чуть не охватывает дрожь.

Я зря теряю время! Я здесь для того, чтобы спасти эту чертову картину, а не пялиться на нее. Прижимаюсь к стене и осторожно перемещаюсь в заднюю часть комнаты.

Часы показывают 1:48.

Я слишком на виду. Мне не за что спрятаться. У меня черные волосы и черная одежда, но охранное освещение достаточно яркое, чтобы меня можно было разглядеть. Я должна убираться отсюда. Немедленно. В музее тихо. Слишком тихо. Вообще никаких звуков.

За исключением.

Шагов.

Тихих. Едва слышных.

Шагов на лестнице.

Мне нужно уходить! Выбегаю в другую дверь, которая ведет в коридор с лифтом. Наверное, можно было бы остановиться и здесь, но я направляюсь в Гобеленовую комнату. В углу находится глаз, но я не знаю, успел ли он обнаружить меня, поэтому падаю на пол и заползаю в Гобеленовую комнату как раз тогда, когда в Голландской комнате раздаются шаги. Они здесь.

Прячусь в юго-восточном углу темной, похожей на пещеру комнаты за столом, который, как информирует меня табличка, был сделан в середине восемнадцатого века, и снова достаю свою шаргалку. У меня так трясутся руки, что я едва различаю буквы. Меньше чем в

двадцати шагах от меня находятся двое мужчин. Очень плохие мужчины, которые делают очень плохие вещи. Неожиданно в соседней комнате раздается треск, и я подпрыгиваю от страха, но потом делаю глубокий вдох и говорю себе, что это грабители снимают со стены картину. Смотрю на клочок бумаги в своих руках.

1:51. Один из грабителей уходит, срабатывает сигнализация на лестнице. Он проходит через Раннюю итальянскую комнату и Комнату Рафаэля прямо в Короткую галерею.

Где находится Еллоу.

1:53. Этот же вор возвращается в Голландскую комнату, срабатывает сигнализация.

1:56. Один или оба грабителя заходят в Гобеленовую комнату, срабатывает сигнализация.

Мою Гобеленовую комнату.

Я так тяжело дышу, что, клянусь, они должны меня услышать.

«1:56», — говорю я себе. Я в порядке до 1:56. А в 1:51 я точно буду знать, звуковая сигнализация в музее или нет.

Опускаю взгляд, чтобы проверить время, но этого даже не потребовалось. В противоположной стороне этажа начинается реветь сигнализация. Я подпрыгиваю и роняю свою шпаргалку, а потом сворачиваюсь на полу в клубок. Дышу отрывисто и часто, а руки мелко дрожат, когда я поднимаю карточку. Грабитель сейчас на лестнице. Боже, он направляется к Еллоу.

Несколько секунд спустя срабатывает еще одна сигнализация. Это даже и близко не самый громкий рев, который я когда-либо слышала, но у меня все равно закладывает уши, и я подпрыгиваю еще выше. Он в комнате Рафаэля. *Пожалуйста, Еллоу. Пожалуйста, обезвредь его сейчас, пока орет сигнализация, чтобы никто не услышал шума драки.*

Сигнализация в коридоре замолкает, но в Комнате Рафаэля все еще ревет. Она отключится через несколько секунд, и после этого наступит полная тишина. Я замираю, пытаюсь даже не дышать, и прислушиваюсь. К любому звуку, который даст мне понять, что мы победили. Но стоит полная тишина.

Полагаю, Еллоу либо отрубила его, либо спряталась. Если бы он нашел ее, то раздавались бы крики. Я смотрю на часы. 1:52. Возвращаюсь к своей шпаргалке. Еще через минуту я точно буду знать, справилась ли с ним Еллоу. Если в Голландской комнате срабатывает сигнализация, значит, он все еще свободен. Если нет, то нам останется обезвредить только одного.

Я наблюдаю за движением секундной стрелки. Сейчас на часах 1:53. Начну дышать, когда станет 1:54. Проходит десять секунд. Боже, пожалуйста. Пусть Еллоу отрубила своего грабителя с помощью хлороформа. Еще десять секунд. Если у нее ничего не получилось, то я не знаю, что буду делать. Двадцать секунд. Я не смогу справиться с двумя одновременно. Тридцать секунд. А Еллоу не сможет добраться сюда достаточно быстро.

1:54.

В музее тихо. Она сделала это! Еллоу сделала это! Теперь мой черед.

Я опускаюсь на пол и выползаю из-за стола, чтобы иметь возможность атаковать. Второй вор должен войти в 1:56, и тогда я запрыгну на него и придушу так, чтобы он потерял сознание, а потом уйду. Надеюсь.

Неожиданно срабатывает сигнализация в противоположном конце этажа.

Я ударяю ладонями по стене, которая находится позади меня. *Что, черт возьми,*

происходит?

На часах 1:55. Я снова опускаю взгляд на шпаргалку. В 1:55 не срабатывает ни одна сигнализация. Это что-то новое. Кто это? Еллоу? Другой вор?

В коридоре, где находится лифт, раздаются шаги. Что мне делать? Вырубать этого парня? Но что если второй грабитель свободен? Что если это из-за него сработала сигнализация, и теперь он направляется сюда. Что если Еллоу мертва? Что если я окажусь следующей?

У меня нет времени на раздумья. Как только в Гобеленовую комнату входит грабитель, срабатывает сигнализация. Этот парень крупнее, чем тот с темными волосами и усами. Он осматривается, а потом поворачивается, чтобы выйти.

И в этот момент видит меня. Дальше все происходит на автопилоте.

Он отпрыгивает. Я бросаюсь на него и бью локтем прямо в челюсть, а потом отступаю назад, чтобы ударить ногой, но в эту секунду он оказывается на мне и смотрит на меня жестоким, убийственным взглядом. Он хватается за руку и выворачивает ее, но мне удается развернуться. У этого парня нет особых навыков в драке, зато он гораздо больше меня.

А еще у него есть пистолет.

Я бросаюсь на него, хватаюсь за пистолет и выворачиваю ему руку. Чувствую, как ломаются его пальцы, и пистолет оказывается в моей руке. Поднимаю его и бью рукояткой по виску, а потом отбрасываю оружие и запрыгиваю грабителю на спину. Обхватываю локтем его горло, кладу сверху вторую руку и резко дергаю. Грабитель начинает задыхаться и пробует скинуть меня, но я обнимаю его ногами за талию и сильнее сдавливаю горло.

Парень ударяется спиной о стену, пытаюсь освободиться от моего захвата, но я вижу, что он слабеет. Его качает из стороны в сторону. Он практически отключился. Я сжимаю руки на его горле, и он падает на пол как раз в тот момент, когда прекращает работать сигнализация.

Еще несколько секунд продолжаю душить его, а потом скатываюсь и проверяю пульс. Он в отключке, но все еще дышит. Мне не пришлось даже применять хлороформ. Засовываю руку в карман и надеваю на него пластиковые наручники, а потом связываю вместе руки и ноги. У меня так трясутся руки, что удается сделать это лишь с третьей попытки. Но у меня получилось.

Я встаю, чувствуя, что кружится голова. В комнате кроме нас больше никого нет. Мне нужно выяснить, из-за кого сработала сигнализация. Опускаюсь на пол, снова ползу в коридор и заглядываю в Голландскую команду. Никого. Прижимаюсь спиной к стене и осматриваюсь.

Все украденные полотна висят в рамах, за исключением Вермеера, который лежит на полу возле стола. Как я и думала. Самое ценное — в первую очередь. Я наклоняюсь, чтобы взглянуть на картину, когда чья-то рука хватается меня за плечо.

Резко выпрямляюсь, хватаюсь за руку и бросаю незнакомца на пол.

— Это я, — стонет Еллоу, ее рот зажат между моей рукой и полом.

— Боже, — говорю я. — Прости! — и убираю руку.

— Я вырубил первого парня. Он в комнате Рафаэля. — Она встает на ноги, как будто ничего не произошло. — Ты справилась со вторым?

— Да, он в Гобеленовой комнате.

Еллоу вскрикивает, хватается за руку, а потом начинает радостно прыгать.

— Мы сделали это!

— Нужно забирать Вайолет и валить отсюда!

Еллоу кивает и опускается на пол, но я поднимаю ее.

— Теперь уже все равно. Просто пошли.

Мы мчимся по коридору, и мгновенно срабатывает сигнализация. Но мы не останавливаемся и сбегает по ступенькам на первый этаж.

— Вайолет! — кричит Еллоу. — Пошли! — Она попадает в поле зрения глаза, который установлен прямо перед главной лестницей, и снова срабатывает сигнализация. — Вайолет!

— Она не слышит нас из-за рева, — кричу я.

Еллоу бежит по Западной галерее и за углом поворачивает в Северную. Я следую за ней. Срабатывает очередная сигнализация, но мы даже не замедляемся. Еллоу заскакивает в Синюю комнату, приводя в действие еще одну.

Синяя комната пуста.

— Где Вайолет? — вопит Еллоу. Я пожимаю плечами.

Это плохо. Это очень плохо. Нам нужно убираться отсюда. Сигнализацию, наверное, слышно на улице.

Мы выбегаем из Синей комнаты и поворачиваем в Восточную галерею. В ней никого нет, и срабатывает очередная сигнализация. Где она?

— Нам нужно уходить! — кричу я.

— Мы не можем оставить ее! — кричит в ответ Еллоу. Она забегает в Испанскую галерею, и снова срабатывает сигнализация.

— Еллоу, нам нужно уходить! — Мое сердце стучит как сумасшедшее. По лицу течет пот, от которого режет глаза. — Нас поймают!

— Ты права! Пошли! Надеюсь, она просто испугалась и сбежала, — раздраженно восклицает Еллоу.

Мы несемся по Северное галерее, затем по Восточной, пробегаем мимо главной лестницы, и сигнализация, которая недавно замолчала, снова начинает реветь. Мы близко. Нужно только преодолеть лабиринт из дверей, который ведет к служебному входу.

В этот момент перед нами появляется Вайолет.

Мы с Еллоу резко останавливаемся.

— Где, черт возьми, ты была? — вопит Еллоу, перекрикивая сигнализацию.

Вайолет поднимает руку и показывает нам видеокассету.

— Вот, решила прихватить. Пошлите.

Мы втроем выбегаем из здания на Пэлэс-роуд. Я хватаю свою сумку как раз перед тем, как захлопывается дверь. Мы, несемся, не останавливаясь, пока не оказываемся в квартале от музея рядом с телефонной будкой. Еллоу достает из кармана четвертак и набирает 9-1-1.

— Да, — говорит она в трубку. — Мне кажется, что в музее Изабеллы Стюарт Гарднер происходит что-то нехорошее. Я слышала рев сигнализации, и, похоже, кто-то взломал служебный вход.

После этого она кладет трубку, и мы опять бежим, а потом ныряем в заросли, чтобы нас не было видно за деревьями. Три человека, которые одеты во все черное и несутся по дороге в два часа утра, определенно привлекают чье-то внимание. Выбегаем на Бойлстон-стрит, поворачиваем направо и, когда добираемся до музыкального колледжа Беркли, переходим на шаг. Студенты все еще продолжают веселиться, и большинство из них ничем не отличается от нас. Здесь мы уже в безопасности.

Пока мы пытаемся поймать такси, мое сердце бьется как сумасшедшее.

— Боже мой, — шепчет Вайолет.

— Боже мой, — соглашаюсь я.

— Это была самая командная миссия из всех командных миссий, — говорит Еллоу.

— Из-за кого сработала сигнализация в 1:55? — интересуюсь я.

— Из-за меня, — отвечает Еллоу. — Это вышло случайно. Я пятилась в Раннюю Итальянскую комнату.

Я понимающе киваю. Возле нас останавливается такси, и я открываю дверь для Еллоу и Вайолет. Всю обратную дорогу ни одна из нас не произносит ни слова. Во мне бурлит столько адреналина, что кружится голова. Фары встречных машин расплываются в круги пляшущего света, поэтому я закрываю глаза и пытаюсь не думать о том, что только что произошло. Это все еще слишком реально.

Мы возвращаемся в Зал Стражи, где нас ждет Зета.

— Ну?

— Миссия выполнена успешно, — говорю я. — Из музея ничего не было украдено.

— Уверен, вы все очень устали. Еллоу и Вайолет, идите в свои комнаты, а Ирис останется здесь, — улыбаясь, произносит Зета.

Ни Еллоу, ни Вайолет не поворачиваются, чтобы посмотреть на меня, пока поднимаются по лестнице. Мне становится немного обидно. Не знаю почему. Чего я ожидала? Что после этого мы станем лучшими подругами и набьем одинаковые татуировки?

Я поворачиваюсь к Зета.

— Да?

— Отличная работа. — Он улыбается. Правда искренне улыбается. — Я очень горжусь тобой. Знаю, тебе пришлось несладко, но это только потому, что я увидел в тебе лидерские качества. Завтра отправлю в Министерство обороны рекомендательное письмо от своего имени, чтобы тебя сделали полным и постоянным членом Стражи времени. Я знаю, что Альфа собирается сделать то же самое. — Зета протягивает руку и добавляет: — Добро пожаловать в Стражу, мадам.

Яжимаю его руку, даже не пытаюсь скрыть улыбку, которая растягивается на моем лице.

— Спасибо.

Полный и постоянный член Стражи времени. Может, это все адреналин, но мне нравится эта идея. Очень нравится. Чувствую, как грудь распирает от гордости. Это кажется таким правильным. Очень правильным.

Отпускаю руку Зета и направляюсь к лестнице.

— Подожди, — говорит он. — Ты пропускаешь самое интересное.

Я поворачиваю голову и смотрю на него.

— Что именно?

Он показывает в сторону библиотеки.

— Разве ты не хочешь узнать, что говорит о тебе история?

У меня отвисает челюсть. Я даже не думала об этом. Забегаю в библиотеку, открываю поисковую систему и печатаю «ОГРАБЛЕНИЕ МУЗЕЯ ИЗАБЕЛЛЫ СТЮАРТ ГАРДНЕР».

Кликаю на первую же ссылку, которая перенаправляет меня на страницу энциклопедии. Когда я вижу слово «попытка», у меня на секунду замирает сердце.

Рано утром, 18 марта 1990 года два грабителя, переодетые в полицейских,

постучались в служебный вход музея Изабеллы Стюарт Гарднер. Один из охранников впустил их внутрь. Когда вниз спустился второй охранник, грабители связали их и закрыли в подвале.

В два часа утра в Департамент полиции Бостона поступил анонимный звонок от женщины, которая сообщила о возможном ограблении, происходящем в музее. Когда полиция прибыла на предполагаемое место преступления, то обнаружила двух закованных в наручники мужчин, которые находились без сознания. Полотно «Концерт» Яна Вермеера стоимостью в двести миллионов долларов лежало на полу в Голландской комнате. Никакие другие произведения искусства взяты не были.

Несмотря на то, что охранники музея заявили, что впустили только двух мужчин, полиция полагает, что в ограбление был вовлечен третий участник. Полиция пришла к такому заключению после того, как было обнаружено, что служебная дверь была взломана, вероятно, с помощью лома. Помимо этого, прямо перед телефонным звонком в полицию практически одновременно сработали несколько сигнализаций. Полиция считает, что третий человек, который был хорошо известен грабителям, предал их в ночь ограбления. Оба мужчины категорически отрицали эту версию, и полиция не смогла найти никаких дополнительных зацепок.

Наверное, самой загадочной уликой в этом деле стала записка, в которой было детально расписано планируемое ограбление. В ней указывалось точное время срабатывания сигнализаций и точное время, когда грабители должны появиться в каждой из комнат. Полиция так и не смогла понять смысл этой записки, а двое мужчин, подозреваемые в совершении преступления, категорически отрицали, что она принадлежала им или что они видели ее раньше.

Я вскрикиваю, резко поднимаюсь и проверяю карманы. В этот момент до меня доходит. Шпаргалки у меня нет. Наверное, я уронила ее, когда дралась.

Глава 15

Никто ничего не говорит мне по поводу забытой шпаргалки. Либо в этом нет ничего страшного, либо никто ничего не знает. Ни Еллоу, ни Вайолет не разговаривают со мной. Совсем. Правильно говорят, что как бы ты не пытался изменить законы физики, они остаются неизменными. Все возвращается на свои места, а я в этом месте — чужачка.

На следующее утро на завтрак приходит Индиго. Я усаживаюсь рядом с ним, помня, что в последний раз, когда мы виделись, я с криками и ругательствами уложила его на землю.

— Привет, — говорит он, даже не глядя на меня.

— Привет, — отвечаю я.

«Мне жаль», мысленно произношу я. Не успеваю я сказать эти слова в реальности, как Индиго кладет на свою тарелку несколько картошин и поворачивается так, чтобы сидеть лицом к Грину, а не ко мне. Все понятно.

Альфа прочищает горло, намереваясь сделать объявление, и я на секунду забываю об Индиго и распрямляю спину. Вот оно. Он собирается что-то сказать об ограблении музея. Меня распирает от гордости. Может, люди наконец начнут воспринимать меня как равную. И тогда я, может быть, получу свои коды доступа.

— У меня для вас есть важная новость, — говорит Альфа, и я в предвкушении прикусываю нижнюю губу. — Нам утвердили бюджет, и, судя по всему, теперь у нас появится вторая гравитационная камера в Лос-Анджелесе. Также в планах установить

третью камеру в Чикаго в ближайшие пять лет.

Раздаются аплодисменты и радостные крики, и это вполне понятно. Вторая гравитационная камера — это, конечно, важная новость, но я не могу не чувствовать себя немного разочарованной. Ну же. Я ведь вчера завершила свою первую миссию. Они собираются сделать меня полноправным членом Стражи.

— У меня есть второе важное объявление на сегодня, — говорит Альфа, и я резко поворачиваюсь на стуле. Вот оно. — Мы решили повысить Реда до старшего командира. Теперь он будет продумывать некоторые миссии.

Хорошо, думаю, что это тоже довольно важная новость. Следующей буду я.

— Это все объявления на сегодня, — говорит Альфа. — Остаток дня вы будете обсуждать с Зета и Редом очень важный вопрос. — Сказав это, Альфа переводит взгляд на меня. — За исключением Ирис. Ты остаешься со мной.

Голос Альфы звучит немного сдержанно. И он не смотрит мне в глаза. Неожиданно меня осеняет. *Они знают о шпаргалке.* Если ее посчитали достаточно важной уликой, чтобы упомянуть в дурацкой интернет-энциклопедии, то мне придется лицом к лицу обсудить свою промашку с командиром. Вот дерьмо. Нет, черт возьми. Нет, все-таки, вот дерьмо.

Завтрак заканчивается, все расходятся, за исключением Альфы и меня. Он довольно долго сворачивает свою салфетку, а потом кладет ее рядом с тарелкой, встает, задвигает стул и, наконец, поворачивается ко мне.

— Нам нужно поговорить, — говорит он.

— Это по поводу миссии в музее? — Я задерживаю дыхание, ожидая, что он поднимет вопрос о шпаргалке.

Альфа делает глубокий вдох через нос, а потом медленно выдыхает.

— И да, и нет. — Он замолкает на секунду. — Боюсь, у меня есть и плохие, и хорошие новости. Какие ты хочешь услышать первыми?

— Плохие. — Всегда выбирайте сначала плохие новости. Это как сорвать пластырь. Вам все равно придется это сделать.

Альфа качает головой и вручает мне свернутый и запечатанный листок бумаги.

— Сначала хорошие новости.

Я беру листок и смотрю на печать в виде совы.

— Зачем тогда делать вид, что даете мне выбор?

— Чтобы посмотреть, что ты предпочтешь. Я тоже всегда выбираю плохие новости. Давай, открывай.

Я просовываю палец под печать и ломаю ее.

ГРИН

67 ^КАПИТОЛИЙ 8*8

У меня перехватывает дыхание.

— Это... логин и пароль Грина? Почему вы даете его мне?

Альфа задумывается, а потом отвечает.

— Потому что я думаю, что ты этого заслуживаешь. Никому не говори об этом. — Он кивает в сторону библиотеки. — Иди. У тебя есть пять минут. Я буду в своем офисе. Встретимся там, когда ты закончишь.

Он уходит, оставляя меня одну в столовой. Я, не медля ни секунды, врываюсь в библиотеку, отодвигаю стул перед одним из компьютеров и вожу мышкой по столу, чтобы включить экран. Потом ввожу логин и пароль Грина.

Грина? Что это имеет общего с музеем Гарднер? Что? Как только на экране появляется эмблема Соединенных Штатов, я ввожу в поисковую строку имя папы и жду, когда загрузятся данные. Вот оно. Кликаю на них и задерживаю дыхание.

Всплывает новая страница, и на моем лице появляется грустное выражение. Все то же самое, что и раньше. Обычное длинное и скучное генеалогическое древо. Чего хочет от меня Альфа? Чтобы я посмотрела что-то еще? Что-то, связанное с музеем Гарднер, до чего у меня нет допуска? Перемещаю мышку в поисковую строку и начинаю стучать клавишами. Я уже напечатала ИЗАБЕЛЛА СТЮАРТ ГАР, когда кое-что замечаю. Эта страница другая. Внимательно изучаю ее, и у меня отвисает челюсть.

На странице указан день его рождения и смерти, но это не все.

**Митчел Томас Оберман. Рожден в Натике,
Массачусетс. Умер в Далласе, Техас.**

Даллас, Техас. Мой отец умер в Далласе. В Соединенных Штатах. Это вообще не имеет никакого смысла. Он служил в армии. Я всегда считала, что он умер героем, защищая нашу страну на территории иностранного государства. Но не в Техасе. Как мой отец оказался в Техасе?

Пристально смотрю на экран несколько минут в ожидании какого-нибудь ответа, а потом перевожу взгляд на часы. Я должна встретиться с Альфой через полторы минуты. Закрываю правительственный сайт, открываю интернет-браузер и быстро печатаю в поисковой строке ДАЛЛАС, ТЕХАС и дату его смерти.

Изучаю появившиеся результаты. В этот день был концерт «Hole⁵». Это навряд ли причина, по которой он был в Далласе. Собрание муниципального совета. Возможно ли? Вернемся к этому позже. Вечеринка «Техасских железных шипов», черт знает кто это такие. Дело о мошенничестве. Нет. Все это не то. Снова смотрю на часы. Тридцать секунд. Кликаю на ссылку о собрании муниципального совета, которая открывает PDF-файл. Изучаю его. Хозяйственные и жилищно-коммунальные отчеты, юридическая фигня. В общем, скука смертная и больше ничего.

Закрываю браузер. Ничего не понимаю. Альфа знал, что я хочу посмотреть информацию на папу? Он должен был знать. Отодвигаю кресло и направляюсь в его офис. Дверь оказывается открытой.

— Ты нашла, что искала? — спрашивает Альфа.

— Нет, — отвечаю я.

На его лице не отражается совершенно никаких эмоций.

— Присядешь? — интересуется он, показывая на стул на противоположной стороне стола.

— Лучше постою.

Альфа очень медленно кивает головой.

— Плохие новости.

— Плохие новости, — повторяю я.

— Что ж, не вижу причин ходить вокруг да около. Вчера вечером мы получили приказ из Министерства обороны закончить эксперимент.

Я моргаю.

— Что это значит?

— Это значит... Они решили сохранить Стражу времени в том виде, в каком она существует сейчас. Никаких новых членов.

— То есть я выхожу из игры? — вскрикиваю я.

— Выходишь, — говорит Альфа.

Я отступаю назад и ударяюсь спиной о дверь, в то время как мои мысли разлетаются в сотне различных направлений. Я выхожу из игры. *Выхожу. Выхожу. Выхожу. Одиночная камера. Мне нужно убираться отсюда. Сейчас же. Они идут за мной.* Я протягиваю одну руку за спину, чтобы взяться за ручку, а другой хватаюсь за часы Стража.

— Ирис, подожди! — говорит Альфа. — У меня есть другое решение!

Я замираю.

— Какое другое решение? Почему?

— Потому что я не хочу, чтобы ты уходила. Так же, как и Зета. Мы опротестовали решение, обратили внимание министерства на то, как хорошо ты справилась с миссией Гарднер, но этот вопрос рассматривался в куда более вышестоящих кругах. Это не наше решение. Но, думаю, я знаю, как исправить это. Ты выслушаешь меня?

Я проигрываю в голове слова Альфы, продолжая неподвижно стоять.

— Тебе придется довериться мне. — Его глаза опускаются на мои руки, и я убираю их с дверной ручки и часов. — Я знаю твое прошлое. И это будет очень тяжело для тебя. Но это твой единственный шанс. Ты со мной?

Мое прошлое. Что-то, что касается моего прошлого. Мамы с ее биполярным расстройством? Пила? Маленького городка Вермонт? Или, может быть...

Моего папы. Меня словно прошил заряд электрического тока.

— Я с вами, — едва слышно шепчу я.

— Тебе придется отправиться прямо сейчас. Это твоя последняя миссия перед тем, как за тобой придут люди из Министерства обороны. Тебе придется переместиться во времени и встретиться с человеком, который изобрел часы Стражей. И тебе придется убедить его не добавлять генетическую связь. Тогда любой сможет проецироваться, и правительству будет наплевать на то, что ты чужачка. Понимаешь?

Я киваю головой, хотя на самом деле ничего не понимаю. Альфа разворачивается и начинает рыться в шкафу для хранения документов. Мой отец изобрел часы Стражей? Нет, он не мог. Стража времени была сформирована в 1960-х, когда мой отец был еще ребенком.

Альфа находит нужную папку, берет ее и закрывает ящик.

— Это твой единственный шанс, — говорит он. — Ты должна убедить этого мужчину изменить его расчеты.

— Я понимаю, — отвечаю я.

Альфа медлит около секунды, а потом открывает папку и кладет ее на стол. У меня перехватывает дыхание, когда на меня с фотографии смотрит человек, которого я знаю очень хорошо. Это не мой отец. Это дедушка Эйба.

Глава 16

В первый день тренировок в Пиле меня поставили в пару с девочкой, которую звали Джордан Магнус. Для нас обеих это был первый опыт дзюдо, но оказалось, что Джордан уже была специалистом в джиу-джитсу. Я узнала об этом опытным путем, когда она с разворота ударила меня в живот. Это вышибло из меня весь дух, и я была уверена, что умру.

Именно так я чувствовала себя сейчас.

— Доктор Ариэль Стендер, — говорит Альфа. Смотрю на фотографию. И не дышу. Я не могу дышать. Я знаю, кто это. Конечно же, знаю. Альфа начинает рассказывать о его прошлом, а я киваю, киваю и киваю. Я не знаю, что еще делать.

Альфа продолжает повторять его имя. Доктор Стендер. Доктор Стендер. Доктор Стендер. Снова и снова, и снова. Стендер. Ариэль Стендер. Эйб Стендер. Я солгу, если скажу, что у меня не лежит где-то блокнот с нацарапанным на нем именем миссис Аманда Оберманн-Стендер и кучей сердечек вокруг него.

Я все смотрю на фотографию в папке. Эйб до ужаса похож на Ариэля — это всегда было предметом шуток за семейным столом Стендеров. У них одинаковые выступающие надбровные дуги и пронизательный, умный взгляд.

По словам Эйба, в иудаизме считается плохой приметой называть ребенка по имени живущего родственника, поэтому зачастую родители выбирают имя, которое начинается на ту же букву, что и имя умершего родственника. Технически, Эйба назвали в честь двоюродного кузена Адама, но все понимают, что на самом деле чтобы почтить память Ариэля.

Альфа все еще рассказывает биографию Ариэля. Зачем? Я ее и так знаю. Он должен быть в курсе этого. Ариэль получил степень бакалавра физико-технических наук в Гарварде, потом доктора аэротехнических наук в Массачусетском технологическом институте⁶. Полагаю, не нужно объяснять, что этот мужчина до неприличия умен. Однажды Ариэля выдвинули на Нобелевскую премию, но его обошел парень, занимавшийся изучением жидких кристаллов и полимеров. Он читает лекции по всему миру и был знаком с тремя последними президентами.

Честно сказать, при встрече вы бы никогда не догадались о его заслугах. В его кабинете не висит никаких дипломов, коридоры не заставлены наградами. В его шкафах вы не найдете ни одну из десятков книг, написанных им самим. Ариэль живет в простом доме в Кембридже, в котором он вырос, и ездит на «Тойоте», которая старше меня.

— Ариэль придумал, как перемещаться во времени? — спрашиваю я.

Альфа замолкает, не договорив. Он что-то объяснял, но я не знаю что. Я не сводила глаз с фотографии.

Он опускает плечи и медленно выдыхает.

— Нет. Он изобрел часы Стражей.

— Ариэль, — повторяю я. — Ариэль Стендер. Он связан со Стражей времени?

— Он изобрел часы Стражей, — повторяет Альфа. — Я предупреждал, что для тебя это будет сложно, но сейчас ты должна сосредоточиться. Это наш единственный шанс.

Я не могу сосредоточиться. Ощущаю себя так, словно меня заковали в наручники, завязали глаза и бросили на дно бассейна.

— Вы знаете об Эйбе и обо мне? — спрашиваю я. Глупый вопрос. Конечно, он знает. Альфа даже не отвечает на него. Я опускаю голову, чтобы опять взглянуть на фотографию.

Альфа аккуратно приподнимает мой подбородок и по-доброму смотрит на меня.

— Ты сможешь это сделать? Мне нужно, чтобы ты прямо сейчас посмотрела мне в глаза и сказала, что сможешь это сделать. У тебя есть только один шанс. Я получил приказ закрыть тебя в Зале Стражей. Вечером появятся представители власти, чтобы избавиться от тебя.

Я вздрагиваю. *Избавиться* от меня. Как будто я мусор.

Вчера вечером я впервые была по-настоящему счастлива за долгое время. Может быть, впервые за всю жизнь. Как же все изменилось всего лишь за несколько часов.

— Ирис, — говорит Альфа.

— Я смогу это сделать, — говорю я, глядя ему прямо в глаза.

Это ложь. Может быть. Не знаю. У меня в голове туман. Дедушка Эйба изобрел часы Стражей. Я знала, что он умный, но насколько он во все это вовлечен? Знает ли он о Страже времени? Должен. Знает ли Эйб о Страже времени? У меня чуть не останавливается сердце. Если Эйб знает о ней, то существует шанс, что он придет за мной, когда поймет, что я не в ЦРУ.

Если только он не продолжил жить дальше и не завел другую девушку. Если только ему теперь не наплевать на меня.

У меня нет времени на раздумья. Альфа наклоняется и вставляет ключ в замочную скважину на ящике в своем столе. Он вытаскивает серебристый футляр, и я мгновенно понимаю, что в нем лежит.

— Мне не понадобится пистолет, — говорю я ему.

Альфа все равно отдает его мне.

— Возьми, это для защиты.

Я сомневаюсь. Что, по его мнению, я собираюсь сделать — застрелить Ариэля, если он не захочет менять расчеты? А потом я смотрю в глаза Альфы и все понимаю. Именно этого он и ждет от меня.

Я кладу пистолет на стол.

— Забудем обо всем.

Но потом в голове возникает картинка, как пожилая женщина ходит из угла в угол в маленькой камере. На полу уже протоптана тропинка. Я вешу около восьмидесяти фунтов, сутулюсь под длинными лохматыми волосами, и у меня глаза сумасшедшей. Я кричу на охранников. Рассказываю всем, кто меня слышит, о Страже времени, но ни один человек мне не верит. Так продолжается последние семьдесят лет.

Я беру со стола пистолет и направляюсь в свою комнату, чтобы переодеться во что-то более подходящее тому времени. Я едва замечаю, что выбираю, но на мне оказываются черные штаны и светло-розовый свитер. Совершенно не моего цвета. Потом спускаюсь вниз с закрепленной на щиколотке кобурой. Альфа ведет меня к гравитационной камере.

— Один шанс, — говорит он. — Все зависит только от тебя.

Я киваю.

— Установи часы на 30 марта 1962 года. Стендер уже изобрел часы Стражей, но еще не добавил генетическую связь. Он преподает в МТИ. Там ты и найдешь его. Ты справишься.

Я ничего не говорю. Просто продолжаю кивать головой, как душевнобольной тюлень. Альфа открывает камеру и заталкивает меня в нее.

Я проваливаюсь в знакомую темноту, совершенно безразличная к ней сегодня. Боль и сумятица в сердце блокируют все остальные чувства. Приземляюсь в чулане, не решаясь по началу из нее выйти. Неужели это мой последний раз? Дверь ведет на улицу. Неужели это последний раз, когда я вижу солнце?

Я качаю головой, пытаюсь избавиться от этих мыслей, и бегу в сторону Красной линии метро. Чарльз-стрит находится всего в нескольких кварталах отсюда, а МТИ — сразу за рекой. Пистолет кажется таким тяжелым. Он мешает мне двигаться. Нужно остановиться и избавиться от него. Он мне не понадобится. Но я не делаю этого.

Вот и станция Чарльз-стрит, но нет никаких указателей на Красную линию. Вместе с этим я вижу вывеску: «Бостонская железная дорога». Ладно. Мне некогда об этом думать. Сверху раздается грохот и скрип, который может означать только одно — приближается поезд. Я бегом поднимаюсь по ступенькам, вдали маячит Массачусетская центральная

больница. Поезд останавливается как раз тогда, когда я поднимаюсь на платформу. Я протискиваюсь в двери с толпой людей. Поезд забит под завязку, по большей части мужчинами в деловых костюмах и шляпах, которые держатся за поручень одной рукой, а в другой у них портфель. Многие из них сжимают под мышкой газету, включая мужчину, который стоит рядом со мной и к которому меня притискивает последняя волна пассажиров. Я смотрю на газету.

Пятница, 30 марта 1962 года

Напрягаю глаза немного сильнее, чтобы прочитать заголовок.

ВОЛЬТЕ ОКАЗЫВАЕТСЯ В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ ИЗ-ЗА ЗАКОНА ПОЛИЦИИ; ВЛАСТИ ТРЕБУЮТ, ЧТОБЫ ОН НАЛОЖИЛ НА НЕГО ВЕТО

Не имею понятия, что это значит. Да мне и наплевать. Двери закрываются. Хватаюсь за поручень, как только поезд начинает трястись и раскачиваться на черно-белом мосту. Не знаю, как он на самом деле называется. Я всегда называла его именно так.

Неужели я вижу этот мост в последний раз? До меня постепенно начинает доходить вся чудовищность сложившейся ситуации. Если я провалю миссию — если мне не удастся убедить Ариэля изменить расчеты — меня заберут. Часть меня кричит о том, что этого нельзя сделать. Что это вопреки моим конституциональным правам. Что это бесчеловечно. Но другая часть знает, что в этом случае правила другие. Конституция не распространяется на таких людей, как я. Я принадлежу правительству, я вне конституции и ее защиты. Они могут делать со мной все, что угодно. В конце концов, я сама дала им на это разрешение.

Через несколько минут поезд заезжает под землю и останавливается на Кендалл-стрит. Я протискиваюсь наружу и устало поднимаюсь по лестнице. МТИ находится через дорогу, поэтому я жду, когда проедет большой черный автомобиль, похожий на подводную лодку, и присоединяюсь к толпе студентов, спешащих на занятия.

Подхожу к молодому парню в темных штанах, белой рубашке и узком черном галстуке.
— Простите.

Он поворачивается, его большие голубые глаза смотрят на меня из-за очков в роговой оправе. Он мог бы стать современным хипстером.

— Где находится корпус физических наук? — Судя по всему, Ариэль должен находиться именно в нем.

Парень сводит брови и поправляет очки.

— Какой из корпусов? — спрашивает он. — Их несколько.

О да. Разве могло быть по-другому.

— Вы ищете какого-то конкретного профессора?

— Стендера. Доктора Ариэля Стендера.

Молодой человек кивает, как будто слышал о нем.

— Стендер был у меня в восемь ноль четыре. — Я киваю, как будто понимаю, о чем он говорит. — Его кабинет в двадцать шестом корпусе.

Вау. Мне повезло. Я благодарю парня и мчусь через весь кампус. Мне приходится остановить еще двух студентов, чтобы они показали мне правильное направление. Наконец, я нахожу пятиэтажное прямоугольное здание с жалюзи на окнах и с оранжевой вывеской «Корпус № 26» на входе.

Я вхожу в коридор с белым линолеумом на полу и люминесцентными светильниками на потолке. Жаль, что нет никаких указателей, но первый же человек, которого я спрашиваю, — девушка в сером твидовом костюме и маленькой шляпке — знает, что

кабинет Ариэля находится на пятом этаже.

Я благодарю ее, а потом, сделав глубокий вдох, поднимаюсь вслед за группой парней по лестнице. Его кабинет находится сразу за ней. На двери большими буквами написано ПРОФ. А.СТЕНДЕР. Дверь закрыта, поэтому я стучусь. Мое сердце колотится как сумасшедшее, и я кладу на него руку, словно боюсь, что оно выскочит из груди. Я нервничаю, наверное, больше, чем во время миссии в музее. На кону стоит очень многое. Я собираюсь погрузиться в прошлое, которое, как я всегда надеялась, станет моим будущим.

За дверью раздаются шаги, и я задерживаю дыхание. Ее открывает молодая невысокая женщина в простом зеленом платье с длинным рукавом. Она стоит босая и держит в руках сэндвич. Девушка выглядит очень знакомой, но этого не может быть.

— Да? — произносит она, опуская сэндвич. — Чем я могу вам помочь?

— Я ищу доктора Стендера.

— Его здесь нет.

Я заглядываю мимо нее в маленький кабинет, заставленный шкафами с книгами, которые опасно лежат одна на другой. Это так похоже на Ариэля. Полный хаос. Тем не менее он всегда знает, что где лежит.

— Где я могу его найти? — спрашиваю я, стуча носком по полу. Нервный тик.

— Зависит от того, зачем он вам нужен. — Не знаю, кто эта девушка, но она определенно строгая. Мне это нравится. Но сейчас не время заводить друзей. Я должна найти Ариэля, убедить его изменить расчеты и убраться отсюда. Как можно скорее.

— Я по поводу... — Что мне сказать? Я из будущего и хочу убедить его поменять расчеты, которые касаются машины времени? — По поводу финансирования. Я здесь по поводу финансирования.

У девушки округляются глаза.

— Черт. — Она бросает сэндвич на тарелку, которая стоит на заваленном бумагами столе, и вытирает руки о платье. — Вы из «Кершул Групп»? — Она замолкает и осматривает меня с головы до ног. — Но вы такая молодая.

— Я старше, чем выгляжу.

Девушка кротко улыбается мне.

— Простите, если была с вами груба до этого. Я пытаюсь закончить вычисления для доктора Стендера, поэтому немного уставшая.

Я протягиваю руку.

— Все нормально. Меня зовут... Пегги Харт. — Это имя звучит как из шестидесятых. Надеюсь. — И да, я из... — Черт, как она назвала ту группу?

— Вы из «Кершул». — Девушка засовывает ноги в черные туфли на каблуках. — Вчера мы получили вашу телеграмму. Вы рано. Мы ожидали вас не раньше следующей недели.

— О, я просто была тут поблизости, — соврала я. Буду придерживаться этой версии.

— Вы из Сан-Франциско? — спрашивает девушка, хватая сумочку и закрывая за собой дверь. Судя по голосу, она в недоумении, но, тем не менее, улыбается мне. — Доктор Стендер находится в корпусе № 20. Я провожу вас.

— У меня были дела на Восточном побережье. — Мы начинаем спускаться по лестнице. Наверное, мне стоит прекратить болтать. Чем проще ложь, тем лучше. Так нас учили в Пиле. Я свою слишком усложняю. Они раскусят меня.

Девушка останавливается в коридоре и смотрит на меня.

— Не в Гарварде? — Сейчас в ее голосе чувствуется резкость.

Я прочищаю горло.

— А где корпус № 20?

Девушка смеется, толкает дверь и придерживает ее для меня.

— Вы такая забавная. Корпус № 20. Вы же знаете, где он. Там раньше была Рад. Лаб.⁷ «Кершул» спонсировал ее.

Я киваю головой, хотя не понимаю ни слова из того, что она говорит.

— Конечно. — Черт возьми. Я все порчу. *Хватит болтать.* — Как, вы сказали, вас зовут?

— А я не говорила. — Девушка останавливается и протягивает руку. — Я — Мона. Мона Хирш, ассистент доктора Стендера. — Она пихает руку в сумочку, достает пачку сигарет, засовывает одну в рот и прикуривает ее. — Сюда.

Я не могу пошевелиться. Мои ноги словно приросли к месту. Потому что это Мона. Мона. Будущая жена Ариэля. Будущая бабушка Эйба. Однажды она станет сенсеєм по карате.

Не думая, я протягиваю руку и вытаскиваю сигарету из ее губ; бросаю на землю и топчусь по ней.

Мона в ужасе смотрит на меня.

— Зачем вы это сделали?

Как я должна ответить на это вопрос? Я не могу сказать ей, что через несколько десятилетий она умрет от рака легких, вызванного ее пагубной привычкой. И я определенно не могу сказать ей, что профессор, любовь всей ее жизни, будет совершенно подавлен ее смертью.

— Сигареты вызывают рак, — бурчу я.

Мона пожимает плечами.

— Мне девятнадцать и пока еще рано волноваться по этому поводу.

— Нет, не рано. — Я никогда не встречалась с этой женщиной, но знаю о невосполнимой потере, к которой приведет ее смерть через много лет. — К тому же не думаю, что доктору Стендеру нравятся курящие девушки. — По крайней мере, это правда. Ариэль постоянно злился, когда кто-то начинал курить в его присутствии.

— Не нравятся? — спрашивает Мона, и я слышу это в ее голосе. Она уже влюблена в Ариэля. Я знаю, что они познакомились в МТИ, но по рассказам Мона была выпускницей, а не девятнадцатилетней студенткой. Может быть, поэтому я ничего об этом не слышала? Или они стали встречаться только через несколько лет? — Откуда вы знаете?

— Он упоминал об этом в нашем разговоре, — говорю я.

Мона поднимает бровь так, что я тут же жалею, что открыла свой большой рот, но потом она показывает на огромное уродливое, кажущееся бесконечным, здание.

— Корпус № 20.

Мы заходим в темный коридор, и Мона ведет меня в крыло «В». Пол скрипит, а большинство окон заросли по углам плесенью. Я потираю ладонями предплечья. Это место выглядит таким жутким.

Мы остаемся на первом этаже и проходим еще один грязный коридор, пока не упираемся в последнюю дверь. Мона придерживает ее, и неожиданно из-за какого-то странного приспособления высовывается невысокий худой мужчина. Ариэль. Я резко останавливаюсь. Он выглядит немного более взрослой версией моего парня.

— Доктор Стендер, — перекикивая шум прибора, произносит Мона, — это мисс Харт. Она из «Кершул Групп».

— Так быстро? — Ариэль выключает небольшое приспособление. Оно представляет собой два диска, соединенные тонкой медной проволокой. В основании механизма расположен тонкий серебряный переключатель. — Я ожидал Джека Бриггса. Именно с ним мы и вели переговоры. Но он должен появиться только на следующей неделе.

Ариэль молодой. Такой молодой. Я привыкла видеть его пожилым мужчиной с седыми волосами и пигментными пятнами на руках, а не элегантною, подтянутою и слегка более взрослой версией Эйба. Мое сердце стучит как сумасшедшее. Я скучаю по Эйбу. Я старалась изо всех сил забыть о нем и продолжать жить дальше, но теперь, когда он стоит передо мной, мне хочется подбежать и прижаться к нему всем телом.

«*Это не Эйб*», — говорю я себе. Не Эйб. Ариэль. Мне нужно сосредоточиться.

— Он не смог приехать. Я вместо него. Из Сан-Франциско. — У меня дрожит голос.

— Вы сказали, ваша фамилия Харт? — скептически интересуется Ариэль. Я была такой наивной, когда думала, что моя неубедительная и слабо продуманная история прокатит. — Ах, да, мы ведь уже с вами разговаривали, ведь так?

Я пытаюсь не показывать своего потрясения. В какие игры играет Ариэль? Либо он и правда разговаривал с некоей мисс Харт из «Кершул Групп», либо что-то подозревает. Должно быть, последнее. В конце концов, какая крупная инвестиционная группа станет нанимать на работу подростков? У меня ничего не получится.

— Именно так. — Я протягиваю ему руку. — Но у меня сегодня мало времени. Не могли бы вы показать, над чем работаете?

— Разве Джек на передавал вам чертежи, которые я посылал ему? — Ариэль начинает копошиться в бумагах, лежащих на соседнем столе.

— Нет, — отвечаю я.

— Куда же я ее положил? — громко удивляется Ариэль. Мона становится рядом и помогает ему искать, а потом вытаскивает из кучи на столе простую коричневую папку.

— Это она? — спрашивает Мона таким голосом, как будто уже и так знает ответ.

Ариэль забирает у нее папку.

— Спасибо, Мона, — даже не посмотрев на нее, говорит он. Она немного грустнеет, и я понимаю, что они еще не пара. Он практически не замечает ее. — Можешь идти.

Мона выходит за дверь. Ариэль перебирает бумаги в папке и даже не прощается с ней. Мне больно за нее. Чувствую себя так, словно это на меня не обращает никакого внимания Эйб. Знаю, я не должна вмешиваться в прошлое и подправлять вещи, особенно ради собственной выгоды, но разве сейчас это имеет какое-нибудь значение? Если я провалю миссию, никто и никогда больше не увидит меня снова.

— Она очень хорошенькая, — говорю я Эйбу.

Ариэль вытаскивает несколько листов бумаги из папки, а потом смотрит на дверь.

— Кто, Мона? Наверное. Вот, наши окончательные чертежи для этой красавицы. — Он стучит по приспособлению, с которым работал, когда я пришла — по механизму с двумя дисками и медной проволокой.

Я смотрю на чертежи. На первой странице изображена сама конструкция, каждая деталь которой подписана и обозначена стрелочкой. Все последующие листы — это сложные математически вычисления. Я не имею никакого понятия, что они означают, и не вижу ничего, что бы указывало на генетическую связь. Этот механизм вообще имеет какое-то отношение к часам Стражей? Я смотрю на часы на столе. С момента моего перемещения в 1962 год прошел час. Значит, в настоящем пролетело уже три. Это плохо.

Я убираю бумаги.

— Расскажите мне обо всем вкратце.

Ариэль кивает и, наклонившись над механизмом, поворачивает диски.

— Это, конечно же, всего лишь прототип. Настоящее устройство гораздо больше. — Он хихикает, как будто только что пошутил, и я улыбаюсь ему в ответ. — Когда его включаешь, диски начинают крутиться быстрее, чем скорость света. — Ариэль показывает на медную проволоку между ними. — А с помощью этого образуется экзотическая материя⁸, которая создает кротовую нору⁹ между двумя точками. Я нашел способ поместить червоточину в маленький предмет, которым мы пользуемся каждый день. Это позволит владельцу предмета перемещаться во времени.

С этими словами он выключает механизм и поворачивается ко мне.

— Мы ограничиваем количество этих предметов генетической связью с семьей специально отобранными для этого людьми. Они удостоиваются этой чести благодаря своей силе, остроте ума, физической доблести и интеллектуальным способностям. Прибор для перемещения во времени будет работать только для этих семи человек.

— Почему? — спрашиваю я.

— Это эксперимент. Чем меньше людей смогут путешествовать во времени, тем лучше. — Он понижает голос. — Нет ничего хорошего в том, чтобы вмешиваться в ход времени без особой на то необходимости. Время — очень мощный и опасный инструмент.

По моей спине пробегает дрожь.

— У меня есть знакомые в Министерстве обороны, которые заинтересованы в этом проекте, — продолжает Ариэль. — Именно они и попросили об этом ограничении.

— Они предложили вам финансовую помощь?

— Нет. Пока нет. Но они пообещали, что окажут ее, если им понравится прототип. Поэтому мне нужна помощь «Кершул Групп».

Да, «Кершул Групп».

— А что если однажды вы захотите увеличить количество этих людей? Как это сделать?

— Ну, очевидно же, что их дети смогут тоже перемещаться во времени...

— Я говорю о более широком круге людей, — прерываю я его.

Ариэль забирает у меня бумаги, открывает пятую страницу и показывает на вычисления.

— Вот оно. Расчеты, касающиеся вашего вопроса. Они пока только в начальной стадии. Данный механизм был спроектирован специально под генетическую составляющую этих семи людей. Добавление еще одного человека потребует сложных и *дорогих* изменений. Мы пока к этому не готовы. У нас нет финансирования.

Я не обращаю внимания на его намек на финансирование, потому что, о боже, вот оно мое решение. Мне не нужно просить Ариэля удалить генетическую связь и позволить всем и каждому перемещаться во времени. Я просто должна сделать так, чтобы механизм оставался неизменным, чтобы было невозможно добавить новых путешественников. Так даже лучше. Так меня никогда не заберут в Стражу времени. Я покину 1962 год и вернусь в Пил. Обрато к Эйбу.

Или навсегда застряну в 1962? Если я неожиданно потеряю способность перемещаться, то как вернуться?

Я смотрю на Ариэля. Я знаю этого мужчину и люблю его. Он пока не в курсе, кто я, но потом полюбит меня как собственную внучку. Может, мне стоит доверить ему свой секрет?

Рассказать, что я из будущего, и попросить его о помощи?

Или лучше доверять Альфе? Он говорит, что искренне хочет помочь мне, и какая-то часть меня хочет верить ему. Ариэль или Альфа? Ариэль или Альфа? Кто сказал, что я могу доверять Ариэлю из прошлого? Я не знаю его. Люди с годами сильно меняются. Может, молодой Ариэль — жадный и амбициозный парень, который хочет во что бы ни стало прославиться. Это так не похоже на великодушного, заботливого, искреннего Ариэля, которого я знаю; но все возможно.

Я не хочу остаток жизни провести в тюремной камере с маленьким решетчатым окошком. А может, и вообще без него.

Принимаю решение все-таки довериться Альфе и закончить миссию, которую он мне поручил.

— Я выделю вам финансирование при одном условии, — говорю я.

Ариэль удивленно поднимает брови.

— Каком?

— Измените чертежи. Избавьтесь от генетической связи. Сделайте так, чтобы любой человек с вашими часами мог перемещаться во времени.

Ариэль моргает, а потом бросает на меня злой взгляд.

— Я никогда не упоминал о часах.

У меня замирает сердце.

— Я...эээ... — Я быстро листаю бумаги, которые дал мне Ариэль. — Эээ. — Пролыстываю математические вычисления, еще одни вычисления. Пожалуйста, пусть где-нибудь будет визуальная картинка. — Я... — И тут я вскрикиваю. — Вот!

Я подношу к лицу Ариэля страницу. На ней изображен механизм, а в левом нижнем углу часы. Я не религиозна, но, спасибо, Господи.

— А, — говорит Ариэль. — Ну конечно. Вы уже видели их до этого. — Однако в его тоне сквозит что-то странное. У меня ничего не получится.

— Так значит, вы избавитесь от генетической связи?

— Что? Нет, — качает головой Ариэль.

— Нет? — выдыхаю я.

— Нет. Министерству обороны нужно генетическое ограничение. Я всегда планировал предложить им свое изобретение, чтобы они могли использовать силу и могущество Хронометрической Аугментации — так я ее называю — для улучшения наших жизней. Я не хочу рисковать. Механизм не может попасть не в те руки.

— Тогда мы не можем предложить вам финансирование, — дрожащим голосом произношу я. Я не могу проиграть. Хотя какая разница? Настоящий представитель из «Кершул Групп» появится на следующей неделе и, вероятно, обеспечит его в любом случае.

Ариэль протягивает мне руку.

— Мне жаль это слышать. Придется начать искать кого-то другого.

Я колеблюсь, но потом все же пожимаю ее. Мое сердце стучит как сумасшедшее. Неужели это последний раз, когда я касаюсь другого человека? Я моргаю, пытаюсь сдержать слезы. Нужно убираться отсюда. *Сейчас же.*

Я разворачиваюсь и несусь к двери, а потом вниз по лестнице, через весь кампус и останавливаюсь, только когда оказываюсь на Массачусетс-авеню. Я опускаюсь на скамейку. Этого не может быть. Я не могу в это поверить. Я провалила миссию.

Прощай, Эйб. Надеюсь, ты знаешь, как я тебя любила. Будь счастлив. Прощай, мама.

Мне жаль, что все так повернулось и что меня не было рядом с тобой. Надеюсь, когда-нибудь ты начнешь лечиться. Я никогда больше не увижу тебя. Со мной все кончено.

Хотя нет. От пришедшей в голову мысли у меня перехватывает дыхание.

Ариэль не закончил прототип. В механизме еще нет генетической связи. А у меня на лодыжке пистолет. Можно выполнить задание сейчас и вернуться домой свободной женщиной.

Но я не могу. Я *не стану* этого делать.

Или стану?

Я сижу на скамейке. Проходит еще час, а значит, я потеряла еще три часа в настоящем. Может, остаться здесь навсегда? Хотя они все равно отследят меня. Они одержат надо мной победу.

На часах уже полдень, и в кампусе начинается обеденная суматоха. Студенты и профессора снуют туда-сюда, но я сразу же замечаю Ариэля. Он ждет, когда можно будет перейти дорогу, а потом бежит через Масс-авеню.

Я вскакиваю с лавочки и иду за ним. Его дом находится всего в нескольких кварталах от кампуса. Мне это точно известно. Я следую в отдалении за Ариэлем к деревянному дому в стиле кейп-код¹⁰. Перед входом стоит длинный голубой «Крайслер». В остальном же все выглядит точно так же. Те же самые занавески на окнах. Кованая лавочка на крыльце. Уверена, что над дверным замком висит изогнутая металлическая буква «С» и мезуза¹¹ в рамочке. Я останавливаюсь и наблюдаю за тем, как Ариэль входит в дом.

Пистолет на лодыжке кажется таким тяжелым.

Я устраиваюсь на крыльце через дорогу и смотрю на дом. Свет в гостиной выключен. Интересно, Ариэль сейчас в кухне? Может, он достает остатки ужина из холодильника или садится за стол, чтобы пообедать. В доме нет отдельной столовой, просто небольшой уголок на кухне. Крошечный, но мы как-то умудрялись помещаться в нем ввосьмером и даже вдесятером во время праздников. Я сидела в нем всего лишь пару месяцев назад, когда Эйб пригласил меня отпраздновать Рош Ха-Шана¹² с его семьей.

Ариэль проходит в гостиную и открывает окно. Я не пытаюсь пригнуть голову, не пытаюсь спрятаться. Моя рука опускается на лодыжку и достает пистолет. Я поднимаю его, просто для того, чтобы посмотреть, на линии ли огня Ариэль. Он именно там.

Интересно, этот Ариэль из прошлого знает, как ему повезет в жизни? Он женится, у него будет сын, а потом у того тоже будет сын, мальчик, которому достанется атлетизм отца и гениальный ум бабушки. Этот Ариэль имеет хоть какое-то представление о том, что влюбится в свою ассистентку и женится на ней? Имеет представление о боли, которую причинит ему ее смерть? Когда-нибудь узнает, что девушка его внука будет жадно смотреть на картину на лестнице, на которой изображена Мона, мечтая о том, чтобы ее парень любил ее хотя бы на десятую долю так же, как Ариэль любил Мону?

Мне хочется броситься через дорогу. Начать тарабанить в дверь и умолять Ариэля выпустить меня. Хочется побродить по такому знакомому дому и поискать Эйба. Хочется обнаружить его сидящим в подвале на старом в желтую клетку диване и играющим в видеоигры на древнем телевизоре, потому что Ариэль отказывается ставить его в гостиной. Мне хочется свернуться рядом с Эйбом и уткнуться носом в его шею. Хочется, чтобы Эйб убрал пульт от приставки и начал целовать меня. Везде. И не прекращал, пока мы не услышим скрип старых прогнивших ступенек и не увидим Ариэля, который держит в руках корзину для стирки и пытается скрыть улыбку.

Я опускаю пистолет на ступеньку. Даже если мне не суждено снова быть с Эйбом, даже если я никогда больше не увижу его, я не смогу этого сделать. Эйб заслуживает шанса жить. Шанса быть счастливым. Шанса иметь семью. Я не могу забрать это все у него. И не буду.

Я поднимаю пистолет и бросаю его в мусорку на тротуаре.

Я провалила миссию. Моя жизнь закончена.

Что ж, так тому и быть.

Глава 17

В настоящее я возвращаюсь в семь часов вечера. Выхожу из гравитационной камеры, ожидая, что меня будут встречать по крайней мере два человека в костюмах и с металлическими наручниками в руках. Альфа будет стоять за ними, выступая в роли наблюдателя или помощника. В конце концов, он все-таки работает на государство. Может быть, мои товарищи по команде будут присутствовать в качестве свидетелей, если они, как обычно, не будут заняты своими делами.

Однако, меня никто не ждет. Ни ребята, ни Альфа, ни люди из правительства. Наверное, они наверху.

Если я собираюсь сдать, то нужно сделать это сейчас, до того, как я потеряю решимость. Медленно, но с высоко поднятой головой поднимаюсь по лестнице. Мне следует гордиться собой. Я все сделала правильно. Я отказалась лишить жизни человека ради собственной выгоды.

Но на самом деле я чувствую только страх. Всепоглощающий, подавляющий страх.

В гостиной никого нет. Так же, как и в столовой. И в библиотеке. Смотрю на часы, чтобы убедиться, что сейчас действительно семь часов вечера. В это время кто-нибудь всегда слоняется по дому, а иногда мы все еще ужинаем.

Поднявшись по лестнице, выхожу в длинный коридор. Кабинет Альфы находится слева. Протягиваю руку и, постучав костяшками пальцев по двери, пытаюсь повернуть ручку. Но дверь оказывается запертой. Ручка не поворачивается.

Где все? Неужели я вернулась не в тот день? Если так, то они все равно найдут меня.

Я смотрю на запертую дверь. Интересно, его компьютер сейчас включен? Каждый раз, когда я заходила в этот кабинет, он работал. Если я смогу воспользоваться секретным допуском Альфы, то в конце концов узнаю, что случилось с моим отцом. И это перестанет мучить меня. Я смотрю на металлическую кнопочную панель, расположенную над ручкой.

940211

Это комбинация, которую до этого набирал Альфа. Она мгновенно всплывает в моей памяти. Код Техаса, телефон муниципальной службы в Вермонте.

Интересно, что они сделают, если застукают меня? Добавят десять лет к пожизненному заключению? Я набираю 940211, и замок открывается. Оглядываюсь, а потом потихоньку проскальзываю внутрь и аккуратно закрываю за собой дверь.

Сажусь за стол Альфы и поворачиваюсь на кресле, чтобы видеть монитор. Двигаю мышкой по коврику, но экран остается черным. Компьютер выключен. Я включаю его и откидываюсь на кресле, даже не представляя, что делать дальше. Подсмотреть, как Альфа набирает код на кнопочной панели — это одно, но откуда мне знать пароль от его компьютера.

Все кажется каким-то нереальным. Мои мысли словно в тумане. Это всего лишь сон. Или кинофильм. И я не знаю, чем он закончится.

Вот только... я знаю, чем он закончится.

Мне нужно идти. Найти Альфу. И начать молить о пощаде.

Но в этот момент замечаю, что верхний ящик в шкафу для документов слегка приоткрыт. Я выдвигаю его и смотрю на ряд простых, непритязательных папок. Они разложены по алфавиту и на каждой из них напечатаны имена.

Джулиан Эллис.

Не знаю, кто это.

Тайлер Фертиг.

А вот этого парня я знаю. Значит, это досье на нас. На членов Стражи времени. И мое тоже должно быть здесь, если только его уже не изъяли и не сожгли.

Я начинаю перебирать папки. Джереми Грир, за ним четыре Мастерса — и это странно. Как их может быть четыре? Брак между родственниками? Потом идут три Маккея и, наконец, вот оно.

Аманда Оберманн. Мое досье все еще здесь. Я вытаскиваю папку из ящика, и у меня замирает сердце.

Самым настоящим образом.

Замирает.

За моим досье лежит еще одно.

Митчелл Оберманн.

Мой отец.

Трясущимися руками я достаю его из шкафа. За ним — еще одно. Уолтер Оберманн. Этого не может быть. Этого просто не может быть.

Отодвинув записную книжку Альфы, кладу все три папки на стол. Практически не дыша, открываю досье Уолтера Оберманна и резко выдыхаю. Уолтер Оберманн был Четвертым. Одним из первоначальной семерки Стражей. Это означает...

Быстро открываю папку с именем отца. ДЕЛЬТА. Мой отец был представителем второго поколения Стражей времени. На первой странице прикреплена его фотография. Отец смотрит прямо на меня. Ему, наверное, не больше двадцати двух лет. Такой молодой. Такой привлекательный. Он улыбается мне, а я улыбаюсь ему.

— Папа, — шепчу я, касаясь снимка. А потом открываю свое досье, достаю фотографию и начинаю сравнивать. У нас с папой похожие глаза.

Я тоже была рождена с этим. У меня есть генетическая связь. Я начинаю понимать происходящее. Нет никакого секретного правительственного эксперимента. Никто не брал мою ДНК и не вводил ее в механизм. Я не чужачка. Никакие федералы не собираются арестовывать меня. Я могу проецироваться с самого рождения. Альфа обманывал меня. Они все обманывали меня. Зета, Блу, Индиго, все они.

Они знали.

И они лгали.

Почему?

За дверью раздаются шаги.

Я вскакиваю, когда на кнопочной панели начинают набирать код. Моя фотография падает на пол, но у меня нет времени поднимать ее, потому что в этот момент открывается дверь, и Альфа с вытаращенными глазами смотрит на меня.

— Ирис! — потрясенно вскрикивает он.

— Вы лгали мне! — прищурившись, произношу я.

Его взгляд мечется между шкафом с документами и открытыми папками на столе, а

потом опускается на записную книжку, которую я отодвинула. На его лице появляется выражение паники. Он понимает, что я поймала его на лжи.

— Я не обманывал тебя, — спокойно говорит Альфа.

— Мой отец был Дельтой? Мой дедушка был Четвертым? Нет никакой правительственной программы. Я права? И никто не собирался приходить за мной.

Альфа поднимает обе руки вверх.

— Ты не понимаешь.

— Я все понимаю. И не собираюсь оставаться здесь. Я хочу оказаться подальше от вас и всех остальных.

Альфа отступает к двери.

— Нет, ты останешься. Ты никуда не пойдешь. — Он снова смотрит на записную книжку. — Позволь мне тебе все объяснить.

— Я не поверю ни единому вашему слову! Никогда! Вы приказали мне убить невинного человека. Вы используете меня из-за моей связи со Стендерсами. Почему?

— Потому что...

— Нет, не отвечайте! — отмахиваюсь от него я. — Мне наплевать на все, что вы скажете. Я сказала, что уйду, и уйду. Прямо сейчас.

— А я сказал, что ты никуда не уйдешь, — произносит он сквозь сжатые зубы. Альфа холодно и мрачно смотрит на меня, словно бросая вызов и предлагая попробовать пройти мимо него.

Но у меня нет на это времени. Одним движением я сгребаю со стола папки и записную книжку Альфы, а потом открываю часы Стража и кручу головку, которая отвечает за год перемещения. Я даже не считаю количество поворотов. Мне все равно, куда отправиться. Только бы поскорее убраться отсюда.

— Ирис, нет! — кричит Альфа.

Он бросается ко мне и хватает меня за запястье. Я вырываюсь и закрываю часы.

Кабинет Альфы начинает исчезать. Физическая боль от проецирования без гравитационной камеры ужасна, но эмоциональная — еще хуже. Голова словно растягивается и вытягивается одновременно. Я крепко прижимаю к груди папки и записную книжку и кричу.

Я падаю.

И падаю.

И падаю.

Это никогда не кончится. Я умру. Сердце колотится как сумасшедшее. Я не выдержу.

И в этот момент все замирает. Я открываю глаза, ожидая обнаружить себя в том же кабинете, только на несколько лет раньше. Но это не так. Я нахожусь посреди леса.

Глава 18

Я оглядываюсь. Вокруг меня только лес. Черт возьми. На сколько лет назад я спроецировалась? Может быть, Бостона еще и нет? Какой-нибудь 1600-й год? О нет.

Сразу вспоминаю, о чем, мне говорили: чем дальше ты проецируешься, тем быстрее течет время в настоящем. За минуту во времени четыреста лет назад дома проходит два дня. За пятнадцать минут — один месяц. А что если я переместилась на пятьсот лет назад? Или шестьсот?

Снова открываю часы и кручу головку вперед. Два полных оборота. Это равносильно ста двадцати годам. Кручу еще один раз и...

Неожиданно раздаётся *хлопок*.

Что это? Я опускаю часы, и кулон падает мне на грудь. Разворачиваюсь, крепко прижимая к себе украденные папки.

Это Грин.

Маячок! Они отследили мое перемещение.

Грин поднимает электрошокер.

— Не двигайся! — кричит он.

Я хватаюсь за часы и открываю их.

Грин исчезает, а я погружаюсь в темноту. Мое тело снова разрывает на части. Я кричу. Мне больно. Очень больно.

Наконец, я приземляюсь и открываю глаза. Где я?

Не в лесу. Я в Бостоне. В колониальном Бостоне. Он выглядит так же, как когда мы с Зетой пытались подправить события Бостонской Бойни. Я стою перед особняком Хэнкоков. Сейчас, наверное, восемнадцатый век.

Почему я стою? Мне нужно двигаться! Перебегаю Бикон-стрит и мчусь в Бостон Коммон, по пути поворачивая головку на часах.

Снова раздаётся *хлопок*.

Оборачиваюсь и вижу Вайолет.

— Ирис, остановись! — кричит она.

— Да пошла ты! — Я закрываю часы.

— Ты не можешь бегать всю жизнь! — доносится до меня в темноте ее голос. Боль снова начинает разрывать тело на части.

Я опять нахожусь в Бостон Коммон. Он не сильно изменился. Появилось несколько новых зданий, много людей и... о нет. Люди. Они кричат. Почему они кричат? И в этот момент я понимаю почему. Из-за меня. Они кричат из-за меня. Потому что на мне одежда из 1962 года и я появилась из ниоткуда.

Я опускаю голову и бегу. Люди отпрыгивают от меня. Они напуганы.

Хлопок!

Нет. Только не снова.

Я оглядываюсь. В этот раз за мной следует Орэндж. Он быстр, слишком быстр. Я открываю часы и кручу головку. Мне нужно попасть как можно ближе к настоящему! Здесь я как белая ворона.

— Остановись или я буду стрелять! — кричит за моей спиной Орэндж.

Я закрываю часы. Мне удалось повернуть головку только на несколько лет вперед. Я лечу всего пару секунд. Мое тело едва успевает почувствовать боль, как все прекращается.

Я приземляюсь и вскрикиваю. Бостон опять не сильно изменился, но стало еще больше людей. Они кричат. Какая-то женщина падает в обморок. Я бегу из Бостон Коммон на Тремонт-стрит. По бульжной мостовой цокают копытами лошади.

Вайолет права. Я не могу бегать всю жизнь. Мне нужно вытащить из руки маячок. Но как?

В этот момент я вижу уличного торговца, который продает сыр и яйца. Рядом с ним лежит нож.

Господи. Смогу ли я сделать это?

Хлопок!

Должна. Ко мне мчится Еллоу. Поворачиваю головку на пол-оборота, хватаю нож и

закрываю часы.

Тело снова разрывает на части. *Это невыносимо.*

Тяжело дыша, я приземляюсь на другой стороне Тремонт-стрит. Люди все еще кричат. Эта бесконечная симфония криков и какофония ужаса просто преследует меня во времени. Бегу по обочине дороги, даже не пытаюсь понять, в каком я году. Мне срочно нужно избавиться от маячка.

С криком вонзаю нож в предплечье. Тело охватывает боль. Я кричу так, как никогда не кричала. Люди с ужасом начинают разбегаться. Я вкручиваю нож в руку, пытаюсь сдержать слезы.

У меня совсем немного времени. Всего несколько секунд.

По светло-розовому свитеру течет кровь. Я вытаскиваю нож и, отодвинув кожу, начинаю искать маячок. Каждое движение причиняет мучительную боль. Перед глазами все расплывается, но я пытаюсь сосредоточиться и найти зеленый металлический предмет размером с компьютерный чип. Вот он! Я вытаскиваю его.

Хлопок!

Держа маячок в левой руке, правой кручу головку, настраивая год, месяц и день.

— Ирис!

У меня чуть не останавливается сердце. Мне даже не нужно оборачиваться. Я знаю этот голос. Это Индиго.

— Ирис, прекрати убегать! — Он бежит ко мне с электрошокером. В его глазах читается грусть. И сожаление. — Я не хочу...

Я отталкиваюсь от стены, прижимая к себе окровавленную руку. Меня качает из стороны в сторону. Никогда не чувствовала себя настолько дурно.

— Тебе и не придется, — говорю я.

Бросаю покрытый кровью маячок к его ногам и закрываю часы.

Глава 19

Я сваливаюсь на улицу. Слезы градом катятся по щекам, но я не пытаюсь их остановить. Рука кровоточит, а тело болит так, как будто его пытали на дыбе. Делаю короткие, неглубокие вдохи и выдохи, пытаюсь отдышаться.

В каком я времени? Мне нужно это узнать. Нужно попасть в больницу. Я теряю слишком много крови.

Поднимаюсь с земли и, спотыкаясь, выхожу на Тремонт-стрит. Мимо рысью пробегает лошадь, запряженная в экипаж. Лошади? Значит, я переместилась не слишком далеко? В этот момент мимо со свистом проносится машина, «форд Т» старой модели. А потом еще один.

Значит, я в двадцатом веке. В начале двадцатого века. В двадцатых годах. Или в тридцатых. Я не знаю. Мне тяжело дышать.

Невдалеке от меня стоит мужчина в белом переднике мясника, который прибивает на стену табличку с ценами на свою продукцию. В витрине магазина висят тушки мертвых животных без шкуры. Я подхожу к нему — он вскрикивает и роняет молоток.

— Мисс, вы в порядке? Давайте я помогу вам! — Мужчина хватается за талию, и мне приходится приложить все усилия, чтобы не отключиться в его руках.

— Какой сейчас год? — шепчу я.

— Тихо, молчите. Роджерс! — кричит он мужчине, который стоит чуть дальше. — Помогите мне! Этой девушке нужна помощь!

— Какой сейчас год? — снова спрашиваю я.

— Тысяча девятьсот двадцать первый. Что с вами произошло? На вас напали? Вы можете описать нападавшего? Где еще у вас болит?

— Какой сейчас день? — шепчу я. У меня кружится голова. Перед глазами все расплывается.

— Четвертое мая, — отвечает мясник.

К нам подбегает другой мужчина и, взглянув на меня, вскрикивает.

— Господи, ее ударили ножом!

Четвертое мая тысяча девятьсот двадцать первого года.

— Ей нужно в больницу! — говорит мясник. — Останови машину. Мы отвезем ее в Массачусетскую центральную больницу.

Больница. Мне нужно в больницу. Но не в тысяча девятьсот двадцать первом году. Мне нужна кровь. Я теряю слишком много крови. Не знаю, могут ли они переливать ее как в настоящем.

— Отпустите меня, — шепчу я, отстраняясь от мужчины. Папки и записная книжка начинают выскользывать из рук, поэтому я крепче прижимаю их к груди.

— Давайте я их подержу, — предлагает второй мужчина. Он хватается за папки и записную книжку и пытается забрать их у меня, но я не даю.

— Нет! — хриплю я. У меня кружится голова. И такая слабость. Из раны на руке течет кровь. — Мне нужно идти.

— Мы отвезем тебя в больницу, — говорит первый мужчина. Он берет меня на руки и куда-то несет. Я продолжаю прижимать к себе папки.

— Отпустите меня! — едва шепчу я. Каменная мостовая расплывается перед глазами. Мне нужно убираться сюда. Скоро я отключусь. Если упаду в обморок здесь, то можно считать меня мертвой.

Папки крепко прижаты к моей груди, и я чувствую очертания часов. Просовываю одну руку под документы, мизинцем хватаюсь за подвеску и передвигаю ее, а потом открываю крышку и поворачиваю головку на один полный оборот вперед. Шестьдесят лет. Значит, меня перенесет в тысяча девятьсот восемьдесят первый год. В каком году начали делать переливание крови? Я не знаю.

Я продолжаю крутить головку, пытаюсь одновременно считать обороты. Перед глазами появляются черные пятна. Кажется, теперь я настроила часы так, чтобы вернуться в год, предшествующий настоящему. Но я не уверена. Теперь нужно избавиться от этих мужчин, чтобы я могла исчезнуть.

— Вы должны меня отпустить, — шепчу я.

Но он не слышит меня.

— Пожалуйста, сэр. Вы должны отпустить меня.

Мужчина даже не смотрит на меня. Может, я говорю про себя? Может, эти слова крутятся только в моей голове?

Мне нужно уходить. Я начинаю терять сознание.

— Простите. — Я открываю часы.

Боль ослепляет меня. Я не смогу ее вытерпеть. Это слишком. Я отключаюсь. Улетаю. Со мной все кончено.

***

Открыв глаза, обнаруживаю, что лежу в стерильной светло-зеленой комнате с

линолеумом на полу. В руке торчат две капельницы, одна переливает кровь в мое тело, а другая наполняет его витаминами. На мне больничный халат. Я вскрикиваю и сажусь. В каком я году? У меня получилось? Осматриваю комнату. Я лежу в больничной кровати. Я в больнице. Где мои папки?

В этот момент входит медсестра.

— Милая, тебе нужно лечь, — строгим голосом говорит она. — Сейчас же! Ты потеряла много крови.

— У меня были папки. Где они?

— Тебе нужно лечь. — Она берет меня за плечи и опускает на подушку. Несмотря на удобу и костлявость, у нее сильные руки. При других обстоятельствах я мы оттолкнула ее и сбежала, но не сегодня.

— Папки...

— Они здесь. — Медсестра показывает на маленький деревянный столик в нескольких метрах от кровати.

Я облегченно выдыхаю. Они в безопасности. Как только женщина уйдет, я заберу их и сбегу.

— Тебе не хочется узнать, как ты здесь оказалась? — спрашивает она, уперев руки в бока.

Я качаю головой. Не особо. Главное, что меня зашили и перелили кровь. Теперь я готова снова исчезнуть.

— Тебя привезла скорая помощь, — строгим голосом говорит медсестра. — Ты была найдена посреди Тремонт-стрит с глубокой раной в руке. Что с тобой случилось?

— Я не знаю, — бубню я. *Господи, да свали ты уже!*

— Как тебя зовут?

Как меня зовут? Отличный вопрос. Уж точно не Ирис. Может быть, снова Аманда, но ей я этого не скажу.

— Джейн Смит.

Медсестра приподнимает бровь.

— Мы обсудим это позднее.

Она не успевает закрыть дверь, как я убираю капельницу с витаминами, но оставляю вторую. В мешке еще есть кровь. Подожду, когда он опустеет, и тогда сбегу.

Капельница висит на передвижной стойке, поэтому я встаю с кровати и двигаю ее в сторону столика. Хватаю папки и записную книжку и перекладываю их на кровать. Моя подвеска тоже здесь. Надеваю ее и прячу под больничный халат.

Для безопасности засовываю записную книжку Альфы в папку с именем дедушки и открываю досье отца.

Я не ожидала того, что увидела. Это, наверное, просто сон. Станный и жуткий сон.

Митчелл Оберманн. Дельта из второго поколения Стражей времени.

Родился первого мая. Убит второго ноября.

Убит.

Вся информация о его миссиях находится в этой папке. Я открываю последнюю, в Далласе, и вскрикиваю. Передо мной лежит отчет о смерти отца. Это все, что я хотела знать. Отчет написан Альфой на следующий день после того, как он был убит.

Имя составителя: Альфа

Ход событий: Поздней ночью, 2 ноября, маячок Стража времени Дельты перестал

подавать сигнал. Нам удалось отследить его в Далласе, Техасе 22 ноября 1963 года. В день убийства президента Джона Ф. Кеннеди у него не было никаких миссий.

У меня перехватывает дыхание. Отец пытался остановить убийство Кеннеди?

Стражу Бете было поручено оценить ситуацию и сопроводить Дельту в штаб Стражей до того, как он успеет вмешаться и изменить ход американской истории.

Почему Альфа сам не пошел за ним? Не понимаю.

Примерно в час дня Страж Бета прибыл в штаб с телом Дельты, который был убит выстрелом в грудь с близкого расстояния. Я сразу же выслушал отчет Беты.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Бета прибыл в 1963 год и в 12:15 обнаружил Дельту перед входом в Техасское школьное книгохранилище. Дельта сообщил ему, что работает под прикрытием по личному поручению президента Клинтона. Его задачей было остановить убийство Кеннеди. Я заранее уведомил Стража Бета, что это несанкционированная миссия. Бета приказал Дельте сложить оружие и вернуться в настоящее.

Дельта отказался подчиняться приказу, Бета попытался принудить его к этому силой. Дельта отбросил Бету на тротуар и исчез в здании книгохранилища. Бета начал преследование. На лестничной площадке шестого этажа Бета приказал Дельте сложить оружие и сдаться. Дельта отказался, и Бета выстрелил ему в грудь. Смерть Дельты наступила мгновенно.

Я роняю папку на кровать и у меня начинают трястись руки. Отец был убит одним из Стражей. Бетой, который тоже сейчас мертв. Я попыталась проанализировать прочитанное. Значит, отец работал под прикрытием. Или действовал по собственному желанию.

Вопросов больше, чем ответов. Я ничего не понимаю. Это все не имеет никакого смысла.

Неожиданно за моей спиной открывается дверь. Я быстро закрываю папку и поворачиваюсь, чтобы попросить медсестру оставить меня одну, как слышу странный хлопок, от которого у меня замирает сердце. Так не должно быть. Раздаются шаги, и в комнату входит человек. Это не медсестра.

Это Еллоу.

Глава 20

Я забираюсь на кровать и снимаю капельницу.

— Что ты тут делаешь? — Быстро вскакиваю с другой стороны кровати и бегу к окну.

— Если ты планируешь выпрыгнуть, то оно не открывается, — говорит Еллоу. Ее голос ровный и спокойный, как море во время штиля.

— Как ты меня нашла?

Еллоу пожимает плечами.

— Это было довольно легко. После того, как ты столь драматично бросила маячок к ногам Индиго, мы поняли, что тебе понадобится медицинская помощь и что ты, скорее всего, будешь искать ее во времени ближе к настоящему. Поэтому мы просто просмотрели данные о всех травмах рук в центральных больницах за последние несколько лет. Довольно много неудачных попыток, но все-таки мы нашли тебя, — с самодовольным видом склонив голову, отвечает она. — А теперь я собираюсь вернуть тебя назад.

— Не думаю. — Мне нужно достать свою цепочку, и тогда все будет в порядке.

Не успеваю я даже пошевелиться, как Еллоу бросается на меня. Я хватаю ее за плечи, разворачиваю и со всей силы бросаю на стену. Она вскрикивает, падает и откатывается. Я

резко поворачиваюсь, но перед глазами вспыхивает свет. Я пытаюсь сохранить равновесие, и в этот момент Еллоу пинает меня каблуком прямо в солнечное сплетение.

Я опускаюсь на колени и скрючиваюсь от боли. Комната кружится. Я не могу отличить потолок от пола. Со стоном пытаюсь подняться, но надо мной склоняется Еллоу.

— Подчинись. Подчинись, и все будет нормально. Продолжишь драться, и я... — У нее не получается договорить, потому что я впечатываю правую ладонь прямо в ее нос.

Еллоу вскрикивает и сгибается по полам.

— Мой нос! — вопит она. — Клянусь Богом, если ты сломала мне нос, я убью тебя. Я убью тебя!

Кто-то начинает тарабанить в дверь.

— Открой! — кричит медсестра. — Сейчас же открой!

Я смотрю на дверь. Шпингалет сломан. Его сняли. Возле двери лежит дешевый электрический гайковёрт. Я перевожу взгляд на Еллоу. Она улыбается и кивает, а потом неожиданно снова бросается на меня. Я не успеваю уклониться. Еллоу роняет меня на пол и вытягивает мои руки над головой. Свежезащитая рана вспыхивает болью. Из носа Еллоу течет кровь прямо на бежевый кашемировый свитер. Я пытаюсь поднять руки, но она слишком сильно прижимает их к полу. Сейчас я гораздо слабее ее. Пытаюсь перевернуться, но все зря.

Медсестра три раза громко стучит в дверь.

— Скажи ей, что все в порядке, — приказывает Еллоу.

— Думаешь, она поверит и уйдет? — тяжело дыша, говорю я. У меня кружится голова.

— Хорошо, как знаешь. Вытаскивай свою цепочку. Мы отправляемся домой.

— Я никуда не пойду. Они все обманывали меня. Я одна из вас, Еллоу. Я была рождена с этим.

На лице Еллоу появляется недоуменное выражение, и она еще сильнее прижимает мои запястья к полу. Это очень больно.

— О чем ты говоришь?

— Мой отец был Дельтой.

— Заткнись! Ты лжешь!

— Нет! Вся информация содержится в папках на кровати. Вся! Мой отец был Дельтой, а дедушка Четвертым. У меня есть генетическая связь и всегда была. Альфа обманывал меня. Зета обманывал меня. Все обманывали меня.

— Я сказала заткнись!

— Иди и почитай! — У меня кружится голова. Еллоу так крепко прижимает мои руки, что они начинают неметь. — Иди и посмотри сама. Вся информация здесь, в этих папках.

— Отличная попытка, — говорит Еллоу. — Я отпущу тебя, чтобы изучить данные, и ты сразу же попытаешься задушить меня.

— Нет.

— Ага, так я и поверила тебе. Я знаю, что произошло. Альфа рассказал нам. Эксперимент провалился, потому что ты слабачка, которая перепугалась и сбежала, когда он тебе все рассказал.

— Не было никакого эксперимента, Еллоу!

Стук в дверь становится еще сильнее.

— Немедленно открой! — кричит медсестра. — Открой, или охрана сломает ее. Она уже здесь!

— Где твоя цепочка? — спрашивает Еллоу. — Я возвращаю тебя назад. Начхать на папки.

— Цепочка под больничным халатом. Тебе придется отпустить меня, чтобы я могла достать ее, — с улыбкой отвечаю я.

Еллоу опускает взгляд на мою грудь, и я вижу момент, когда она понимает, что я права.

— Черт!

Раздается тяжелый удар в дверь. Они и правда начали ломать ее.

— Прочитай досье, которое лежит сверху. На нем написано «Дельта». А потом загляни в мое.

Еще один сильный удар.

— Дверь долго не выдержит, — говорю я.

Еллоу неохотно отпускает меня, а потом вскакивает и подбегает к кровати. Я поднимаюсь, раздумывая над тем, как поступить: напасть на нее или достать подвеску и исчезнуть. Но я не делаю ничего из вышперечисленного.

Вместо этого я наблюдаю за Еллоу. Мне хочется, чтобы кто-то еще знал правду.

Она держит в руках две папки и смотрит то в одну, то в другую.

— Это не может быть правдой. Не может быть.

Снова удар в дверь, и... она ломается.

Еллоу разворачивается и потрясенно смотрит на меня.

— Нам нужно уходить!

— Я никуда с тобой не пойду. — Я вытаскиваю цыпочку и открываю крышку.

Еллоу поднимает руку.

— Не уходи! Подожди меня!

— Что?

Еллоу хватается все папки и записную книжку, а потом настраивает свои часы.

— Переместись на месяц назад вместе со мной.

— Что?

— Мне нужно время, чтобы разобраться! — Еще один удар. Дверь падает, и в палате появляются два крепких охранника, а за ними медсестра с красным от гнева лицом.

— Один месяц! — выкрикивает Еллоу. Она закрывает часы и исчезает — вместе с моими папками!

Охранники и медсестра замирают и смотрят на пустое место, где раньше стояла Еллоу, а потом переводят взгляды на меня.

— Простите. — Я знаю, что им сейчас гарантировано второе потрясение, но мне нужны папки. Мне еще многое нужно узнать. Поэтому я настраиваю часы на месяц назад и закрываю крышку.

Тело пронзает боль, но она длится совсем недолго. Через секунду я стою в той же самой больничной палате.

— Наконец-то! — шепчет Еллоу, кивая на кровать, на которой спит очень пожилая женщина. — Скажи, что ты не подделала эту информацию.

— Что?

— Ты ведь не подделала досье?

— Когда бы, черт возьми, я успела это сделать? Да и зачем мне это?

— Значит, это правда? Твой отец и дедушка на самом деле Стражи времени?

— Судя по всему, да. Послушай, я так же потрясена этим фактом, как и ты. Но в Страже

времени что-то происходит, что-то, о чем они явно не рассказывают нам. И это связано с Альфой. Я думаю, что все это было задумано с целью заставить меня убить Ариэля Стендера.

— Кто такой Ариэль Стендер?

— Он создал это. — Я показываю на часы, которые висят у меня на шее. — Альфа послал меня в прошлое, чтобы я попыталась убедить его не добавлять генетическую связь или убить его, если он не согласится. Я не стала этого делать. Я вернулась, чтобы рассказать ему, что провалила миссию, и нашла эти папки. Альфа все это подстроил. Но я не знаю почему.

Еллоу потрясенно открывает рот.

— Потому что Альфа не может проецироваться.

У меня сжимается желудок.

— Что значит, Альфа не может проецироваться?

— Нет, ну ты правда такая дура? Ты никогда не задумывалась, почему он не участвует в миссиях?

Я даже не обращаю внимание на ее оскорбление.

— Серьезно? Альфа не может проецироваться?

— Нет. Он правительственный представитель, который осуществляет надзор над нами. У него нет генетической связи, он наблюдает за тем, чтобы мы честно выполняли миссии. То же самое и с Редом.

— Подожди, *Ред* не может проецироваться? — Чувствую себя так, словно меня ударили.

— Боже, как же долго до тебя доходит! Реда обучают, чтобы он потом занял место Альфы. Он стажер.

Пожилая женщина на кровати начинает шевелиться, но не просыпается. Я понижаю голос до шепота.

— Уверена, это произойдет очень скоро! Думаю, Альфу заставляют уйти на пенсию, вот почему он неожиданно решил втянуть меня во все это.

Еллоу качает головой.

— Это не имеет никакого смысла. Если у тебя всегда была генетическая связь, то почему ты росла вне этого?

В этот момент я понимаю, что *знаю* ответ на этот вопрос. Это похоже на череду воспоминаний, которые вспыхивают перед глазами умирающего человека. Голову наводняют картинки, и все о моей маме.

Мне пять лет. Мы в парке, я качаюсь на качелях, пытаюсь дотянуться до неба. Мама толкает меня так сильно, как может. Это был один из ее депрессивных дней, но тогда я была слишком мала, чтобы понимать это, и думала, что чем выше раскачиваюсь, тем лучше. Мы уже побывали в библиотеке, в игрушечном магазине; поели мороженое и больше часа провели в отделе с товарами для рисования. В багажнике джипа лежат два новых холста, один из них для меня. А сейчас мы находимся в парке.

Неожиданно подходит какая-то женщина и начинает разговаривать с нами. Я не помню, о чем именно. Но помню реакцию мамы. Она толкает женщину на землю и сдергивает меня с качелей, а потом кричит, чтобы та никогда больше не заговаривала со мной, чтобы убиралась из Джерихо ко всем чертям и никогда не возвращалась. После этого мама тащит меня домой. Я спрашиваю ее, кто эта женщина, и она отвечает:

— Она плохой человек. Очень плохой. Держись от нее подальше.

Мне девять лет. Я иду домой со школы, когда возле меня останавливается белый минивэн. За рулем сидит мужчина.

— Твоя мама заболела, — говорит он мне.

Я продолжаю идти.

— Твоя мама действует не в твоих интересах. Ты находишься не там, где следует.

Я бегу. Быстро. Пересекаю парк, в котором нет дороги. Минивэн тормозит у ворот, не пытаюсь преследовать меня по мокрой потрескавшейся пешеходной дорожке. Тогда я подумала, что это социальный работник, вызванный одним из всезнающих жителей Джерихо, чтобы забрать меня у мамы.

Но это было не так.

Мне четырнадцать лет. Я получаю письмо из Пила. Мама запирается в туалете. По коридору до моей комнаты доносятся ее плач и стоны. Я разбираю некоторые отрывки фраз.

«Они не могут». «Она погибнет». «Они заберут ее».

В то время я думала, что мама просто ведет себя как моя мама. Эмоционально нестабильно. Но это не так. Теперь я понимаю. Это не так. Она знала о Страже времени. Отец, вероятно, рассказал ей, чем он зарабатывал на жизнь. Она знала, что он погиб во время миссии, но сомневаюсь, что была в курсе всей правды.

Но я знаю правду. И знаю, что мама всю жизнь пыталась оградить меня от той же участи. Она понимала, что если я уеду в Пил, то окажусь в Страже времени. А я с презрением отнеслась к ее словам и все равно уехала. Я решила сама выбрать свою судьбу и бросила очень больную женщину. Я ужасный человек.

Когда это все закончится, я вернусь в Вермонт и все исправлю. Я помогу ей выздороветь, и мы снова будем вместе.

Еллоу смотрит на меня с широко открытыми глазами, все еще ожидая ответа на вопрос.

— Это из-за моей мамы, — отвечаю я, потирая виски. Я обвиняла ее. Обвиняла во всем за годы, когда я думала, что она любит свои драгоценные картины больше, чем свою дочь. Но мама защищала меня. — Она скрывала меня от Стражи. Или, по крайней мере, пыталась. Но вы все равно, в конце концов, меня заплучили.

Еллоу грустно произносит, глядя себе под ноги:

— Я не могу поверить в это. Они и нам лгали. Мой *гребанный* отец обманывал меня.

Я в ужасе смотрю на нее.

— Ты ребенок Альфы? — громко спрашиваю я. Пожилая женщина начинает ворочаться.

— Что? Нет, — шепчет Еллоу. — У Альфы нет детей. Мой отец — Зета.

— Зета! Нет, это невозможно. Зета — отец Индиго.

— Да, он мой брат.

Еллоу и Индиго брат и сестра? Почему я об этом не догадалась?

— Верни мне папки. — Я протягиваю руку. — Мне нужно узнать, что еще они скрывают от меня.

Еллоу отдает их мне. Пожилая женщина всхрипывает и машет руками.

— Нам нужно уходить, — тихо произносит Еллоу, потирая ладонями предплечья. — У меня большие неприятности. Я снова спроецировалась в прошлое. Этого не должно было произойти. Ред следит за мной. Он, наверное, думает, что я проверяю другую зацепку, но Альфа все поймет. И тогда они придут за мной.

— Так возвращайся, — пожимаю плечами я. — Отпусти меня и возвращайся.

Еллоу качает головой.

— Я хочу знать, что ты планируешь делать.

— Не знаю, но Альфу нужно остановить. Он пытался заставить меня убить ни в чем неповинного мужчину, как... — *Как моего папу*. Мои руки покрылись мурашками. Отец тоже был невиновным? Альфа его подставил? Я многое не знаю, но мне предстоит еще все узнать.

— Как... что? — спрашивает Еллоу.

— Ничего.

— Послушай, я не собираюсь возвращаться назад, если ты планируешь проникнуть в Зал Стражей посреди ночи и всех убить.

— Эй, ты и правда думаешь, что я психопатка? Я не собираюсь никого убивать. Я собираюсь... не знаю. Может, собрать доказательства и пойти с ними в Министерство обороны?

У Еллоу округлились глаза.

— Ты не можешь этого сделать.

— Конечно, могу. Нужно только собрать...

— Нет, ты не можешь. Альфа, должно быть, предвидел, что ты попытаешься сдать его властям. Мы уже спроецировались в прошлое. Мы изменили его. Ты не можешь...

О чем она говорит?

— Может, ты уже прекратишь свой словесный понос и все расскажешь?

— Ты в списке особо опасных разыскиваемых преступников, — говорит Еллоу, и я вздрагиваю. — В списке, который не вывешивают в почтовых отделениях и доступ к которому есть только у небольшого количества людей. Как только ты появишься в округе, с тобой будет покончено.

Мое тело становится невесомым. Я приняла поспешное решение и убежала, а теперь никогда не смогу вернуться. Потому что я *в розыске*.

— Еллоу, возвращайся в настоящее и оставь меня одну. Я разберусь.

— Я не вернусь. Я же сказала, они поймут, что я самовольно спроецировалась.

— Скажи, что проверяла другую зацепку!

Еллоу вздыхает и подходит к лежащей на кровати пожилой женщине. Рядом с ней на столике стоит полиэтиленовый пакет. Еллоу берет его, открывает и передает мне какой-то балахон в цветочек и пару тапочек.

— Надень.

Я сжимаю зубы.

— Я не собираюсь воровать одежду у пожилой женщины.

— Надень, — рычит она. — Через пару минут здесь будет кто-нибудь из Стражи. Ты хочешь, чтобы все закончилось, даже не начавшись?

Я фыркаю, но понимаю, что она права. Натягиваю через голову балахон и только потом из-под низу снимаю больничный халат. Как только я просовываю ноги в тапочки, Еллоу хватает меня за руку и тащит к двери.

— Еллоу, что ты делаешь? — сердито шепчу я и бегу за ней по коридору. Она останавливается, только когда мы спускаемся по лестнице и оказываемся в отделении скорой помощи. Вокруг снуют люди. Доктора, медсестры, пациенты. Еллоу идет мимо них так, как будто она одна из них. По пути она открывает занавески, за которыми проверяют степень повреждения пострадавших. За одной из них скрывается девочка со сломанной рукой. За другой — хрипло дышит пожилая женщина. Отодвинув еще одну занавеску, мы

видим доктора, который накладывает швы на порез на голени подростка.

— Кто вы? — недовольно бурчит молодой доктор с усталыми, воспаленными глазами. Наверное, он ординатор.

— Простите! — говорит Еллоу. — Мы ошиблись. Мы ищем мою маму. — Доктор отворачивается, и Еллоу крадет с передвижного столика скальпель. Я вопросительно смотрю на нее, но она засовывает его в рукав, выводит меня на улицу и только после этого отпускает мою руку.

— Вырежь его, — произносит она, вручая мне скальпель и протягивая руку.

— Что?

— Маячок. Вырежь его. — У нее трясется рука, и скальпель качается перед моим лицом, как флаг, развивающийся на ветру.

— Я не собираюсь ничего вырезать. Я хочу, чтобы ты оставила меня в покое. Возвращайся в настоящее, Еллоу.

— Нравится тебе это или нет, но мы теперь союзники. Альфе удалось убедить всех, что ты пытаешься покончить со Стражей времени.

— Так вернись и объясни, что это не так.

— Ты не понимаешь, какая там сейчас ужасная обстановка, Ирис. Альфа всех изолировал. Повсюду стоят камеры. Все думают, что ты опасна. Даже мой отец.

Я качаю головой.

— Почему я должна верить, что твой отец с самого начала не был вовлечен в этот план? Он ведь тоже знал моего папу.

— Я не в курсе, что он знал. — Еллоу садится на скамейку и опускает голову на ладони. — Я не знаю. Может, ты и права. Может, мой отец обо всем знал. Я не знаю, кому теперь доверять. Вот почему я не могу вернуться. Поэтому я остаюсь, и ты сейчас вырежешь этот чертов маячок из моей руки. Это будет мое послание. Маячок будет деактивирован, и они поймут, что я больше не марионетка. Это напугает их.

— Или они решат, что я убила тебя, и только убедятся в правильности своих действий.

Еллоу снова вытягивает руку.

— Вырежи. Быстрее. Или я сделаю это сама.

— Еллоу...

— Давай, Ирис!

— Тебе будет нужна медицинская помощь. Как ты ее получишь, если Стража времени и так уже отслеживает всех девочек-подростков с травмами руки за последние сколько-то лет? Тебя поймают.

Еллоу не отвечает и только прикусывает нижнюю губу, поэтому я не знаю, что она думает по этому поводу.

— Мы вернемся во время, когда еще не было записей, — говорит она. — Нас не поймают, если мы спроецируемся на много лет назад.

— Но тогда ты можешь умереть от потери крови.

— Одна тысяча восемьсот двенадцатый год, — говорит Еллоу. — Сегодняшняя дата в одна тысяча восемьсот двенадцатом году. Настрой часы.

— Еллоу, это нелепо. Я не собираюсь...

Раздается хлопок!

Мы с Еллоу вскрикиваем и оборачиваемся. В нескольких шагах от нас, возле входа в больницу стоит Орэндж. Увидев нас, он прищуривается.

— Еллоу, — кричит он. — Что, черт возьми, ты делаешь?

Еллоу смотрит на меня с паникой в глазах.

— Давай, сделай это!

Я нащупываю пальцами часы и поворачиваю головку на необходимое число оборотов, молясь о том, чтобы не ошибиться.

Еллоу захлопывает кулон и с хлопком исчезает из виду.

— Нет! — вопит Орэндж, а потом смотрит прямо на меня. — Не смей.

— Не верь всему, что тебе говорят. — С этими словами я проецируюсь в одна тысяча восемьсот двенадцатый год.

Глава 21

Я приземляюсь на пустующий участок земли, на котором однажды построят Массачусетскую центральную больницу.

— Шестьдесят секунд, — вскрикивает стоящая рядом со мной Еллоу. — Это все, что у нас есть. Сейчас уже пятьдесят секунд. Вырезай, и мы снова спроецируемся!

— Это безумие, Еллоу, куда ты собираешься проецироваться?

— Сорок пять секунд!

Я выхватываю у нее скальпель.

— Черт с тобой! Давай свою руку и сжимай зубы!

Еллоу упирается ботинками в землю и отворачивает голову.

— Давай.

Я делаю глубокий вдох и вонзаю кончик скальпеля ей в руку. Она судорожно вздыхает, но молчит. Но когда я погружаю его глубже, Еллоу кричит. Ее вопль эхом разносится по всему Бостону. Я делаю ей больно. Я вздрагиваю, но... вот он! Лезвием вытаскиваю из разреза маленький зеленый чип. Рана выглядит гораздо аккуратнее и чище, чем та, что я сделала сама себе. Подходящий медицинский инструмент был бы сейчас совсем не лишним.

— Пять секунд, — тяжело дыша, ошеломленно произносит Еллоу.

— Готово!

Я хватаю ее часы и делаю пол оборота назад. Мои руки испачканы кровью, а ногти стучат по циферблату. Вытираю ладони о платье пожилой леди и настраиваю свои часы.

— Вот и все. Мы проецируемся в одна тысяча семьсот восемьдесят второй год. Прости.

Теперь нас окружает еще меньше зданий, чем до этого. Одна тысяча семьсот восемьдесят второй год. Пытаюсь вспомнить уроки истории. Сейчас все еще идет революция? Черт, неужели мы попали в самое пекло беспорядков? Мне следовало быть внимательнее и осторожнее.

Однако вокруг никого нет. Судя по положению солнца, сейчас очень раннее утро. Позади меня ворчит Еллоу. Она сняла свитер и обвязала его вокруг руки как жгут, но кровь все равно капает на футболку и серую бархатную юбку.

— Очень больно, — задыхаясь, произносит она.

Мне хочется сказать, что в этом лишь ее вина, но я молчу.

— Пошли. — Хватаю ее за плечо и веду через пустующий участок земли в сторону старого здания Капитолия. Нам нужно найти людей.

Еллоу спотыкается и падает на колени. Я поднимаю ее и неожиданно замечаю вдалеке парня, который сидит на лошади, запряженной в повозку. Ему не больше двенадцати — тринадцати лет.

— Помоги! — кричу я ему. — Помоги, пожалуйста!

Мальчик поворачивает голову и, увидев нас, направляет повозку в нашу сторону.

— Держись, Еллоу, он едет. — Она снова спотыкается, но я хватаю ее под локоть и поднимаю.

Чем ближе подъезжает мальчик, тем более удивленным становится его лицо. И это можно понять. На мне измазанный кровью балахон пожилой женщины, а на Еллоу мини — юбка. Одежда явно не в колониальном стиле. А потом он опускает взгляд на руку Еллоу, и у него округляются глаза. Наша одежда моментально отходит на второй план.

— Нам нужен доктор, — говорю я ему.

— Кто вы? — с ужасом в голосе спрашивает он.

— А это имеет значение? — рывкаю я, помогая Еллоу залезть в повозку, а потом запрыгиваю сама. — Пожалуйста, отвези нас к доктору.

Мальчик оглядывается на нас, а потом хватается за поводья, и лошадь начинает двигаться в сторону порта.

Еллоу сидит, согнувшись, и баюкает свою руку.

— Как ты? — спрашиваю я.

— Больно, — шепчет она. Должна сказать, Еллоу выглядит лучше и увереннее, чем я тогда. Понятное дело, ведь из ее руки я вырезала маячок аккуратнее, чем из своей. Я была более осторожной. И не задела ни одной артерии в процессе.

Через несколько минут мы проезжаем по улице, на которой однажды будет работать очень много баров, и мимо Общинного центра, очень примитивного варианта Фанел — холла — сложно поверить, что через много лет он станет туристической Меккой. Наконец, мальчик останавливается возле обшитою дранкой двухэтажного дома.

— Здесь живет доктор Хэтч, — говорит он.

Я спрыгиваю с повозки.

— Спасибо. — Помогаю спуститься Еллоу, после чего поворачиваюсь к нашему спасителю. — Доктор дома?

Парень пожимает плечами. Судя по выражению лица, он нас боится. Мальчик отводит взгляд, хватается за вожжи и трогается с места.

Еллоу отодвигает свитер, чтобы осмотреть рану.

— Кажется, кровотечение замедлилось.

Она права. Кровь все еще течет, но уже не льется как до этого. Да и Еллоу выглядит вполне нормально и вроде не собирается падать в обморок, в отличие от меня. Но, наверное, использовать кашемир как жгут было не самой лучшей идеей. Крохотные пушистые ворсинки теперь смешались с кровью.

— Может, оставить как есть? — спрашивает она.

Я снова смотрю на ее руку и качаю головой.

— Порез слишком глубокий, — говорю я и стучусь в дверь. — Он не заживет без швов.

Еллоу кивает.

Через несколько секунд дверь открывается, и перед нами появляется невысокий мужчина. Он практически одного роста с Еллоу. На нем белая рубашка с широкими пышными рукавами, коричневые шорты, белые гольфы и черные туфли с большими пряжками.

— Вы доктор Хэтч? — интересуюсь я.

— Да. — Он внимательно осматривает Еллоу с головы до ног отстраненным, недоверчивым взглядом.

— Нам нужна ваша помощь, сэр. Мою подругу... ударили ножом. В руку. Вы не могли бы зашить порез?

Доктор еще раз осматривает Еллоу, задерживая взгляд на ее суперкороткой юбке.

— Нет. — С этими словами он делает шаг назад и захлопывает перед нами дверь.

Я потрясенно отступаю. Не могу в это поверить. А как же клятва Гиппократата? Это что, ерунда? Я смотрю на Еллоу, ожидая увидеть на ее лице такое же отвращение и ужас, но она только грустно качает головой.

— Доктор Хэтч! — кричу я, начиная тарабанить в дверь кулаком. — Доктор Хэтч, сейчас же откройте! Вы должны помочь нам.

Через несколько секунд дверь открывается, и перед нами снова предстает доктор Хэтч, с сузившимися от гнева глазами.

— Я знаю, кто вы, — сквозь зубы произносит он. — Вы обе. Я не помогаю обычным шлюхам. Я богобоязненный мужчина.

С этими словами он снова захлопывает перед нами дверь. У меня округляются глаза. Я правильно его расслышала? Шлюхи. Этот придурок только что назвал меня шлюхой.

Я разворачиваюсь и смотрю на Еллоу.

— Это из-за нашей одежды, — говорит она.

Я знаю, но мне наплевать. Поворачиваю дверную ручку и открываю дверь. Передо мной предстает гостиная. В камине в противоположной стороне комнаты горит огонь. Между мной и доктором Хэтчем стоят несколько деревянных стульев и обеденный стол. Увидев меня, мужчина вскакивает.

— Что вы делаете? Убирайтесь из моего дома!

— Нам нужна помощь, — повторяю я, подчеркивая каждое слово. — Я знаю, что вы думаете о нас, но это ошибка. Мы не... те, за кого вы нас принимаете. Мы просто две потерявшиеся девушки... из Филадельфии.

Мне не следовало говорить это. Филадельфия очень далеко от Бостона. Как, черт возьми, две молодые девушки могли приехать одни в Бостон, когда на улице бушует революция? У меня всегда плохо получалось врать с лету, поэтому и оценки по практическим занятиям были низкими.

— Из Филадельфии? — удивленно переспрашивает доктор.

— Да, наши отцы... у них дела в Бостоне... с... — Я только делаю все в десять раз хуже. Мне стоит просто заткнуться. Но вместо этого я пытаюсь вспомнить из уроков истории, кто жил в революционном Бостоне. — С Полом Ревиром¹³!

Еллоу кривит лицо.

— Пол Ревир? — шепчет она одними губами, а потом поворачивается к доктору.

— Сэр, пожалуйста, я порядочная христианка. — Еллоу протягивает руку к горловине футболки и вытаскивает маленький золотой крестик. Но внимание мужчины привлекает подвеска в виде совы.

— Что это? — спрашивает он, показывая на часы Стража.

— Подарок от отца. — Еллоу открывает крышку и показывает циферблат. У доктора мгновенно загораются глаза.

— Я наложу вам швы, но вы отдадите мне часы. Я хочу их в качестве оплаты.

— Ни за что, — усмехнувшись, произношу я. — Дайте мне иголку и нитку, и я сделаю это сама. — Это безумие. Я не имею понятия, как это делать. Но могу попытаться.

— Хорошо, — отвечает Еллоу. — Я соглашаюсь на ваши условия.

Я хватаю ее за здоровую руку.

— Ты сошла с ума?

Не обращая внимания на мои слова, Еллоу снимает подвеску и передает ее доктору. Он берет ее и, внимательно рассмотрев, сжимает в кулаке.

— Я сейчас вернусь. — С этими словами он исчезает за дверью задней комнаты.

— Зачем ты это сделала? — спрашиваю я Еллоу.

Она пожимает плечами.

— Мне все надоело. Хронометрическая аугментация. Стража времени. Меня тошнит от этого. Я всегда считала, что мне стоило родиться в другом времени.

— Ты собираешься *остаться* здесь? Навсегда?

— А почему нет? Мы в одна тысяча семьсот восемьдесят втором году. Я могу сесть на корабль и направиться в Англию. Через несколько лет начнется эпоха Регентства. Мне всегда нравилась Джейн Остин. Кто знает, может, я буду жить в поместье и влюблюсь в графа. Это было бы неплохо.

У меня отвисает челюсть. Я закрываю ее, но он снова падает.

— Ты сошла с ума? Мне стоило знать, что ты одна из тех девушек, которым нравится Джейн Остин только потому, что они прочитали «Гордость и предубеждение» на уроке английской литературы.

В этот момент лицо Еллоу предают ее, и она начинает смеяться.

— Я шучу, дуручка. Но отдать ему подвеску было самым быстрым способом получить помощь. Мы не можем терять время. Каждый час, который мы проводим здесь, соответствует четырем дням в настоящем. Нам нужно убираться как можно скорее. Поэтому, пока меня зашивают, ты иди на улицу, обойди дом, заберись в него с другой стороны и укради подвеску. Поняла?

Дверь открывается, и входит доктор Хэтч. Я качаю головой. Она разыграла меня. Отлично сработано, Еллоу. Если бы я не ненавидела ее так сильно, мы могли бы подружиться.

Доктор несет неглубокий поднос, на котором лежит огромная игла, в которую запросто можно продеть бечевку. Я не слабонервная, но, глядя на эти совершенно примитивные медицинские инструменты, мне становится плохо. Я поворачиваюсь к Еллоу, которая выглядит бледной, как привидение. Тем не менее, она смотрит мне в глаза и дергает головой в сторону задней двери.

— Я подожду на улице, — говорю я, как только доктор берется за иглу. Еллоу устраивается на одном из обеденных стульев и сжимает зубы.

— Не выносите вида крови? — спрашивает мужчина, откручивая крышку с простой стеклянной бутылки, заполненной янтарной жидкостью и вручая ее Еллоу.

— Типа того, — бурчу я, оставляя папки и записную книжку на столе рядом с ней.

— Выпейте, — приказывает доктор.

Еллоу поднимает бутылку и внимательно осматривает ее содержимое.

— Что это?

— Виски. Самое сильное, что у меня было. Вам оно понадобится.

Еллоу оставляет бутылку на стол.

— Со мной все будет в порядке. Просто наложите мне швы, пожалуйста.

Доктор прижимает к руке Еллоу иглу, и я тут же вылетаю на улицу и закрываю за собой дверь, но толстое дерево не может заглушить крик, который вырывается у моей соратницы

по несчастью. Сначала она стонет, как будто пытаюсь сдержаться, а потом начинает громко вопить: «А — а — а — а — а!». Да, ей придется несладко.

Я прижимаюсь спиной к кирпичной стене, чтобы собраться с мыслями. Еллоу издает еще один вопль. Я напрасно трачу время. Нужно действовать. Захожу за угол дома и вижу окно и дверь, которую я пытаюсь толкнуть, но она оказывается заперта. Черт возьми. Это же колониальная Америка. Разве люди не должны быть доверчивыми?

Придется воспользоваться окном. Я пробую поднять стекло, но она не поддается. Боже, какая же я дура. Сейчас одна тысяча семьсот восемьдесят второй год. В то время окна не открывались, мне придется разбить его. Но сначала я прижимаю лицо к стеклу и, заглянув внутрь, вижу маленькую кухню с камином, который также выполняет роль плиты, несколько оловянных ложек и медных кастрюль, которые висят на стене. И все. Кухня совсем крошечная, а в углу находится самая узкая лестница из всех, что я видела. Она ведет на второй этаж.

Мне нужно чем — то обернуть локоть, чтобы приглушить удар. Я оглядываюсь, но не вижу ничего подходящего для этой цели. На улице стоят еще несколько домов, но никто не сушит белье, которым я могла бы воспользоваться, чтобы вломиться в дом соседей. Ужас. Как жаль, что я предусмотрительно не забрала свитер Еллоу, хотя, наверное, подойдет и мой балахон. Я быстро снимаю его через голову и оборачиваю вокруг локтя.

Ну же, Еллоу, закричи снова. Я стою в одном лифчике и грязных старых плавках. Уверена, в это время за подобное сажают в тюрьму.

— А-а-а-а!

Не медля ни секунды, я ударяю локтем по стеклу, и оно трескается. Я ударяю снова, смахивая осколки, чтобы не пораниться, когда буду пролазить. Меньше всего мне нужно порезаться еще сильнее.

Делаю шаг назад и надеваю платье. Одна рука застревает, и я сильно дергаю его, чуть не порвав. Посмотрев на окно, а потом на закрытую дверь, которая ведет в гостиную, я приподнимаюсь и пролажу через окно.

Пол усыпан осколками стекла, поэтому я не могу спрыгнуть. Я сижу на корточках на оконной раме и опираюсь ладонями в стену, чтобы не потерять равновесие. Мне все же придется это сделать. Жду, когда Еллоу снова закричит. Сколько времени нужно для того, чтобы зашить руку?

Но Еллоу молчит. *Я теряю время!* Сделав глубокий вдох, отталкиваюсь от окна и с согнутыми ногами приземляюсь на пол. Мягко, но не слишком тихо, с глухим стуком. Задержав дыхание, смотрю на дверь. Громко или нет?

— А-а-а-а!

Я подпрыгиваю. Прямо в воздух. Сердце колотится так сильно, что я прикладываю к груди руку, будто пытаюсь удержать его на месте. Развернувшись, осматриваю маленькую кухню. Подвески не видно, а мест, чтобы ее можно было спрятать, тут не слишком много. Это же не полностью оборудованная современная кухня с кучей шкафчиков. Она едва ли больше, чем чулан. Доктор, должно быть, отнес подвеску наверх.

В доме все тихо и спокойно. Я поднимаю ногу на первую ступеньку. Она не издает ни звука. Поэтому я отрываю вторую ногу и ставлю ее на следующую ступеньку. Тишина. Медленно начинаю подниматься по лестнице, но когда мне остается преодолеть всего несколько ступенек, раздается *СКРИП!*

Я закрываю глаза. Ну почему на любой лестнице всегда есть хоть одна скрипящая

ступенька? Поворачиваюсь и смотрю на кухню. Скрип был очень громким. Доктор не мог не услышать его. Сейчас он ворвется в дверь и увидит меня.

— Сара! — раздаётся из гостиной его голос. — Возвращайся немедленно в кровать!

Сара? Кто, черт возьми, такая Сара? Я поворачиваю голову обратно и чуть не падаю. На верхней ступеньке лестницы стоит ребенок и пристально смотрит на меня. Ей не больше четырех лет, но она худая, как палка. Ее тощее тело облегает мокрая ночная рубашка, а к ярко — красным щекам прилипли тонкие каштановые волосы. Каждый сантиметр ее тела, не спрятанный под одеждой, покрывает сыпь.

— Кто вы? — тихим и слабым голосом спрашивает она. Девочка явно больна. Я пытаюсь вспомнить уроки истории. Скарлатина? Желтуха? Какая — то лихорадка?

— Сара! — снова кричит доктор.

— Ответь отцу, — шепчу я ей. — Я здесь, чтобы помочь тебе. — Меня охватывает чувство вины за то, что я обманываю ее.

— Хорошо, сэр, — отвечает Сара. У нее такой слабый голос, что я даже не уверена, что доктор ее услышал. После этого она поворачивается и идет по коридору. Я следую за ней.

В коридоре всего две двери и еще одна лестница в самом конце. Сара заходит в первую комнату. Это ее спальня. Крохотная, едва ли больше, чем кухня. В ней находится маленькая кровать, рядом с ней шатающийся деревянный столик, размером едва ли больше, чем стул. На нем лежат травы, лекарства и металлические инструменты, которые выглядят еще хуже, чем те, которые доктор Хэтч сейчас использует на Еллоу.

Сара забирается на кровать, а я поднимаю со стола глиняный горшок и нюхаю его содержимое. Какая гадость! Из него пахнет тухлыми яйцами.

— Кто вы? — снова спрашивает меня Сара.

— Медсестра, — отвечаю я, ставя горшок на место.

— Кто такая медсестра? — Смерть — вот, что крутится у нее на языке. Вся спина девочки, как клубника, усеяна крохотными белыми прыщиками.

— Я здесь, чтобы помочь тебе, — повторяю я, осознавая, что это правда. Я должна помочь Саре. Этот ребенок умирает. Но сначала нужно найти подвеску Еллоу.

На столе ее нет, а кроме него в комнате стоит только маленький закрытый шкаф. Судя по всему, доктор спрятал подвеску в своей комнате.

— Я скоро вернусь, — шепчу я Саре. — Ложись и веди себя, как хорошая девочка.

У нее нет причин слушаться меня, но она делает так, как я сказала, и закрывает глаза. Наверное, ей тяжело держать их открытыми. У меня замирает сердце. Интересно, сколько она уже болеет и сколько еще протянет? Опомнившись, я качаю головой. Сначала подвеска.

— А-а-а-а!

Мне хочется зажать руками уши, чтобы не слышать Еллоу. Но я не могу. Я пробираюсь в коридор и на цыпочках иду ко второй комнате. Дверь закрыта, и я медленно и осторожно поворачиваю ручку. Что если в комнате находится кто — то еще? Что если у доктора есть жена?

Дверь открывается, и заглядываю внутрь. В комнате стоит чуть большая по размеру заправленная кровать и рядом с ней маленькая деревянная люлька. Пустая. Я облегченно выдыхаю и открываю дверь пошире. Возле стены, рядом с дверью, стоит комод, и на краю лежит подвеска. Я хватаю ее и засовываю в карман платья. Это было просто. Хотя, разве сложно найти что — то в негусто обставленном доме размером примерно в пятьдесят квадратных метров?

Я закрываю дверь в спальню доктора и на цыпочках крадусь в комнату Сары. Она слышит, как я вхожу, и открывает глаза. В них читается смесь грусти, страха и смирения. Сара понимает, что умирает. Мое сердце разбивается на мелкие осколки. Я должна ей помочь, но не знаю, что можно сделать здесь, в одна тысяча семьсот восемьдесят втором году.

— Я умру? — спрашивает Сара. Она кашляет так, что трясется все ее тело.

Я молчу.

— Сначала умерла мама, — шепчет она. — А потом Бен. Папа не говорит, но я думаю, что тоже умру.

— Нет, не умрешь.

— Я закончил, — раздается голос доктора на первом этаже.

Это плохо.

— Я достану лекарство, — шепчу я Саре, бросая взгляд на миску с травами рядом с ее кроватью. — Настоящее лекарство. Оно поможет тебе.

На кухне открывается дверь.

— Что это? — кричит мужчина, заметив разбитое стекло. — Сара! — Он начинает подниматься по лестнице, и я вылетаю из комнаты. Подбежав ко второй лестнице, быстро спускаюсь по ней.

— Кто здесь? — уже на втором этаже раздается голос доктора.

Еллоу, откинувшись, сидит в том же самом кресле. Она очень бледная, и от нее несет виски. На полу стоит ведро, наполовину наполненное рвотой. Пытаясь сдержать тошноту, я достаю из кармана цепочку и, сделав два полных оборота на часах, бросаю их Еллоу.

— Я их настроила. Пошли! И заведи папки!

Пока я вожусь с собственными часами, Еллоу надевает цепочку на шею и засовывает папки за пояс. Она пытается встать, но теряет равновесие и падает на пол.

— Цепочка! — со второго этажа ревет доктор. — Она украла ее!

Он начинает спускаться по лестнице. Я бросаюсь к Еллоу, хватаю ее подвеску и закрываю крышку, а потом проделываю то же самое со своими часами.

Мы проецируемся во времени. Я слышу, как кричит Еллоу. Мы приземляемся на улице. Еллоу оглядывается, и на ее лице появляется узнавание.

— В каком мы году?

— В одна тысяча восемьсот девяносто четвертом. — Я опускаю голову, хватаю ее за руку и тяну в переулок, потому что из — за угла появляется полицейский.

Еллоу смотрит на здание из красного кирпича, нависшее над нами и, прислонившись к нему спиной, опускается на землю.

— Это мое время.

— Что?

— Мое время, — говорит она. — Мы все специализируемся на разных эпохах. Я — на конце девятнадцатого века. Здесь я чувствую себя, как дома.

— Вот только мы не собираемся тут оставаться. — Я протягиваю руку, чтобы помочь ей встать, но она отказывается. — Чему равноценен каждый час, который проходит здесь?

— Что — то около двенадцати часам в настоящем.

— Значит, если мы останемся здесь на два часа, то потеряем целый день. Мы не можем себе этого позволить.

— Ну а я не хочу снова проецироваться, — вздыхает Еллоу. — Посмотри. Посмотри, что

он со мной сделал. — Она вытягивает руку, и я в ужасе отшатываюсь от нее. Половину ее предплечья охватывают грубые швы, сделанные толстыми черными нитками. — Я не смогу сейчас проецироваться. Физически. Мне нужно отлежаться хотя бы ночь. Мне наплевать, сколько дней или недель я потеряю. Если я снова попробую спроецироваться, то могу умереть.

Я закрываю лицо ладонями. Перед глазами проносится вся моя жизнь. Когда я вчера покидала настоящее, был ноябрь. Не знаю, сколько точно прошло времени, но в настоящем, наверное, уже промелькнула неделя, а то и месяц.

Я могла бы оставить Еллоу здесь. Мне изначально не хотелось, чтобы она тащилась за мной. Я опускаю на нее взгляд. Она сидит, вытянув перед собой ноги с порванными колготками и испорченной футболкой. Ее юбка покрыта пятнами крови. Из — за меня. Еллоу предпочла покинуть Стражу времени и помочь *мне*. Я не могу отказаться от нее. Это все равно, что оставить раненого умирать на поле битвы. Есть вещи, которые просто нельзя делать.

Я поднимаю указательный палец.

— Одна ночь. Мы разработаем план дальнейших действий и придумаем, как разоблачить Альфу. А теперь скажи мне, мисс Девятнадцатый век, тут есть какой-нибудь отель или ночлежка?

— «Паркер — хаус». Это лучший отель в Бостоне. Я много раз ела у них в ресторане, но ни разу не останавливалась, хотя всегда хотела.

Я морщу нос.

— И как мы за него заплатим? — Когда я убегала, то даже не подумала о том, что мне придется за что — то платить. У меня нет денег. И я не ела весь день. Подумав об этом, я сразу же поняла, что умираю от голода. И очень хочу пить. Такое ощущение, что эти потребности были временно заблокированы адреналином в моей крови.

— Нам нужно поесть, — говорю я, положив руку на живот. — У тебя есть деньги?

Еллоу вытаскивает из кармана двадцать долларов и смотрит на них.

— Этого хватило бы на номер и ужин, но у нас могут быть неприятности. — Она поворачивает банкноту и стучит пальцем по нижнему правому углу, на котором отпечатано «год выпуска 2008».

— Значит, у нас нет денег, — вздыхаю я.

— К тому же на тебе балахон, а на мне вельветовая мини — юбка.

— Ты уверена, что не сможешь спроецироваться?

— Уверена.

— Хорошо. — Я перевожу взгляд на браслет на запястье. Подарок на Хануку от семьи Эйба. Мне так не хочется этого делать, но иногда приходится принимать непростые решения. — Мы можем продать это, — говорю я, тряся запястьем.

Еллоу качает головой.

— Нет, мы не будем его продавать. Это ведь подарок от твоего парня.

— Откуда ты знаешь?

— Когда ты только появилась в Страже времени, то сказала мне, что это подарок. Ну а я предположила, что от парня.

Не могу поверить, что Еллоу помнит то, о чем я когда — то просто упомянула.

— Мы продадим их, — говорит она. — Или, по крайней мере, одну из них. — С этими словами Еллоу снимает бриллиантовую сережку и кладет мне ее на ладонь. — Они стоили

пять тысяч долларов каждая. Сделай это сама, потому что, если мне дадут за сережку сто пятьдесят долларов, боюсь, я упаду в обморок.

Еллоу ведет меня по Вашингтон — стрит и останавливается возле двери, над которой висит вывеска: «Шрив, Крамп и Лоу».

— Собери волосы вверх и притворись парнем. Тогда они дадут тебе более высокую цену.

— На мне балахон в цветочек. Они подумают, что я сумасшедшая.

— Точно. Ну, тогда удачи.

Мужчина за стойкой ювелирного магазина скептически осматривает меня с ног до головы, но как только я достаю бриллиантовую сережку, тут же пересматривает свое отношение. Он пытается задурить мне голову, но в конце концов мы соглашаемся на ста семидесяти пяти долларах. Признаться, я не имею понятия, хорошая ли это цена или меня все — таки надули, но тут уж ничего не поделаешь.

Получив деньги, мы с Еллоу заходим в маленький магазинчик одежды и покупаем платье и обувь хорошего качества, но вышедшее из моды как минимум десять лет назад. Во всяком случае, так говорит Еллоу. После этого мы направляемся в «Паркер-хаус».

При виде вестибюля отеля у меня перехватывает дыхание даже в одна тысяча восемьсот девяносто четвертом году: из мраморного пола к кессонному потолку устремляются множество массивных коринфских колонн, а над головами висят несколько десятков куполообразных люстр. Мы подходим к стойке администратора с готовыми легендами: Еллоу и я — дочери иностранного сановника. Отец послал нас зарегистрироваться в самом лучшем отеле в Бостоне. Но мужчина за стойкой, ничего не спрашивая, передает нам металлический ключ от номера 303. И все.

Наконец-то. Хоть что-то у нас получилось легко.

Комната оказывается маленькой, с комодом, прикроватным столиком и двумя кроватями. Еллоу падает на одну из них.

— Эй, вставай. Я умираю с голода. К тому же, нам нужно придумать план. Отдохнем потом.

Еллоу ворчит, но встает. Я хватаю папки и записную книжку Альфы, и мы спускаемся в ресторан, который уже забит, несмотря на то, что сейчас всего пять часов вечера.

Когда мы устраиваемся за столиком, я оглядываюсь, вроде для того, чтобы убедиться, что нас не подслушивают, но главным образом для того, чтобы посмотреть, где носит этого чертового официанта с булочками. Как только я кладу записную книжку Альфы на стол, Еллоу сразу же хватается ее.

— Она принадлежит Альфе?

— Да. — Я стучу пальцами по столу и снова оглядываюсь. — Я забрала ее из его кабинета. У меня пока не было возможности изучить ее. — Еллоу уже листает записную книжку. — Предстоит еще столько всего узнать. Я только не понимаю, зачем Альфа хотел, чтобы Ариэль Стендер умер?

— Кто такой Ариэль Стендер? — продолжая листать страницы и даже не глядя на меня, спрашивает Еллоу.

— Он изобрел это, — отвечаю я, показывая на часы, которые висят у меня на шее. — Я же говорила тебе.

Я опять оглядываюсь. Где, черт возьми, этот официант?

— Да, но кто он такой? Он входил в состав первоначальной Стражи времени?

— Нет, и Ариэль Стендер все еще жив. Он... он дедушка моего парня.

Еллоу, наконец, отрывает взгляд от записной книжки Альфы и удивленно смотрит на меня.

— Альфа приказал тебе убить дедушку твоего парня?

Я киваю.

— И ты согласилась?

— Нет! Я бы никогда...

В этот момент к нашему столу незаметно подходит официант. *Слав богу!* Еллоу снова опускает голову и листает записную книжку.

— Добрый вечер, леди. — С этими словами он ставит на стол маленькую корзинку с булочками. Мне приходится сдерживать себя, чтобы не наброситься на них. — Вы уже изучили меню?

Я даже не открывала его, так же, как и Еллоу.

— Я буду зеленый черепаховый суп и филе говядины, — не поднимая головы, отвечает Еллоу. — С кровью, пожалуйста. Ах да, еще утку, фаршированную трюфелями в желе.

Я моргаю. Большая часть из того, что она сказала, просто отвратительна на слух. Быстро смотрю в меню, и мне сразу становится тошно. Нашпигованная чем-то поджелудочная железа, почки, баранина, язык. Я бы не смогла жить в одна тысяча восемьсот девяносто четвертом году.

Официант откашливается.

— Мне тоже филе говядины, — говорю я ему. Кажется, это единственная съедобная вещь во всем меню. — Средней прожарки, пожалуйста. — Слишком розовое с кровью... сырое мясо вызывает у меня рвотные позывы.

Официант удивленно поднимает бровь.

— Средней прожарки? Я не понимаю.

Я поворачиваюсь к Еллоу, и она быстро качает головой. В одна тысяча восемьсот девяносто четвертом году люди ничего не слышали о средней прожарке?

— Просто не с кровью. Немного прожаренное.

Не особо внятное объяснение, но официант забирает меню и уходит. Я хватаю корзинку и откусываю сразу половину булочки, даже не заморачиваясь тем, чтобы намазать ее маслом или вспомнить о приличных манерах. Булочки еще теплые, и я запросто могла бы съесть штук семьдесят.

— В общем, понятно, что Альфа что — то задумал. Наша задача — выяснить что и остановить его. Это будет трудно, учитывая то, что я, судя по всему, нахожусь в розыске. Есть идеи?

Еллоу никак не реагирует на мой вопрос. Она с головой ушла в чертову записную книжку.

Я прочищаю горло и хватаю еще одну булочку.

— Эй, я спросила, есть ли у тебя идеи?

Наконец Еллоу поднимает взгляд и озадаченно смотрит на меня.

— Ты читала это?

— Нет, — бурчу я с набитым ртом. Надо было заказать что-нибудь на закуску. — Когда бы я успела? Когда вы охотились за мной? Или когда я очнулась в больничной палате и минуту спустя появилась ты? Или когда я вломилась в дом, чтобы вернуть твою цепочку? А? Когда у меня было время, чтобы сесть и насладиться чтением?

Еллоу качает головой.

— Не стоит быть такой грубой, — произносит она, поворачивая ко мне записную книжку. — Вот записи о наших миссиях. Обо всех. Мне кажется, что Альфа продавал их на сторону.

Я наклоняюсь и вырываю записную книжку у нее из рук. Она открыта на записи, сделанной пятого июля прошлого года.

JL

7.5

— И что навело тебя на такую мысль? — сморщив нос, говорю я.

— Дата. Пятое июля. Я помню эту миссию. Мы с Грином поспособствовали изменению постановления Верховного суда по поводу какого — то закона о перевозках, а потом он попытался облапать меня перед тем, как мы спроецировались, и я хорошенько ударила его по яйцам. Поэтому мне никогда не забыть тот день.

— А что такое 7.5? Разве это имеет какое-то отношение к деньгам?

Еллоу забирает у меня записную книжку и перелистывает в самое начало.

— Вот, смотри. — Она поднимает ее и показывает на страницу с записями.

RF

\$5.75

BB

\$2.8

KP

\$3.0

— Он практически сразу перестал использовать знак доллара. Наверное, потому что это делало все совершенно очевидным, — говорит Еллоу.

Я беру в руки записную книжку и пролистываю несколько страниц. Она права. Знак доллара есть только на первой странице. Я снова возвращаюсь к записи, обозначенной как JL.

— Так что означает 7.5? Семь с половиной миллионов?

— Нет, — качает головой Еллоу. — Тут сотни, тысячи записей. Альфа не может получать по несколько миллионов долларов с каждой миссии. Тогда бы он уже был миллиардером. А у него точно нет таких денег. Может, семь с половиной тысяч долларов? Или семьсот пятьдесят баксов?

— А кто такой JL?

Еллоу пожимает плечами.

— Полагаю, что зашифрованное имя человека. Сомневаюсь, что это инициалы. Альфа слишком умный для этого.

Еллоу кладет на колени салфетку и протягивает к корзинке руку.

— Ты съела все булочки? — потрясенно вскрикивает она.

Но я едва слышу ее. Я пролистала записную книжку до практически последней страницы и теперь смотрю на записи. Бостонская бойня. Некий КА заплатил за нее \$50.0. Или пытался заплатить. Я провалила миссию, о чем свидетельствует жирный синий крест на цифре.

Пятьдесят тысяч долларов. Еллоу права. Сумма скорее всего исчисляется в тысячах. Альфа получил бы за нее пятьдесят тысяч долларов.

Миссия в Вашингтоне, связанная с сенатором Маккарти, тоже в списке. Ее купил ОС

всего лишь за три тысячи долларов. Копейки. А вот и миссия в музее. Эта стоила один миллион долларов. Черт возьми.

Я перелистываю записную книжку в самое начало. Судя по всему, Альфа начал продавать миссии с начала одна тысяча девятьсот девяностых годов. А это означает...

Я пролистываю еще несколько страниц и чувствую, что булочки начинают проситься наружу.

Вот она. Вот эта запись. Альфа знал о миссии, связанной с Джоном Ф. Кеннеди. Она была согласованна. Кажется, Альфа подставил моего отца.

Я пристально смотрю на запись. Альфа должен был получить десять миллионов долларов за убийство Джона Ф. Кеннеди.

Но в тот день произошло два убийства.

Глава 22

— Мы отправляемся в Даллас, — говорю я, пока официант расставляет на столе две тарелки: неглубокую миску с супом и прямоугольное сервировочное блюдо.

Еллоу берет ложку и мешает красно-коричневый суп.

— Что?

Я толкаю ей записную книжку.

— Некто под кодовым именем КИ заплатил за предотвращение убийства Кеннеди *десять миллионов долларов*.

Еллоу сглатывает и откладывает ложку.

— Послушай, не думаю, что это хорошая идея, — с кислым лицом произносит она.

— Почему нет? В данный момент это наша единственная идея. Пока что от тебя не поступало никаких предложений.

— Ты говоришь, что нам нужно переместиться во время, когда погиб твой отец.

— Да. И что? — Я разрезаю ножом стейк, чтобы убедиться, что он хорошо прожарен.

— Что ты планируешь? Остановить убийство отца? Мы не можем этого сделать.

Я бросаю вилку на стол, и на нас обращает внимание пара за соседним столом. Мужчина одет в белую рубашку с высоким воротником и серый сюртук в полоску. На его жене длинное платье с корсетом и рюшами. Она прижимает к лицу руку, как будто мы шокируем ее своим поведением.

— Чего уставились? — огрызаюсь я. Женщина краснеет и опускает взгляд.

— Ирис, прекрати, — сквозь сжатые зубы цедит Еллоу.

— Нет!

Она больно пинает меня прямо по голени.

— Прекрати устраивать сцену. Ты самый эгоистичный человек из всех, кого я встречала.

— Я... что?

— Ты всегда думаешь только о себе. Что лучше всего для Ирис? А если люди не хотят смотреть на вещи твоими глазами, то ты сразу набрасываешься на них.

— Ты меня совсем не знаешь, Еллоу.

— Правда? А я думаю, что знаю. Ты не прекращаешь говорить о себе с тех пор, как присоединилась к Страже времени. *Ты* родилась в Вермонте. *Ты* думала, что твой отец морской котик. У *твоей* мамы биполярное расстройство. *Тебе* пришлось оставить своего парня. Никто не любит *тебя*. И все в таком духе. Ирис, Ирис, Ирис. Все время Ирис.

— Это неправда, — шепчу я.

— Тогда расскажи что-нибудь обо мне. Кроме того, что ты уже знаешь о моем отце и брате.

— Я... — Я открыла рот, а потом закрыла его. Потому что она права. Я ничего не знаю о Еллоу.

— Ты хоть представляешь себе, на что я пошла, чтобы быть здесь, с тобой. Мне пришлось оставить единственную жизнь, которую я знала. Я отказалась от семьи. И не забывай об этом, — с этими словами она вытягивает руку.

— Я не просила тебя...

— Тебе и не нужно было, — убрав руку, произносит Еллоу. — Я люблю поступать правильно. Верить или нет, но я думаю, что сейчас ты делаешь правильные вещи. Я хочу помочь тебе, но ты все усложняешь. А теперь говоришь о том, чтобы вернуться в прошлое и остановить убийство отца. На это я не подписывалась.

Я качаю головой. Но она права. *Боже, она полностью права.* Я с самого начала вела себя совершенно эгоистично. Единственный человек, о котором я думала — это я сама. Как мне преуспеть? Как получить следующий уровень доступа? Ты получаешь то, что отдаешь, а я отдавала только негативные эмоции. Неудивительно, что я никому не нравилась. Никому, кроме Индиго.

Брата Еллоу.

— Прости, — говорю я ей. — Я... — Я понимаю, что нужно извиниться, но это не в моих правилах. — Ты права. Ты совершенно права. Я была несправедлива к тебе. Я отнеслась к тебе предвзято с первой же секунды и даже не постаралась изменить своего мнения. Мне жаль.

Еллоу облегченно выдыхает и расслабляет плечи.

— Признаться, я тоже была негативно настроена по отношению к тебе. Большинству из нас не нравилась идея, что к Страже присоединится чужачка, поэтому мы так приняли тебя. Тем не менее все довольно высоко оценивают твою персону. Ты умная, находчивая, и в тебе есть мужество. Я говорю о миссии в музее. Мы были напряжены, а ты даже не вспотела.

— На самом деле мне постоянно хотелось описаться.

На лице Еллоу расплывается улыбка, а я, протянув руку, хватаю записную книжку и открываю ее на нужной странице.

— Послушай, я хочу одного — отправиться в Даллас и узнать, кто такой КИ. Все это похоже на паутину. Если разорвать один конец, то и остальное рухнет. Для того, чтобы доказать, что Альфа продажный, нам нужно раскрыть личность КИ.

— Но почему КИ? И почему Даллас?

— Потому что он самый крупный заказчик. Десять миллионов долларов. Попробуй найти другого такого, — пододвинув к Еллоу записную книжку, говорю я. — И учти, что мы знаем только даты, поэтому довольно трудно определить, какая именно миссия была проведена. Даллас — единственная зацепка, которая у нас сейчас есть. К тому же, убийство Кеннеди — это очень важно. Если мы раскроем личность КИ, то разорвем большую часть паутины.

Еллоу листает страницы.

— Ты не думаешь, что КИ хорошо замел за собой все следы?

— Возможно. — Я снова берусь за вилку. Мой хорошо прожаренный стейк уже холодный, но я настолько голодна, что это неважно. — Поэтому нам придется очень постараться.

— А что насчет твоего отца?

— Посмотрим, — с набитым ртом отвечаю я.

Еллоу откладывает записную книжку и, взявшись за вилку, начинает гонять по тарелке бобы. Я вижу, что она все еще сомневается в разумности нашего плана.

— Хорошо, — наконец говорит она. — Утром первым делом отправляемся в Даллас.

***

На следующее утро я просыпаюсь с дурными предчувствиями, но игнорирую их. Я забираю папки и записную книжку, и мы покидаем «Паркер-хаус». На улицах очень грязно — повсюду валяются испражнения животных и растоптанная еда. По каменной мостовой громяют повозки, запряженные лошадьми. Мы проходим мимо лавки мясника. С деревянной перекладки свисает туша свиньи. Я верчу в руках часы, Еллоу тоже заметно нервничает. Как будто не уверена, что ей хватит сил снова спроецироваться.

— Может, воспользуемся гравитационной камерой? — спрашиваю я. — Она всего в нескольких кварталах отсюда.

Еллоу качает головой.

— Я бы не стала так рисковать. Они, скорее всего, отслеживают ее.

Я с облегчением киваю. Потому что это *очевидно*. Я предложила только из вежливости. Мы направляемся в уединенный переулок, чтобы спроецироваться.

— Подожди, — говорит Еллоу. — Я сначала хочу заглянуть в «Шрив, Крамп и Лоу».

— В ювелирный магазин? Что, положила глаз на какую-то цепочку?

Еллоу недовольно смотрит на меня и заходит в магазин. Несколько минут спустя она возвращается с маленьким бархатным мешочком.

— Золото, — улыбнувшись и покачав им передо мной, говорит она. — Я купила две унции на оставшиеся деньги. В одна тысяча девятьсот шестьдесят третьем году оно будет стоить гораздо больше. Мгновенные денежные средства.

Я открываю рот, чтобы что-нибудь сказать, но потом закрываю его. Потому что это была гениальная идея. Жаль, что она не пришла в голову мне.

Мы заходим в переулок, где нет ни одной души.

Еллоу засовывает мешочек в карман юбки и поворачивается ко мне.

— Ты настроила часы?

— Да.

— На двадцать первое ноября одна тысяча девятьсот шестьдесят третьего года?

— Я же сказала «да», Еллоу.

Она фыркает.

— Я просто проверяла. Не стоит быть такой раздражительной. — Она хватается за обе руки и говорит: — Давай сделаем это вместе.

— Это все очень мило, но как я закрою часы, если ты держишь меня за руки?

Еллоу хихикает и отпускает мою правую руку. Я берусь за подвеску. Еллоу сжимает мою ладонь и делает то же самое.

Отец. Мы увидим моего отца. Я воспроизвожу в памяти лицо папы таким, каким он было в его досье Стража, и закрываю крышку.

Мы погружаемся в темноту, и я мгновенно понимаю, что что — то не так. В голове раздается громкий визг, а перед глазами вспыхивает свет. Мое тело начинает вытягиваться и растягиваться, а визг становится все громче. У меня разорвутся барабанные перепонки. Визг охватывает все мое тело и проникает в самое сердце. Я чувствую его во всех четырех

камерах¹⁴. Это убьет меня. Я пытаюсь схватиться за грудь, но мы движемся слишком быстро.

Мы с Еллоу приземляемся в том же переулке, только на шестьдесят девять лет позже. Я опускаюсь на колени и хватаюсь за грудь. Такое ощущение, что у меня сердечный приступ. Всю левую сторону тела пронзает сильная боль. Я умираю. Сердце сейчас остановится, и я умру.

— Это было круто... Ирис? — доносится до меня обеспокоенный голос Еллоу, и она опускается на колени рядом со мной. — Что случилось? Ты в порядке?

Я пытаюсь делать не слишком глубокие вдохи, чтобы притупить боль.

— Ирис! — кричит Еллоу.

Я продолжаю концентрировать внимание на своем дыхании. *Вдохнуть боль и выдохнуть ее. Вдохнуть боль и выдохнуть ее.*

— Ирис, скажи что-нибудь!

— Я в порядке, — шепчу я с закрытыми глазами. — Мне становится лучше.

— Становится лучше? О чем ты говоришь?

Я открываю глаза. Все кажется каким-то расплывчатым.

— Разве это было не самое худшее проецирование в твоей жизни?

Еллоу морщит нос.

— Нет, это было самое лучше проецирование в моей жизни. Ну, если не считать тех, что были сделаны с помощью гравитационной камеры. Я едва что-либо почувствовала.

Я начинаю качать головой вперед-назад, даже не понимая, что делаю это.

— Нет. Это было ужасно. Как будто все проецирования, которые я сделала за последние пару дней, сложились и помножились на десять.

Еллоу сжимает губы.

— Это не имеет никакого смысла. Почему я ничего не почувствовала, а ты... Значит, это не просто слух!

Я сажусь и опираюсь спиной о кирпичную стену.

— Какой слух? — все еще продолжая отрывисто дышать, интересуюсь я.

— Двойное проецирование! Это реальность.

— Говори понятным языком, Еллоу.

— Двойное проецирование. Это означает заставить другого Стража проецироваться с тобой. Я могла бы настроить часы на совершенно другую дату, но если бы ты схватилась за меня, то заставила бы перенестись в твое проецирование.

— Я не понимаю. — Я делаю еще один медленный вдох и откидываю голову назад.

— Ходит слух, что если один из Стражей по-настоящему силен и сосредоточен, то можно совершить двойное проецирование. Мы все пытались, но у нас ничего не получалось. Но ты только что сделала это.

— Но мы перемещались в одну и ту же дату, — замечаю я, а потом снова сгибаюсь пополам. Мне все еще тяжело дышать.

— Нет, разве ты не видишь? Я, должно быть, передала тебе всю свою энергию, поэтому все неприятные ощущения наших проецирований достались тебе, а я ничего не почувствовала.

Я снова делаю медленный вдох.

— В следующий раз, когда мы будем проецироваться, держись от меня как можно дальше.

— Хорошо. — Еллоу встает и достает из кармана юбки мешочек. — Я пойду продам

золото, а потом куплю нам одежду. Ты оставайся здесь.

Я не спорю и, закрыв глаза, продолжаю медленно дышать. Через несколько минут боль, наконец, уходит, и я прихожу в себя. А потом возвращается Еллоу с недовольной гримасой на лице.

— У нас проблема. Оказывается, в одна тысяча девятьсот шестьдесят третьем году золото стоило ненамного дороже, чем в одна тысяча восемьсот девяносто четвертом году.

— Что? — Я отталкиваюсь от стены, чтобы встать. Это занимает у меня больше времени, чем следовало бы. — Как такое возможно?

Еллоу пожимает плечами.

— Не знаю. Но я купила его за тридцать семь долларов, а этот парень говорит мне, что ему цена семьдесят долларов. Это не поможет нам добраться до Далласа. Я спросила парня, и он сказал, что билет на самолет в обе стороны будет стоить около семидесяти пяти баксов.

— Значит, нам почти хватает.

— Семьдесят пять долларов за один билет.

— Черт.

Еллоу поднимает бровь, но ничего не говорит, а я вспоминаю об Эйбе. Сколько раз он подшучивал надо мной по поводу моего словарного запаса. О, Эйб. Где ты сейчас? Думаешь ли ты обо мне?

— Эй, очнись. — Еллоу машет рукой перед моим лицом.

Я прихожу в себя.

— Прости. Значит, нам нужно раздобыть еще около ста долларов. — Я смотрю на вторую бриллиантовую сережку в левом ухе Еллоу.

Она ловит мой взгляд и, вздохнув, начинает ее снимать.

— Я знаю, что это единственный выбор, но отец убьет меня. Он подарил мне эти сережки, когда я стала Стражем.

В голове всплывает образ: Зета держит в руках небольшую коробочку цвета морской волны с белым бантом на крышке. Индиго с сияющим видом стоит рядом с ними. Идеальная маленькая семья.

— А где твоя мама? — спрашиваю я.

Еллоу резко вскидывает голову.

— Что?

— Твоя мама. Просто Блу сказал, что у Индиго есть идеальная маленькая семья с двумя нормальными и работоспособными родителями.

— Ну, это далеко не правда, — фыркает она. — Да, оба моих родителя живы, но они уже много лет в разводе. Мама живет в Манхэттене, у нее новая семья, — с болью в голосе произносит Еллоу. — Она знает о том, чем мы занимаемся. Но никогда не упоминает об этом. Она даже разговаривает со мной, только если я ей звоню.

— Подожди, ты общаешься с мамой? — Со слов Альфы я поняла, что мы никогда больше не сможем иметь никаких контактов с друзьями и членами семьи. Неужели это тоже была ложь?

Еллоу поморщилась, как будто я задала ей наиглупейший вопрос.

— Ну да.

У меня словно камень с души упал. Эйб. Мама. Возможно, они не навсегда ушли из моей жизни. Если я смогу со всем разобраться, — нет, когда я со всем разберусь — то увижу их. Я смогу быть с Эйбом. И смогу помочь маме.

Впервые за долгое время я улыбаюсь.

— Это...это отлично. Я думала...

— Послушай, ты так и собираешься стоять здесь, или мы все же отправимся в Даллас? — Еллоу поднимать бровь и сжимает в кулаке сережку. — Я скоро вернусь.

Несколько минут спустя она выходит из ювелирного магазина, качая головой. Я заставляю себя перестать думать об Эйбе. Перестать представлять себе, как будет выглядеть наше возможное воссоединение.

— Пошли. — Голос Еллоу звучит хрипло и грустно, отчего я начинаю испытывать огромное чувство вины. Она ведет меня к большому роскошному зданию на Вашингтон — стрит, на месте которого сегодня находится «Мэйсис¹⁵». Кованные буквы на вывеске приветствуют нас в «Джордан Марш и Компании». Как только мы заходим внутрь, к нам подбегает невысокая продавщица с флаконом старушечьих духов, но мы отмахиваемся от нее. Я оставляю покупки на Еллоу, и она выбирает два очень простых прямых платья, одно из темно — серого, а другое из коричневого твида. Оба вызывают у меня желание почесаться. К тому же юбки — карандаши не особо мне идут. Я втискиваюсь в серое платье, и мы направляемся в «Логан¹⁶».

Даже стоя в очереди за билетами, я понимаю, что воздушные путешествия в одна тысяча девятьсот шестьдесят третьем году сильно отличаются от современных. Все одеты в свою лучшую воскресную одежду. Мужчины в костюмах и галстуках. Женщины в платьях, чулках, шляпках и перчатках. Билеты продает молодая жизнерадостная блондинка, которая берет деньги и вручает нам билеты. И все. Она даже не спрашивает наши удостоверения личности. О безопасности тут и не слыхивали. Мы просто подходим к нужному выходу, и никто не обращает внимание на то, что мы путешествуем без сумок. В настоящем мы бы моментально вызвали подозрение.

— Это так странно, правда? — спрашиваю я Еллоу.

— Очень странно. — Она показывает на окно и прищуривается. — А вон там что... пассажиры? У них что, пикник на взлетной полосе?

Полет проходит еще более странным образом. Мы выходим на улицу и забираемся в самолет по металлической лестнице. Оказавшись на борту, все непонятно чему радуются. Веселая молодая стюардесса, по возрасту не намного старше меня, интересуется, не первый ли это для меня полет. Я бурчу, что нет, и направляюсь к своему месту, пытаюсь не обращать внимания на тот факт, что в самолете воняет куревом как в какой — то грязной забегаловке.

Еллоу устраивается возле окна, а я сажусь посередине. На соседнее место опускается предприниматель в костюме и галстук и сразу же подкуривает сигарету. Что ж, это объясняет запах. Я кашляю и поворачиваюсь так, что мои колени практически касаются ног Еллоу, но мужчина либо не замечает этого, либо ему наплевать. Скорее всего, последнее. Мы с Еллоу весь полет пытаемся продумать план, переписываясь на салфетках. Просто есть вещи, которые нельзя произносить вслух. А тот факт, что президенту Кеннеди осталось жить меньше двадцати четырех часов, как раз из этой оперы.

Мы приземляемся в Далласе. Пассажиры начинают доставать с полок чемоданы, а стюардесса желает всем хорошего дня. Всем, кроме меня. На меня она смотрит, поджав губы. Наверное, это потому, что я вежливо отмахнулась от нее, когда она попыталась вручить мне горячую еду, от которой воняло пластмассой и консервантами. Я бы ни за что не стала ее есть.

Мы ловим такси и говорим водителю отвезти нас в квартал Дили-Плаза.

— Дили? — переспрашивает он. — Вы ведь знаете, что завтра там будет проезжать президентский кортеж?

— Эээ, да, — говорю я и, переведя взгляд на Еллоу, понимаю, что до нее только что дошла вся грандиозность ситуации. Убийство Кеннеди. Мы собираемся стать свидетельницами убийства Кеннеди. Это случилось очень давно, еще до рождения моей мамы, но я видела произошедшее на видео. И читала об этом в учебниках по истории.

Но я могу думать только о своем отце. Он будет там. Он попытается остановить убийство. И умрет.

Таксист останавливается перед зданием Далласского окружного архива, белого строения в несколько этажей со множеством окон. На улице свежо — почти холодно. Через дорогу, по диагонали от того места, где стоим мы, высится семиэтажное кирпичное здание Техасского школьного книгохранилища.

— Это здесь, — шепчет Еллоу.

Я киваю и смотрю на крайние окна на шестом этаже. Именно там завтра будет находиться Ли Харви Освальд, чтобы убить президента Кеннеди. И именно там Альфа попытается заработать кучу денег.

Мне становится плохо.

Если бы это была обычная миссия, я бы уже исследовала каждый сантиметр этого здания и квартала и придумала бы план действий. Но это не обычная миссия. Я даже не знаю, что мы тут делаем. Как, черт возьми, мы вычислим, кто такой КИ?

Мы с Еллоу регистрируемся в самом дешевом отеле. В номере стоит многое повидавший комод, две двуспальные кровати с потрепанными темно — зелеными одеялами, между ними шаткий прикроватный столик. На полу лежит ковровое покрытие, которое, полагаю, когда — то было бежевым.

— И зачем только мы спустили столько денег на «Паркер-хаус»? — говорит Еллоу, опускаясь на одну из кроватей.

— Ммм-хмм. — Я пристально смотрю на комод, верхняя поверхность которого покрыта множеством царапин. Я провожу пальцем по самой глубокой, удивляясь, как она здесь появилась. Может, ее сделали гостиничным ключом? Может, это гневная царапина, а может, и презрительная. Она заставляет меня подумать об Альфе.

— Ирис, — произносит Еллоу.

Я поворачиваюсь.

— Сейчас ты должна быть откровенной со мной, — опустив голос до шепота, говорит она. — Ты планируешь остановить убийство Кеннеди?

— Нет. — Я стучу пальцами по комоду, а потом вытираю их о платье. Пыльно. — Зачем? Если я это сделаю, то Альфа получит десять миллионов долларов, и кто знает, как это повлияет на ход истории. Я не собираюсь так рисковать.

Еллоу едва видимо кивает головой.

— А что по поводу второго убийства? — спрашивает она и поднимает вверх руку. — Я не собираюсь тебя судить, но должна понимать, к чему готовиться.

— Я не знаю, что делать. — Еллоу удивленно поднимает бровь. — Честно, не знаю. Я просто... хочу быть там... когда это произойдет. Это единственная зацепка, которая у нас есть на данный момент.

Еллоу довольно долго молчит, а потом произносит:

— Хорошо.

Этой ночью мне не спится. Я беспокоюсь, представляя себе лицо отца. Интересно, узнаю ли я его. У нас дома всего две фотографии папы. Одна на столике в гостиной. На ней папа держит меня, еще малышку, на руках и смотрит мне в глаза. Мама стоит, нависнув над ним, и наблюдает. Лицо отца частично скрывают волосы, нависающие на глаза. Эта фотография — одна из причин, почему у меня такие сложные отношения с матерью. Потому что по ее лицу понятно все: она смотрит только на него. Меня она терпит, но *любит* его.

Но теперь — то я знаю, что она любила меня. Она пыталась защитить меня. Я тряс головой, но чувство вины никуда не уходит.

Вторая фотография стоит на комодике в маминей спальне. Она была сделана в день их бракосочетания, и на ней они смотрят прямо в камеру. В детстве я часами разглядывала ее. Разговаривала с ней. Разговаривала с отцом.

В моем представлении завтра он будет выглядеть совсем как на снимке. Молодым. Привлекательным. В смокинге и бабочке.

Ладно, скорее всего это будет не так. Но кто знает.

В шесть утра я бужу Еллоу, потому что больше не могу сидеть и смотреть, как она спит.

— План, — говорит она, бросая на кровать салфетки с нашими плохо продуманными невнятными идеями. — Нам нужен четкий план, что мы собираемся делать.

Я киваю. Еллоу права. Я беру досье отца и, открыв на последней странице, заново его перечитываю.

— Согласно записям, финальное столкновение с Бетой произошло между пятым и шестым этажом.

— А Ли Харви Освальд находился на шестом этаже? Насколько близко к лестнице?

Я понимаю, что не имею никакого представления о внутреннем плане здания. Такая простая деталь, а я не имею о ней никакого гребаного представления.

— Он не может быть слишком близко к лестнице, — говорит Еллоу. — Иначе услышал бы спор и сбежал.

— Или услышал его и все равно продолжил свое дело.

— Как бы то ни было, нам нужно определить, где будем находиться мы. Сколько всего этажей в здании?

— Семь. — По крайней мере это я знаю.

— Хорошо, тогда мы можем спрятаться на шестом этаже, где находится Освальд, — склонив голову на бок, произносит Еллоу. — Но это опасно. Можно спрятаться на лестнице, на следующем пролете.

— Да, на следующем пролете. Мы можем спрятаться и подождать там.

В семь часов утра мы пересекаем Дили — плаза и направляемся в книгохранилище. Президент должен появиться не раньше, чем через пять часов, но толпа уже собирается на улице, чтобы занять самые лучшие места.

— Бедные люди, — шепчет Еллоу. — Они не имеют понятия, что произойдет.

У меня внутри все сжимается. Они не знают. Президент не знает. Никто не знает, кроме меня, Еллоу и Ли Харви. На секунду я думаю, что, может быть, нам *стоит* остановить убийство. Прочитать о произошедшем в учебнике по истории и присутствовать при этом в реальном времени — разные вещи.

Это напомнило мне о том, как мама повезла меня в семь лет в Диснейленд. К тому моменту она уже неделю была в приподнятом настроении. Мама практически всегда

маниакально счастлива. В это время возможно все. Именно в такие периоды она рисует. Страстные мазки на холсте, которые обеспечивают ее достаточными средствами, чтобы платить за аренду дома. Когда она впадает в маниакальное состояние, то первым делом всегда рисует — или исчерпывает вдохновение, как она называет это — а после этого делает то, что ей хочется в данный момент. В тот раз ей захотелось посетить Орландо.

Мы выехали посреди ночи, и я была настолько возбуждена, что практически не спала. До поездки мне было наплевать на всю эту ерунду и диснеевских принцесс. Но когда все воплотилось в реальность... Было что-то в том, чтобы увидеть всех героев. Сфотографироваться с Золушкой. Посетить магазин с костюмами, волшебными палочками и куклами. Тарелками, кружками и трубочками. Мама тогда купила все это.

Сегодня я испытываю такие же чувства. Я в Далласе. В дне, когда произошла одна из самых больших трагедий в американской истории. И я могу остановить ее. Да, Альфа получит деньги, но я смогу спасти своего отца.

Еллоу смотрит на меня.

— Ты думаешь о том же, о чем и я?

— Нет, — качаю головой я, обманывая ее. — Конечно же нет.

— Не дай происходящему поглотить себя. — Еллоу встает прямо передо мной и осматривает меня с головы до ног. — Это тяжело, но ты должна дистанцироваться от всего этого. Должна, Ирис.

— Угу. — Я прохожу мимо нее, открываю дверь в книгохранилище и придерживаю ее для Еллоу. Как только я оказываюсь внутри, Еллоу снова встает передо мной.

— Серьезно, — говорит она. — Тебе нужно отдалиться от происходящего. Думай головой, а не сердцем. Ты обученный правительственный агент.

Это самое худшее из всего, что она могла сейчас сказать. Но Еллоу права. Возбуждение — это чувство и ничего более. Оно пройдет. Так же, как и приподнятое настроение мамы, которое внезапно исчезло в Вирджинии, по дороге домой. Тогда впервые произошла быстрая смена циклов, и не было никакой нормальной фазы. Ее настроение мгновенно упало на самое дно, и нам пришлось провести три ужасные ночи в мотеле, который сдавал номера с почасовой оплатой. Мама плакала, причитала и выпила целую бутылку виски. Я выбросила все, что мы купили в Диснейленде, в мусорку на парковке и никогда больше не вспоминала о нем.

Думай головой, а не сердцем. Это мораль моей жизни с самого рождения. Уж я-то знаю.

Я киваю головой, чтобы показать Еллоу, что настроена серьезно, и мы начинаем подниматься по лестнице, расположенной в левом заднем углу здания.

Мы останавливаемся в пролете между шестым и седьмым этажами. Я перегибаюсь через перила и вижу два нижних пролета. Один из них тот, на котором умрет мой отец.

Оставшееся время мы проводим, листая записную книжку Альфы и отмечая все записи, где упоминается имя КИ. Этот ублюдок везде. Его имя всплывает в записной книжке на протяжении двадцати пяти лет. Большинство выплат совершенно незначительные. Крупных же, не считая убийство Кеннеди, всего четыре.

Один заказ был сделан еще до того, как я родилась, до миссии Кеннеди. Альфа тогда заработал триста тысяч долларов. Другой обеспечил ему двести пятьдесят тысяч долларов дополнительного дохода. Еще один, сделанный четыре года назад, — пятьсот тысяч долларов, ну а четвертый обогатил его ровно на миллион долларов. На этом заказе еще не просохли чернила. Я узнаю дату. Так же, как и Еллоу.

— Миссия в музее Гарднер, — говорю я.

Еллоу кивает.

— В музее Гарднер.

В этот момент внизу раздается шум и стук шагов по лестнице. Мы с Еллоу вскакиваем, и она прячет записную книжку в кармане своего платья. Я смотрю на часы. 12:20. Это, должно быть, отец.

А потом раздается голос. Громкий голос. Он что-то выкрикивает. Я различаю слова «снайпер» и «ружье». Не имею понятия, что происходит, но у меня сердце уходит в пятки от осознания того, что так не должно быть. Это неправильно. Я перевожу взгляд на Еллоу и вижу на ее лице выражение ужаса.

Она на секунду нагибается над перилами, а потом отстраняется и с широко открытыми глазами шепчет:

— *Полицейский.*

У меня отвисает челюсть. Мы прижимаемся к задней стене. Полицейский. Полицейский, который знает о планируемом убийстве? В учебниках по истории ничего не говорится об этом. Что, черт возьми, происходит?

Полагаю, мы выясним это очень скоро.

Глава 23

Стук шагов по ступенькам практически выбивает ритм. Я закрываю глаза и пытаюсь определить, сколько человек поднимается по лестнице. Один. Всего один.

Я открываю глаза. Еллоу хватает меня за руку и шепчет одними губами:

— Крыша?

Я качаю головой и сбрасываю ее руку. Я не собираюсь никуда бежать. Мне нужно знать, что произойдет.

Шаги становятся громче. Сейчас на лестничной площадке прямо под нами находится мужчина. Неожиданно с грохотом открывается дверь.

— Отбой! — командует спокойный и уверенный мужской голос. — Я его нашёл.

Раздается возня и ворчание.

— Я видел мужчину с оружием! — кричит кто-то еще. Полицейский?

— Я сказал отбой! Далласский полицейский департамент больше не имеет здесь полномочий. — Снова раздается какой-то шорох. — ФБР. Ситуация находится под контролем.

Мы с Еллоу обмениваемся взглядами. У нее такие большие и удивленные глаза, но я уверена, что мои дадут ей в этом фору. Здесь присутствует ФБР? Они схватили Освальда еще до того, как он начал стрелять?

— Вы в Далласе! Он находится под моей юрисдикцией. — Это точно говорит полицейский.

— Вы топчетесь на месте моего преступления. Ситуация находится под контролем. Спускайтесь и не говорите никому об этом ни слова. — Голос первого человека звучит спокойно и собранно.

— Но...

— Никаких «но». Внизу собралась целая толпа, и чем меньше они знают, тем лучше. Вы что, хотите устроить массовое столпотворение прямо перед появлением президентского кортежа?

— Нет, но...

— Ситуация находится под контролем. — Раздается шарканье ног и недовольное бормотание. Я закрываю глаза, не понимая, что происходит. — И помни — никому ни слова. Ко мне направляется подкрепление, и как только оно появится, я спущусь к твоей машине, чтобы забрать рапорт.

Раздается еще больше шарканья и ворчания, а я снова перевожу взгляд на Еллоу. Она качает головой и тревожно смотрит на меня. Ей, как и мне, ничего не понятно.

По лестнице опять кто-то идет, но в этот раз стук ботинок становится тише и тише. Далласский полицейский спускается. Я пытаюсь не дышать. ФБР находится на лестничном пролете ниже нас. Они уже обнаружили Освальда. Я не имею никакого понятия, что, черт возьми, происходит, и как мы будем отсюда выбираться.

Но потом... кто-то едва слышимо шепчет.

— Дельта, ты слишком сжал мою руку и перекрыл кровоснабжение.

Дельта. Мой папа.

— Прости, — смеется первый мужчина. Первый мужчина — это Дельта. Он не из ФБР. Он... притворяется.

— Чуть не попались, — говорит другой человек.

Я качаю головой, снова и снова, как будто так смогу вытрясти из нее правду и понять, что происходит. В рапорте Альфы не было ничего подобного. Совсем. Я продолжаю ждать. Ждать какого-нибудь сигнала или намека, что мой отец считает эту миссию санкционированной. Что президент Клинтон одобрил ее и что папа собирается остановить убийство. Правда может открыться в любую секунду.

Так оно и происходит.

— Ты слышишь это? — спрашивает отец. — Кортёж, должно быть, приближается к Дили.

Внизу раздаются аплодисменты и крики толпы.

— Освальд находится на позиции? — интересуется второй мужчина.

Подождите. Нет. Я... это неправильно...

— Должен, — произносит отец.

Еллоу хватает мою руку и сжимает ее. Я цепенею. И не могу даже пошевелиться. Ноги кажутся гранитными глыбами, приклеенными к полу.

В отдалении раздается выстрел. Я поворачиваю голову. Что это? Почему мой отец не пытается остановить происходящее?

— Слышал? — выкрикивает он. — Теперь Старому Крести придется раскошелиться на десять миллионов долларов!

У меня останавливается дыхание. Я нагибаюсь и обнимаю себя руками. Тело трясется и корчится в судорогах. ЧТО, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ПРОИСХОДИТ?

Над Дили-Плаза раздается второй выстрел, а потом наступает тишина.

— Ему конец, — говорит отец. — Далласский полицейский департамент может появиться здесь в любую минуту. Пора уходить, Бета. Нам еще нужно позаботиться о том настоящем полицейском.

Бета. Второй мужчина — Бета. Но это не имеет никакого смысла. Бета и мой отец — вместе на этой миссии.

— Ты прав. Пора уходить, — отвечает Бета, а потом, прочистив горло, продолжает: — Мне жаль, Митч. Ты мне всегда нравился.

В этот момент я резко вскакиваю. Потому что знаю, что сейчас произойдет. На этаже

ниже раздаётся вскрик, который эхом доносится до нас. А потом — выстрел. В моей голове будто взрываются оглушительные фейерверки.

Я отступаю к стене. Еллоу хватает меня за плечо, но я сбрасываю ее руку и хватаюсь за подвеску. У меня подгибаются ноги, и я падаю на колени. Руки ужасно трясутся. Мне нужно переместиться подальше отсюда. Я завожу часы, не знаю на сколько оборотов. А потом начинаю закрывать их.

— Ирис! — шипит Еллоу. Она бросается ко мне, но я уже закрыла крышку.

Я перемещаюсь, но в этот раз не чувствуя боли. По крайней мере, физической. Я приземляюсь, а несколько секунд спустя рядом со мной появляется Еллоу.

— Не смей! — кричит она. — Не смей проецироваться без меня. Ты поняла? Никогда, никогда не проецируйся без меня. Слава богу, я видела, сколько ты сделала оборотов.

Я опускаюсь на колени и прижимаю к груди руки. Такое ощущение, что у меня сердечный приступ. Грудь прознает сильная, острая боль, растекающаяся по всей левой половине тела. Но это никак не связано с проецированием. Мое сердце разбивается на миллион кусочков. Я умираю.

Мой отец не был морским котиком. Он не был героем войны. Он был предателем. Альфа не подставлял его.

Мой отец убил президента.

Я не понимаю. Мой отец — хладнокровный убийца. Я больше ничего не понимаю.

Я вдыхаю боль, отказываясь выдохнуть ее обратно. Позволяю ей наполнить меня и сокрушить. Я ложусь на пол. Это ложь. Все, что я знала, было одной большой ложью.

— Вставай, — говорит Еллоу.

Я не обращаю на нее внимание.

— Я сказала, вставай.

— Уходи, Еллоу.

— Я тебе последний раз говорю: вставай! Иначе я сама нагнусь и подниму тебя.

В Пиле мы изучали физические последствия эмоциональных травм. Умом я понимаю, что у меня шок, но ничего не могу с собой поделать. Все классически: оцепенение, головокружение, слабость, тошнота, непонимание. Я не могу осознать свои мысли. Слишком быстро. Они слишком быстро мелькают.

Еллоу наклоняется и, просунув локти мне под мышки, поднимает меня.

— Посмотри мне сейчас в глаза и поклянись, что никогда не станешь снова проецироваться без меня.

О чем она говорит? В голове вновь и вновь проигрывается недавняя сцена. Мой отец не дал полицейскому предотвратить убийство. Тот коп знал о снайпере, а отец заставил его уйти, чтобы Кеннеди точно был застрелен.

— Ирис!

Мой отец изменил историю так, чтобы Кеннеди был убит? Кеннеди целым и невредимым проезжал по Дили, пока не вмешался мой отец?

— Ирис! — Еллоу хватает меня за плечи и трясет.

— Что? — шепчу я.

— Пообещай, что не станешь проецироваться без меня.

Я отталкиваю ее.

— Ты что, издеваешься? Какая теперь разница? Сейчас уже ничего не имеет значения.

— Ничего не имеет значения? — выпучив глаза, произносит Еллоу. — Значит, твой

план по раскрытию личности КИ, которого, как мы узнали, зовут Крести Какой-то, больше не важен?

— Ты видела, что там произошло, Еллоу? Мой отец... — Я замолкаю, не в силах закончить предложение.

— Наемный убийца.

Ее слова повисают в воздухе, отказываясь рассеиваться. Так и есть. Мой отец — убийца. Он не нажимал на курок, но это и не важно. До его вмешательства тот полицейский, должно быть, арестовывал Освальда и предотвращал убийство. А мой отец все это изменил.

Я не хочу, чтобы это было правдой. Это не может быть правдой. Мне нужно знать. Я вытаскиваю часы.

— Нам нужно вернуться обратно, — говорю я Еллоу.

— Обратно куда?

— Во время до того, как была проведена эта миссия. До того, как умер мой отец. Мне нужно изучить исторические книги и понять, убили бы президента Кеннеди, если бы не вмешался мой отец.

— Так нельзя, — произносит Еллоу.

— В какой год ты хочешь переместиться? — спрашиваю я, поворачивая головку.

— Ирис, я же сказала, что так нельзя. Разве тебе не объяснили основы процесса Хронометрической аугментации?

Это звучит как-то зловеще.

— Нет.

Еллоу вздыхает.

— Сейчас мы находимся в параллельном будущем. В новом будущем. Вот что происходит, когда мы меняем прошлое. Появляется параллельная вселенная, в которую мы все перемещаемся. Ты не можешь вернуться в старую вселенную, чтобы изучить исторические книги, которые существовали до изменения прошлого, потому что в будущем их больше нет. Есть только новые книги, которые отражают изменения, которые мы сделали.

Ее слова крутятся у меня в голове. Мозг пытается осознать их, но сердце не хочет в это верить.

— Ты хочешь сказать, что я не смогу узнать, что там произошло?

Еллоу медленно выдыхает, будто не зная, стоит ли отвечать на мой вопрос.

— Но ты знаешь, что там произошло.

Я знаю.

Я знаю.

Я знаю.

Я наклоняюсь и опускаю лоб на прохладные металлические перила.

— Он убил Кеннеди. Мой отец убил президента. Это все меняет.

— Да, это так. Но как это связано с твоим желанием разоблачить Альфу?

— Мой отец был плохим человеком! — вскакивая, кричу я. — Я просто не могу в это поверить!

На лестнице раздаются громкие голоса и шаги. Неожиданно перед нами появляются трое мужчин в костюмах с узкими черными галстуками и в очках в роговой оправе. На них будто написано — ФБР. Мы с Еллоу обмениваемся обеспокоенными взглядами. Внезапно мы оказываемся окруженными.

— Кто вы? — спрашивает один из мужчин.

— Как вы сюда попали?

Черт. В каком мы времени? В какой год я спроецировалась?

Еллоу падает на колени и поднимает руки.

— Простите, господа, — довольно убедительно всхлипывает она. — Я просто... просто я фанатка президента... Я должна была увидеть. И притащила с собой подругу.

— Встаньте! — произносит мужчина в центре. — Вас обеих следовало бы арестовать. Вы находитесь на месте преступления.

— Мне так жаль, — причитает Еллоу.

Мужчина слева хватает ее, разворачивает к стене и обыскивает. Тот, что стоял справа, подходит ко мне, и я поднимаю руки. Он также обыскивает меня.

— Чисто, — говорит он.

— Я нашел это, — произносит тот, который держит Еллоу, и передает третьему мужчине записную книжку Альфы. Еллоу с ужасом смотрит на меня.

— Что это? — листая записи, спрашивает он.

— Мои конспекты по экономике, — не моргнув глазом, отвечает Еллоу.

Мужчина поднимает бровь.

— Вот тут написано 17 июня, 1998. НУ. 8.5. Что общего это имеет с экономикой, юная мисс?

Еллоу прочищает горло.

— Это факультатив по урокам шитья. Мы берем за основу тренды прошлых лет и пытаемся предсказать, какой будет мода будущего. НУ — означает Хиро Ю. Это японский дизайнер, который создает самую авангардную на данный момент одежду. Я собираюсь взять за основу его разработки. 8.5 — это диаметр необходимой шпульки. Это просто краткая запись.

Я моргаю. У меня не слов. Она только что придумала это, а объяснила так, как будто в сказанном ею есть смысл. Еллоу, несомненно, самая лучшая лгунья из всех, кого я знаю.

— По-моему, это просто трата времени, — говорит мужчина. — Лучше бы вы, девочки, учились готовить, убираться и, может быть, печатать.

Еллоу опускает голову.

— Извините, сэр.

— Вы поступили глупо. Проводите их на выход, — кивает он мужчинам, которые держат нас. Потом он смотрит на Еллоу и вручает ей записную книжку. — Не смейте больше никогда заходить в это здание.

Спуск с шестого этажа на первый кажется очень долгим и напряженным. Нас еще раз предупреждают держаться подальше от здания и выпроваживают на улицу. Перед книгохранилищем лежат кучи цветов: некоторые уже давно завяли, а некоторые совсем свежие. Тут же стоит по крайней мере дюжина людей: кто-то из них плачет, кто-то молится, а кто-то просто смотрит.

— Черт возьми, — выдыхает Еллоу, когда перед нашими лицами захлопывается дверь. — Чуть не попались.

Ничто так не приводит тебя в чувство, как перспектива ареста. Неужели всего лишь несколько минут назад я лежала на лестнице, свернувшись в клубок?

— 8.5 — это диаметр необходимой шпульки? — спрашиваю я. — Что это вообще такое?

— Не имею понятия, — пожимает плечами Еллоу.

— В каком году?

Она смотрит на людей, толпящихся перед зданием, а потом хватается за руку и тащит за собой.

— Сейчас двадцать третье декабря одна тысяча девятьсот шестьдесят третьего года. Ты повернула головку, которая настраивает месяц, всего один раз. Слава богу, что я заметила это. А теперь пообещай, что никогда не станешь проецироваться без меня.

— Еллоу, я...

— Обещай!

— Я не стану проецироваться без тебя, — отвечаю я сквозь сжатые зубы.

— Скажи, как все изменилось...

— Что? — спрашиваю я, отступая от нее.

— Убийство, Ирис. Заказное убийство. Все еще хуже, чем мы думали. Тебе не пришло в голову, что коррумпирован может быть не только Альфа, но и вся организация? Включая моего отца?

Я... нет. Не пришло.

Она фыркает.

— Мне жаль, что все так получилось с твоим отцом. Правда, жаль. Но это означает, что нам нужно приложить еще больше усилий, чтобы остановить это. Ты понимаешь? Мы *должны* остановить это. А я даже не понимаю, откуда начать. Есть только мы с тобой, забравшиеся в одна тысяча девятьсот шестьдесят третий год. Нам нужна помощь, но я не знаю, от кого мы можем ее получить.

Я закрываю глаза. Мне нужно сосредоточиться. Но я не хочу. Мне надоело быть сильной. Я была такой всю свою жизнь. Сейчас мне хочется просто лечь, свернуться в клубок и поплакать. Но я смогу сделать это, только если мы доведем задуманное до конца. Если.

— Я знаю, — шепчу я.

Еллоу поворачивает голову.

— Что?

— Я знаю, где можно получить помощь. Нам нужно вернуться в Массачусетс. Кембридж. МТИ.

Глава 24

В самолете мы с Еллоу не разговариваем. Я занимаю место возле окна и весь полет смотрю в него. Мне не хочется думать об отце. Это слишком больно. Но в голове непрестанно крутится момент, когда он упомянул о десяти миллионах долларов. Когда я обнаружила, что он организовал убийство только для того, чтобы быть преданным и застреленным самому.

Сколько других заданий он выполнил до того, как... все так получилось?

Я знаю правду, но не хочу в нее верить. Это Альфа. Во всем виноват Альфа. Он заставил моего отца. Наверное, он шантажировал его. Мой отец никогда не стал бы этого делать по своей воле. Пожалуйста, пусть это будет так.

В крошечном, тесном туалете самолета меня тошнит.

Мы прибываем в международный аэропорт Логан и спускаемся по трапу самолета, когда я неожиданно наклоняюсь к Еллоу и спрашиваю:

— Что случилось с Бетой?

Еллоу поворачивает голову, и на ее лице появляется выражение боли.

— Не думаю, что ты хочешь знать ответ на этот вопрос.

— Расскажи мне.

— Он покончил с собой, — вздыхает она. — Много лет назад. Вскоре после... эээ...

— Покончил с собой или его убили, как моего отца?

Еллоу сжимает губы.

— Чьим отцом был Бета?

— Грина, — поколебавшись, все же отвечает она.

Я киваю. Мне никогда не нравился Грин, но теперь мы с ним навсегда связаны продажностью и убийством. Но я рада, что Бета получил по заслугам. Он убил моего отца.

Даже если тот заслуживал этого.

Может быть.

Скорее всего.

Я не знаю.

От Логана до МТИ на такси довольно близко, и в этот раз я точно знаю, куда идти. Еллоу оплачивает поездку, а я, склонив голову, направляюсь к стоящему передо мной зданию. Мне слышно, как Еллоу в несколько быстрых шагов догоняет меня. В кампусе, кроме нас, нет ни души.

— Ты уверена, что он будет здесь? — спрашивает Еллоу, посмотрев на часы Стража. Сейчас восемь часов вечера и канун Рождества.

— Этот мужчина практически живет на работе, — отвечаю я. — К тому же, Ариэль иудей, поэтому ему не нужно спешить домой, чтобы украсить елку. Он будет здесь.

— Но что если нет?

Я вздыхаю.

— На этот случай я знаю, где он живет. — Хотя мне хотелось бы избежать визита в его дом. Не знаю, хватит ли у меня силы воли, чтобы сдержаться и не захлебнуться в слезах в гостиной.

Мы заходим за угол. На улице уже темно, а в окне на пятом этаже горит свет.

— Спорим на что угодно, что это кабинет Ариэля?

Входная дверь заперта. Я несколько раз дергаю ручку, но она не поворачивается. Рождественские каникулы. Понятное дело, что она заперта. Не знаю, о чем я думала. Придется вламываться.

Я поворачиваюсь, чтобы сказать об этом Еллоу, но она уже стоит возле окна на первом этаже с упавшей толстой веткой в руке.

— Тут есть сигнализация?

Я пожимаю плечами. Откуда мне знать. Но, думаю, мы скоро это узнаем.

Еллоу с силой ударяет веткой по окну, но, кроме звука бьющегося стекла, других посторонних шумов нет. Мы отряхиваемся, а потом я подсаживаю Еллоу и помогаю ей пролезать в окно. Она перегибается через подоконник, и я подпрыгиваю, чтобы схватиться за ее руку.

Мы в здании.

В коридоре на пятом этаже темно, но из открытой двери кабинета Ариэля льется свет.

— Я же говорила тебе, — шепчу я Еллоу.

Ариэль сидит в углу спиной к двери и возится с маленьким металлическим предметом. Бумаги сложены в стопку и отодвинуты на край стола. Я прочищаю горло, и Ариэль сразу же поворачивается. Почему-то сейчас он выглядит старше, чем в последний раз, когда я его

видела. Странно. Это было в одна тысяча девятьсот шестьдесят втором году. Всего один год назад. Тем не менее на лице того Ариэля, который смотрит на меня сейчас, больше морщин, а под глазами мешки.

— О, — произносит он, увидев меня. — Мисс Харт, я прав? А я все думал, когда мы снова с вами увидимся.

В его голосе чувствуется нерешительность. Я поворачиваюсь к Еллоу, чтобы посмотреть, заметила ли она ее, но та стоит и с открытым ртом смотрит на Ариэля.

По моим рукам пробегает озноб.

— Меня зовут не мисс Харт.

— Я в курсе, — произносит Ариэль. — Из какого вы времени?

— Я... — Подождите. Он сказал «из какого вы времени»?

— Вы... вы знаете, кто я? — Я снова поворачиваю голову в сторону Еллоу. Но она все так же потрясенно вглядывается в его лицо.

— Нет, не знаю, но, когда вы появились из ниоткуда и стали умолять меня изменить чертеж механизма, я готов был поспорить, что вы уже знали о нем и использовали его в будущем. Поэтому я и спрашиваю, из какого вы времени?

Еллоу хватается меня за руку.

— Не говори ему, — тихо произносит она.

Я поворачиваюсь к ней.

— Почему?

Еллоу начинает потихоньку пятиться из комнаты.

— Нам нужно уходить. Сейчас же.

— Еллоу, что...

— Это Сэвен, — шепчет она.

У меня пересохло во рту, когда я вспомнила о вводной лекции, которую мне прочитал Альфа о Страже времени. Первое поколение Стражей было известно под кодовыми именами-числами. И только один представитель того поколения до сих пор еще жив.

Сэвен.

Ариэль.

А значит... *Эйб*.

Я вскрикиваю. Нет! НЕТ! Только не Эйб. Не Эйб. НЕ ЭЙБ! Я резко поворачиваю голову в сторону Ариэля. Я не собираюсь никуда уходить.

— Вы лжец! Я знаю вас. Я знаю вас много лет, а значит, все это время вы были в курсе, кто я. Во время всех этих ужинов и праздничных обедов. И вы ни разу, черт возьми, даже не намекнули на это!

Ариэль поднимает руки и встает со стула.

— Сейчас же замолчи.

— Вы знаете о Страже времени? — спрашиваю я.

— Конечно знаю. Она существует уже более года. Мы проводили эксперименты, но нам нужен по крайней мере еще один год, чтобы начать перемещаться во времени стабильно. Мы уже очень близки к этому. Я Сэвен. — Он переводит взгляд на Еллоу. — Полагаю, ты уже догадалась об этом.

Еллоу не произносит ни слова, и Ариэль снова обращает свое внимание на меня.

— А теперь не могла бы ты сказать, кто вы, из какого времени и что вам нужно?

— Ирис, не надо, — восклицает Еллоу.

Я смотрю прямо ему в глаза.

— Я знаю вашего внука.

— Нет. — Ариэль поднимает руку, и на его лице появляется непреклонное выражение. — Я не хочу знать ничего конкретного. Ничего. Все, что вы расскажете мне, может совершенно изменить ход моей жизни, а мне этого не нужно. Я выбрал именно этот путь по определенной причине и пойду по нему до самого конца. Поэтому держите всю эту информацию при себе. Я только хочу узнать, кто вы, из какого времени и что вам нужно.

Но почему? Почему бы мне не рассказать ему обо всех мельчайших деталях жизни, которая его ждет?

Но в глубине души я понимаю почему. Эйб. Все, что я расскажу Ариэлю, повлияет на будущее Эйба.

Даже сейчас мое присутствие в этой комнате может изменить его. Так же, как и мой первый визит, когда я обратила внимание Ариэля на Мону. Что если благодаря мне это произошло слишком рано, и они с Ариэлем уже повстречались и расстались? Что если Ариэль женится на ком-то другом, а значит, Эйба никогда не будет?

Я открываю рот, но не могу ничего произнести. Я не знаю, смогу ли сделать это. Нет, я *должна* сделать это. Мы в тупике. Без помощи у нас ничего не получится. *Дыши.*

Я рассказываю Ариэлю, что я тоже Страж времени и треснутым голосом называю день, когда я сбежала.

— И чего ты хочешь?

Я открываю записную книжку и вырываю последнюю страницу. Страницу, на которой мы с Еллоу выписали данные о четырех крупных миссиях, заказанных КИ.

— Вот, — говорю я, вручаю ее ему. — Это четыре миссии, которые... — Я останавливаю себя, чтобы не рассказать ему о КИ. — Я просто хочу узнать, что это за миссии. Даты и места. Однажды в будущем вы будете иметь доступ к этой информации. Все, о чем я прошу — это поделиться ею со мной.

Ариэль вздыхает, но протягивает руку, чтобы взять страницу из записной книжки Альфы. Я колеблюсь, но все же отдаю ее ему. Существует столько много других вещей, о которых я могла бы попросить Ариэля. Я могла бы попросить его избавиться от Альфы в ту же секунду, когда его назначат на должность. Или не брать моего дедушку в первое поколение Стражей. Или спрятать меня так, чтобы ни один из Стражей никогда не нашел бы меня. Но я молчу. Мы находимся слишком близко к моему будущему, и я могу изменить его даже одним-единственным невинным комментарием.

— Зачем мне это делать? — интересуется Ариэль.

Я не знаю, как ответить на этот вопрос, не раскрывая слишком много информации.

— Мне хочется думать, что однажды я буду очень много значить для вас и что вы будете знать, что я всегда поступаю правильно. — Ариэль начинает хмуриться. — Вы не обязаны ничего решать прямо сейчас. Но если наступит день, когда вы поймете, что я права, то, прошу, помогите мне. Пожалуйста.

Ариэль опускается на стул, кладет локти на стол и, закрыв глаза, опускает голову на ладонь. Несколько секунд он молчит, а потом, наконец, произносит:

— Я не могу ничего обещать.

— Понимаю. Но надеюсь, вы все же выполните мою просьбу. — Это все, что я могу сказать.

Мы с Еллоу покидаем здание тем же путем, каким пришли. Через разбитое окно на

первом этаже.

— И что нам сейчас делать? — спрашивает она.

— А сейчас мы будем проецироваться.

Еллоу удивленно поднимает бровь.

— Куда? Знаешь, я уже начинаю терять терпение.

— Я не знаю куда, и на самом деле это не имеет значения. Наше настоящее не будет изменено, пока мы не спроецируемся снова. А значит, для того, чтобы узнать, поможет ли нам Ариэль, мы должны покинуть время, в котором находимся сейчас. Ведь это работает именно так?

Еллоу кивает.

— Так что выбирай дату, и мы переместимся в этот день.

— Я не знаю, — со вздохом отвечает она. — Завтра. Канун Рождества одна тысяча девятьсот шестьдесят третьего года.

Я настраиваю часы. Один оборот головки, отвечающей за день перемещения.

— Это разумно.

Я наблюдаю за тем, как Еллоу делает то же самое, а потом мы одновременно закрываем крышки часов.

Перемещение длится всего лишь долю секунды, и я даже не чувствую его.

— Ну? — спрашивает Еллоу, глядя на меня широко раскрытыми глазами, в которых плещется нетерпение. — Ты уже каким-то волшебным образом знаешь ответ?

Я замираю и начинаю размышлять. Я не чувствую себя как-то иначе. Наверяд ли Ариэль отвел меня в сторонку, когда мне исполнилось четырнадцать лет, и рассказал всю правду. Нет, если бы он собирался помочь нам, то сделал бы это более тонко и незаметно. Но как?

Я провожу руками по волосам и дергаю за концы прядей. Больно.

— Может, нам нужно спроецироваться еще раз. Может, нам нужно снова увидеть Ариэля в настоящем?

— В настоящем? — вторит мне Еллоу. — Ты хочешь прийти в дом члена Стражи времени в настоящем? Ты сошла с ума? Может быть, Ариэль — *Сэвен* — и не собирается выдавать нас, но я точно могу тебе сказать, что его дом находится под наблюдением, особенно из-за связи, которая существует между вами.

Она права. Конечно, она права. Я трясую головой.

— Тогда, может быть, нужно переместиться в дом моей мамы? Может, Ариэль что-нибудь отправил мне?

— А ты не думаешь, что дом твоей мамы тоже находится под наблюдением? Ирис, ты меня разочаровываешь.

— Тогда я не знаю, что делать! — Я поднимаю руки и прижимаю ладони ко лбу. Неожиданно меня осеняет.

— Боже мой, — восклицаю я. — Вот оно.

— Что? — интересуется Еллоу, но я уже поднимаю рукав серого платья, от которого хочется чесаться. Взявшись за браслет, я спускаю его на запястье, расстегиваю и показываю Еллоу.

— Его подарил мне Ариэль, — говорю я ей. — В первую Хануку, которую я провела с семьей Эйба.

— И ты думаешь, что в твоём браслете спрятана подсказка?

— Да. — Как только я произношу это, то сразу понимаю, что права. Ариэль спрятал

необходимую нам информацию в этом браслете. Мой Ариэль. Дедушка Эйба. Мужчина, который открыл для меня свое сердце и распахнул объятия, даже зная, кто я такая, хотя и понимал, что мне об этом ничего не известно. Он бы помог мне. И ответ находится в этом браслете.

Я подношу его к глазам и прищуриваюсь: серебряный браслет с подвесками. Вот мини-версия Эйфелевой башни — не то чтобы я когда-нибудь была в Париже — рядом с ней мини-пудель — не то чтобы у меня когда-нибудь была породистая собака — серебряный ключик, птичья клетка и...

Подождите. Я прищуриваюсь еще сильнее и практически закрываю глаза, а потом вскрикиваю.

— Это здесь! Прямо здесь!

— Где здесь?

Я показываю ей птичью клетку, чуть более сантиметра высотой.

— Смотри! — Внутри крошечной клетки, за тонкими металлическими решетками лежит маленький скрученный клочок пожелтевшей бумаги.

Еллоу всматривается в подвеску.

— А ты уверена, что его до этого там не было?

— Если и был, я никогда не замечала его. Мне нужно как-то открыть клетку. — Подвеска — это всего лишь декоративное украшение, поэтому в клетке нет дверцы, а решетки находятся в нескольких миллиметрах друг от друга. Мне придется сломать ее. — Мне нужна твоя сумка! — говорю я Еллоу. — Скальпель все еще у тебя?

— Тот, которым ты искромсала мою руку?

— Эй, ты сама сказала мне...

— Шучу. — Еллоу копается в сумке и вытаскивает из нее скальпель. Я беру его, просовываю между прутьев решетки и поворачиваю. Два из них сразу же отламываются. Браслет симпатичный, но не очень качественно сделан. Через несколько секунд все прутья валяются на земле, а я держу в руках крошечный клочок бумаги. Если я говорю крошечный, то, значит, так оно и есть. Я раскручиваю его, а потом разворачиваю, и оказывается, что все его размеры — пять на пять сантиметров.

На листке написано четыре предложения. Четыре предложения. Четыре миссии КИ.

— Он сделал это, — шепчу я. — Ариэль сделал то, о чем я его просила.

Еллоу смотрит через мое плечо на записи. Я поднимаю листок повыше, чтобы мы обе смогли разобрать крошечные буквы.

280 Фенвэй, Бостон, МА, 18 марта 1990., 1:24.

Дворец Тюильри, Париж, Франция, 30 апреля 1803 г., 16:21.

100 Буреау-драйв, Гейтерсберг, Мэриленд, 21 октября 1939 г., 8:00.

1100 Вестерн-авеню, Линн, Массачусетс, 2 июня 1890 г., 9:12.

— Что это? — спрашивает Еллоу.

— Мне кажется, это адрес и время, когда были проведены остальные четыре крупные миссии.

— И что нам теперь делать? — Еллоу наклоняется ниже. — Садиться на следующий самолет в Париж и отправляться в... — Она хватает листок и продолжает, — во дворец? У нас нет для этого денег, и мне больше нечего продавать. И это не считая того, что мы даже не знаем, сможем ли пробраться во дворец.

— Послушай, — говорю я, показывая на первую запись. — Это миссия в музее. Мы

знаем о ней и можем вычеркнуть ее, так же как и миссию в Париже, потому что... ну, ты сама понимаешь. Но, — показываю я на последнюю запись, — Линн находится всего в шестнадцати километрах отсюда. Мэриленд дальше, но все равно в пределах доступности. Мы сосредоточимся на этих двух миссиях и посмотрим, что сможем узнать.

Еллоу качает головой.

— Но я даже не понимаю, что нам делать.

— Я тоже. — И это правда. Я не имею никакого представления, что нам искать, но собираюсь довериться Ариэлю. Мне следовало сделать это с самого начала. — Именно это мы и собираемся узнать. Думаю, нам стоит разделиться. Что выбираешь: Линн или Мэриленд?

— Ни то, ни другое, — отвечает Еллоу.

Я удивленно поднимаю бровь.

— Послушай, — с ноткой раздражения в голосе произносит Еллоу. — Что если... — Она делает глубокий вдох и продолжает: — Что если вся организация продажная? И каждый ее член? Что если мое отец заодно с Альфой? Не знаю, смогу ли я принять то, что мой отец может быть... — У нее округляются глаза, когда она осознает, что собирается сказать.

— Предателем? — заканчиваю я за Еллоу. — Каким был мой отец?

— Я не хотела...

— Все нормально, — прерываю я ее. Но ничего из того, что сделал мой папа, никогда не будет нормальным. — Если на то пошло, не думаю, что твой отец как-то с этим связан. Смотри сама: сначала у Альфы был мой отец, потом Бета, но их обоих... устранили... ему нужен был новый человек. — Я стучу пальцем по последним двум адресам в списке. — Я не знаю, что произошло с ним, но по какой-то причине Альфа внезапно начал искать способ, чтобы обрести способность перемещаться во времени самому. Вот почему он отправил меня в прошлое, вот почему хотел, чтобы Ариэль изменил чертеж механизма. Все это было устроено ради одной цели — чтобы Альфа получил способность. Если бы у него был исполнитель, он не был бы в таком отчаянии.

— Эта или Гамма, — произносит Еллоу.

— Что? — Я знаю, что она говорит о двух членах второго поколения Стражи, но не имею понятия, кто они такие.

— Эта или Гамма. Они обе скончались несколько лет назад. Гамма была матерью Блу. Не думаю, что это она. Гамма учувствовала во многих миссиях и очень часто перемещалась еще до того, как была изобретена гравитационная капсула.

— Ты имеешь в виду, она делала то же, что и мы.

Еллоу не обращает на меня внимания.

— У нее отказало тело. Оно просто прекратило функционировать. Сначала она потеряла способность ходить, потом стоять. У нее атрофировались мышцы. Она...

Я вытянула руку, чтобы остановить ее. Не хочу больше слушать этого. Я представляю себе Ипсилон, такую, какой я ее увидела в первый раз: с покореженным и переломанным благодаря незащищенным проецированиям телом. Сколько вреда я причиню своему собственному телу, пытаюсь разоблачить Альфу? Сейчас я молода и здорова, но через сколько лет меня постигнет такая же судьба? Не хочу думать об этом.

— Эта? — подталкиваю я ее к продолжению.

Еллоу кивает.

— Эта кажется наиболее вероятным кандидатом. Мне неприятно это говорить, потому

что она... она была матерью Вайолет, а мы с ней уже очень давно дружим. Но именно Эта могла соблазниться деньгами и ухватиться за мысль о власти.

— Что с ней произошло?

— Она погибла, — отвечает Еллоу, глядя в пол. — Во время миссии.

— Или ее устранил Альфа, потому что она слишком много знала.

Еллоу резко вскидывает голову и открывает рот.

— Ты думаешь? Боже, он и правда мог это сделать?

Я пожимаю плечами. Сейчас, когда эти слова произнесены вслух, я могу думать только об отце. Может, Альфа подстроил так, чтобы Бета убил моего отца во время миссии. Чтобы ему не пришлось делиться с ним деньгами. Может, отец был всего лишь пешкой в этой игре. Или оказался вовлеченным в то, чего не понимал, и слишком далеко зашел. Или он притворялся во время миссии Кеннеди. А может, это была операция по разоблачению Альфы и Беты, но Бета добрался до отца первым.

Или одна девушка просто выдает желаемое за действительное, потому что не хочет верить в правду о мужчине, который был ее отцом.

Я снова опускаю взгляд на клочок бумаги, который Ариэль засунул в мой браслет.

— Хорошо, значит, мы возвращаемся в прошлое и находим Эту, — бурчу я. — Линн или Мэриленд?

— Я возьму Мэриленд, — отвечает Еллоу.

Я с облегчением киваю. До Линна добираться куда легче. И быстрее.

Мы договариваемся встретиться возле сциентистского¹⁷ зеркального пруда в Бостоне двадцать пятого декабря одна тысяча девятьсот шестьдесят третьего года.

Из-за того, как мы одеты, нам безопаснее держаться подальше от настоящего, особенно в Бостоне. Кто знает, какой размах принял сейчас розыск.

Мы с Еллоу вместе подходим к автобусной остановке. Через двадцать минут отправляется автобус в Линн, рейс в столицу будет только через три часа.

— Удачи, — говорю я Еллоу, взбираясь по ступенькам серебристого автобуса с округлой крышей. Она протягивает руку и сжимает мою ладонь.

— И тебе тоже.

За моей спиной закрываются двери, и я занимаю свое место. Посмотрим, что из этого выйдет.

Глава 25

Всю поездку на автобусе я провела, уперев голову в стекло. Когда я выберусь из этого, — *если* выберусь — то найду способ помочь маме и не стану больше принимать ее «нет» за ответ. Она нужна мне. Мне нужна обычная жизнь. Я волоком потащу ее к доктору, а затем в аптеку. Если придется — стану заталкивать таблетки ей в рот каждый чертов день. Я не позволю ей перестать принимать их через две недели — только не в этот раз.

Ей будет достаточно меня. Ей станет лучше ради меня. Через год мне исполнится восемнадцать лет. Остался всего один год до того, как я официально стану взрослой. Она задолжала мне эти триста шестьдесят пять дней нормального детства.

Нормального.

Я смеюсь. Мой отец был наемным убийцей, способным перемещаться во времени, а я — несовершеннолетняя, которая работает в секретном правительственном подразделении. Как ни посмотри, это далеко от нормального.

Автобус высаживает меня на рыночной площади, которая находится где-то в Линне. Я

не знаю. Я раньше видела указатели на Линн, когда проезжала по трассе, но никогда не была в этом городе, поэтому мне приходится обратиться к мужчине в билетной кассе. Судя по выражению лица этого невысокого человека в засаленной голубой рубашке, он не слишком рад тому, что ему приходится работать в канун Рождества.

— Извините, — говорю я. — Мне нужно попасть на Вестерн-авеню 1100. Вы не могли бы мне показать, куда идти?

Мужчина прищуривается.

— Повтори еще раз адрес?

— Вестерн-авеню 1100.

Он хмурит брови.

— Завод «ДжЭ»?

— Какой завод?

— «ДжЭ». «Дженерал Электрик».

Не знаю почему, но у меня в животе появляется странное покалывание.

— О, да, — отвечаю я, как будто и правда направлялась на огромную электростанцию.

— Вестерн-авеню начинается вон с того перекрестка. Поверни налево и где-то через милю придёшь. Завод будет слева, ты его не пропустишь.

Я двигаюсь в сторону небольшой бухты. Дует сильный ветер, а с неба падает небольшой снег. Втягиваю голову в плечи и продолжаю идти. Я бы сейчас отдала что угодно за пальто. Или хотя бы куртку. Да за что угодно, если это поможет защитить меня от ветра, который дует сквозь рукава платья и пронизывает кожу. У меня изо рта идет пар.

Солнце уже садится на горизонте, и на улицах практически никого нет. Где-то вдали раздается звон церковных колоколов, что напоминает мне о том, что сегодня канун Рождества. Я не знаю, какой сейчас день в настоящем. Но думаю, что после праздника.

Возле завода нет ни души. Я подхожу к входной двери главного здания и заглядываю через стекло. Внутри темно. Перевожу взгляд в верхний угол двери — камер нет. Не знаю, когда они превратились в обязательный атрибут, но я ожидала, что камеры тут будут. Все-таки это завод.

Я достаю черное платье, которое Еллоу купила мне в одна тысяча восемьсот девяносто четвертом году, и пытаюсь привести его в порядок. Оно такое измятое, что несколько встряхиваний не делают абсолютно ничего. Я еще раз осматриваюсь, чтобы убедиться, что никакой опасности нет. На улице все также ни души. Сняв наряд из одна тысяча девятьсот шестьдесят третьего года, я переодеваюсь в платье одна тысяча восемьсот девяносто четвертого года, а потом прячу балахон из шестидесятых за мусоркой. Когда вернусь, то заберу его.

После этого я настраиваю часы Стража на второе июня одна тысяча восемьсот девяностого года и... раздражаюсь смехом: я стою перед огромной электростанцией и собираюсь переместиться во времени, чтобы выследить внутри этого здания человека, которого не знаю и никогда не видела.

Что может быть легче?

Я захлопываю крышку часов и, мгновенно переместившись, приземляюсь на пешеходную дорожку. На улице раннее утро. Я закрываю глаза, пытаюсь избавиться от образа искалеченного тела Ипсилон, но у меня не получается.

Со мной такого не будет. Не будет. Как только мы остановим Альфу, я больше никогда не стану перемещаться. Никогда.

На часах полшестого утра. Я качаю головой и поворачиваюсь, но тут же вскрикиваю. Мне стоило бы уже привыкнуть к этому, но не получается. Завод, который сейчас стоит передо мной, наверное, в два раза меньше, чем тот, что я недавно видела. Ну, это делает задачу найти Эту гораздо проще. Вывеска на двери приветствует меня не в «Дженерал Электрик», а в «Томсон-Хьюстон Электрик».

Как я и ожидала, в это время на заводе никого нет, поэтому слоняюсь по периметру и пытаюсь продумать план действий. Сбоку здания находится вход, на котором висит табличка «*только для рабочих*». Думаю, это самый подходящий вариант. Я притворюсь работницей.

Но несколько часов спустя понимаю, что в моем плане было существенное упущение.

Они не шутили, когда написали «*для рабочих*». Все рабочие — это мужчины. В брюках, рубашках и ботинках. А я, что очевидно, — женщина. В черном помятом платье.

Я опускаю голову и все равно пытаюсь проскользнуть внутрь, прячась за спинами небольшой группы мужчин. Они несут в руках серебристые боксы с обедами и говорят о переписи населения. До меня тут же доходит, что я даже не знаю, какой сейчас день недели. Понятно, что рабочий, но... Пятница? Понедельник? Кто знает?

Мне становится не по себе. Чувствую себя такой уязвимой и неподготовленной. Ненавижу эти чувства больше всего.

Я опускаю голову еще ниже и прохожу следом за рабочими в дверь. Мой взгляд не отрывается от пола, и я даже не смотрю, куда иду.

Это объясняет, почему я врезаюсь в высокого и необъятного мужчину, который мог бы запросто уложить на лопатки борца сумо.

— Что ты делаешь на моем заводе? — рычит он.

Я поднимаю голову. Мужчина, изогнув бровь, прожигает меня очень злым взглядом.

— Работаю. — Я расправляю плечи. Так нас учили в Пиле. Прямая спина говорит с власти, даже если ее у тебя нет. А сейчас я нахожусь именно в такой ситуации.

Мужчина еще больше выгибает бровь.

— С каких это пор?

— С сегодняшнего дня? — громко отвечаю я.

— Ты одна из девочек Бесси?

— Да. — Не имею понятия, кто такая Бесси. Черт, что если она руководит проститутками? Но если это означает, что я смогу остаться на заводе, то почему бы мне не притвориться падшей женщиной. Подчеркну еще раз — *притвориться*.

Мужчина опускает левую бровь вровень с правой.

— Девочки Бесси заходят через главный вход. Разворачивайся и возвращайся.

Но что если я сделаю это, а меня не пропустят? Тогда оба входа будут для меня закрыты. Не думаю, что в этом здании есть другие двери.

— Я уже итак опаздываю, — смущенно улыбаясь, произношу я. — Можно мне пройти тут? — Я несколько раз моргаю, потому что меня неожиданно осеняет, что именно так поступила бы Еллоу, чтобы добиться желаемого.

Мужчина ворчит, но дергает головой в сторону коридора налево.

— Это главный коридор. Он выведет тебя ко входу, а там ты уже знаешь, где найти Бесси.

Я несусь по коридору, подобрав платье, чтобы не упасть. Он заканчивается в каком-то подобие холла, где стоит группа мужчин. Я останавливаюсь и, прикрыв глаза, пытаюсь

разобрать, о чем они говорят.

В голове раздаются хриплые мужские голоса. Некоторые с отличительным акцентом жителей Северного побережья. Я зажмуриваюсь и пытаюсь сосредоточиться.

Среди всех голосов особенно выделяется один. Он слабее, чем остальные. Не такой мужской. Голос замолкает, а потом говорит снова. Я заглядываю в холл и внимательно осматриваю каждого из присутствующих. Разговор ведут одновременно несколько человек, но я сразу выделяю того, кто меня особенно интересует.

Это невысокий худой мужчина в костюме-тройке. Из-под цилиндра выглядывают растрепанные волнистые волосы, а... подождите. Я смотрю на его руки. Они маленькие и хрупкие. Перевожу взгляд на ноги. То же самое. Это не мужчина.

Это Эта, которая притворяется мужчиной.

Я прищуриваюсь. Эта — белокожая, а Вайолет нет. Я даже и не думала о таком варианте. В этот момент в холле появляется мужчина с седыми волосами и бородой и протягивает Эте руку. Та пожимает ее, и они вместе проходят в другой коридор.

Мне нужно узнать, куда они идут.

Сделав глубокий вдох, я выхожу в холл, а потом пересекаю его с таким видом, будто владею этим местом. Уверенность доведет тебя куда угодно.

Вот только это оказывается не так.

На полпути меня останавливает чья-то рука. Это оказывается мужчина в сером костюме-тройке с золотыми часами на цепочке, приколотой к жилету. Не знаю, кто он, но, судя по взгляду, этот мужчина, в отличие от меня, действительно владеет этим местом.

— Кто ты и куда идешь?

— Я одна из девочек Бесси, сэр, — склонив голову, отвечаю я.

— Правда? — Он расправляет плечи.

Я делаю то же самое. В эту игру можно играть вдвоем.

— Да.

— Тогда ты не станешь возражать, если я провожу тебя, чтобы она могла подтвердить это.

Черт.

— Вообще-то, я сейчас должна быть с ними. — Я киваю в сторону коридора, по которому все дальше от меня удаляются Эта и группа мужчин. Но неожиданно они останавливаются возле последней двери, за которой коридор поворачивает вправо, и заходят в комнату.

— У них, — произносит мужчина, заставляя меня переключить внимание на него, — сейчас будет проходить финансовое собрание, и тебя оно, определенно, не касается.

— Я... — Что я? *Думай!* Говорю первое, что пришло в голову. — Мне нужно убедиться в том, что у гостей есть все необходимое, мистер Томсон. — Его фамилия — всего лишь предположение, если уж я нахожусь в «Томсон-Хьюстон Электрик». По тому, как мужчина сжимает губы и опускает подбородок, сразу понимаю, что оно неверное.

— Моя фамилия Бауэр, — произносит он, выразительно глядя на меня. — А теперь, если, по твоим словам, ты работаешь в моем подчинении, я хотел бы отвести тебя к Бесси.

Ну все.

Неожиданно в холл забегает девушка примерно моего возраста в черном до пола платье на худом теле, длинном переднике и кружевном чепце, похожий на тот, что я надевала с костюмом на Хэллоуин, когда мне было пять лет. Она встречается со мной взглядом, и по ее

виду, начиная с робкого выражения лица и заканчивая ссутулившейся спиной, я мгновенно понимаю, что это кроткая маленькая мышка. И, как лев, бросаюсь на нее.

— Она меня знает! — кричу я, показывая на мышку. — Она может подтвердить, что я тут работаю.

Бауэр поворачивается к девушке и, узнав ее, перестает хмуриться.

— Энни, ты знаешь эту молодую леди? — показывает он в мою сторону.

Я пристально смотрю на Энни и поднимаю брови, надеясь, что это выглядит убедительно и устрашающе.

— Да, сэр, — говорит она. — Это новенькая.

Бауэр подносит руку к подбородку и делает глубокий вдох. Я вижу, что он раздумывает, то ли показать себя крутым парнем, то ли отпустить меня. Я склоняю голову, как до этого сделала Энни. Иногда побеждает тот, кто знает, когда вовремя подчиниться.

Бауэр вытаскивает из кармана часы, быстро смотрит на время и убирает их обратно.

— Тогда все в порядке. — Он поворачивается и идет по коридору, по которому ушли Эта и другой мужчина.

Дождавшись, когда Бауэр скроется из виду, я поворачиваюсь к Энни.

— Послушай, я очень ценю то, что ты...

И тут я замолкаю. Потому что совершенно забыла о том, чем заканчивается притча о льве и мышке. В отличие от Энни. Сейчас глаза моей робкой маленькой мышки горят огнем.

— Ты мне должна, — говорит она. — Не знаю, кто ты такая и что тебе надо, но, если не хочешь, чтобы тебя арестовали, плати.

— У меня нет денег. — В какой-то мере это правда. У меня нет денег из одна тысяча восемьсот девяностого года.

Энни щелкает языком, делает шаг назад и внимательно осматривает меня с головы до ног. Увидев браслет на запястье, она удивленно округляет глаза.

— Мой брат — полицейский. В Бостоне. Он арестует тебя.

Вообще-то, не арестует. К тому моменту, как он об этом узнает, я буду уже далеко отсюда. Но это не меняет того факта, что Эта сейчас находится в комнате прямо по коридору, а я теряю время.

У меня не остается другого выбора. Я снимаю с запястья браслет и крепко сжимаю в ладони перед тем, как передать его Энни. Девушка ухмыляется, и мне сразу хочется ударить ее. Но вместо этого я срываюсь с места и иду по коридору.

Энни следует за мной. Я слышу, как торжественно стучат по деревянному полу ее туфли с пряжками.

Возле двери стоит тележка с серебряным чайником, чашками и тарелкой с печеньями и булочками. До меня доносятся отголоски мужских голосов.

Джекпот!

Я передвигаю тележку поближе и кладу руку на дверную ручку, но Энни встает передо мной и перехватывает тележку. Мой браслет скатывается ей на запястье, и я мгновенно напрягаюсь.

— Эту встречу должна обслуживать я, — говорит она.

— Ну а теперь ее обслуживаю я. Отпусти тележку, или я сломаю тебе запястье. — Мне бы хотелось сказать, что это пустая угроза, но я не уверена.

— Мой брат...

— Коп. Да, я знаю. Пусть идет на хрен. — Уверена, Энни никогда не слышала

современных ругательств, но по тому, как сузились ее глаза, я понимаю, что до нее дошел смысл.

Девушка несколько секунд пристально смотрит на меня, а потом поднимает руку и машет перед моим носом запястьем так, чтобы забряцали подвески на браслете. После этого она ухмыляется и дает мне пройти.

Я делаю глубокий вдох. «Сосредоточься на важном», — напоминаю я себе, после чего открываю дверь и берусь за тележку.

— Думаю, тебе пора испариться, — шиплю я ей и, опустив голову, закатываю тележку в комнату.

Не думаю, что Эта знает, кто я, но лучше обезопаситься на всякий случай. Альфа определенно изучил всю мою подноготную, начиная с детства. Может, Эта тоже в курсе. Я продолжаю идти, опустив голову, и исподтишка изучаю обстановку. Во главе стола сидит Бауэр, а по бокам — все остальные. Эта расположилась в центре, с правой стороны перед окном. Я чувствую, как Бауэр обжигает меня взглядом, когда я прохожу мимо него.

— Полагаю, основной вопрос, который интересует меня, — произносит он, — это почему вы хотите инвестировать в компанию именно сейчас. Почему не семь лет назад, когда мы только начали работать?

Я останавливаюсь в углу комнаты и, повернувшись спиной ко всем, разливаю по чашкам чай. Это действительно хороший вопрос. Мне хочется услышать ответ Эты.

Эта вежливо улыбается.

— Простите, но я думал, что мы будем разговаривать с президентом компании.

Бауэр поджимает губы.

— Мистер Коффин сегодня не смог прийти. Заверяю вас, что я уполномочен выслушать все ваши предложения. Так почему вы предлагаете нам деньги сейчас?

Эта задумывается на несколько секунд, а потом расслабляется и кладет на стол руки.

— Семь лет назад моей компании еще не существовало, — ответила она. — Мы начали работать только в прошлом году и вкладываем инвестиции в те предприятия, которые, по нашему мнению, имеют потенциал, но им не помешала бы финансовая поддержка. «Томсон-Хьюстон Электрик» как раз из таких компаний.

Она врет. Но почему? «Томсон-Хьюстон Электрик» даже не будет существовать. Однажды эта компания станет известна как «Дженерал Электрикс», и... поняла! Все крутится вокруг денег. Вложи деньги сейчас и получи огромную прибыль, когда «ДжЭ» начнет процветать.

Я ставлю чайник на тележку и пытаюсь успокоиться. «Коррупция». Это слово так и витает в воздухе, угрожая перекрыть мне кислород. Я чувствую себя настолько грязной, что никакая щетка не смоет с меня правду.

Кто-то откашливается.

— Чаю? — спрашивает гостей Бауэр. Судя по его голосу, я уже должна была раздать его.

Я поднимаю голову, но не оборачиваюсь, а просто киваю, стоя спиной к нему, и беру две чашки. Трясущимися руками несую блюдца и ставлю их на стол перед Бауэром и мужчиной справа.

Бауэр стучит пальцами по столу и приподнимает бровь.

— Какого рода инвестиции вы предлагаете?

Я хватаю еще две чашки и ставлю их на стол, а потом возвращаюсь за оставшимися двумя.

Эта прочищает горло и складывает руки на столе. Она пытается выглядеть уверенной, но со своего места мне видно, как нервно стучит по полу ее нога.

— Это отмечено в нашем предложении. Мы предоставим вам сто тысяч долларов, а взамен хотим стать миноритарными акционерами¹⁸.

Чтобы в будущем продать свои акции за кучу денег.

Я ставлю чашку перед Этой, но она не обращает на меня никакого внимания. Я распрямляю спину и пристально смотрю на нее. Какой же из нее дерьмовый агент. Она мне отвратительна. Эта женщина принесла присягу. Своей стране. Неужели это ничего для нее не значило?

Неужели это ничего не значило для моего отца?

Мне хочется перевернуть тележку и выбежать из комнаты, но я пока не узнала никакой информации, которая помогла бы раскрыть личность КИ. И черт меня возьми, если я отдала свой браслет за просто так.

Бауэр снова откашливается.

— Кому-то нужен сахар или молоко? — произносит он, выразительно глядя на меня.

Я резко разворачиваюсь и иду к тележке.

— Мне очень жаль, — говорит Бауэр гостям. — Она у нас новенькая, и такое ощущение, что еще ни разу в жизни не подавала чай.

Краем глаза я замечаю, как Эта поднимает голову и оглядывается в мою сторону. Я делаю вид, что занята, чувствуя, как она прожигает дыру в моей спине. Неужели она что-то заподозрила?

— Что ж, — продолжает Бауэр. — У меня безупречная репутация. Первоначальные вкладчики помогли компании настолько, что сейчас у меня нет необходимости соглашаться на ваше предложение. Поэтому скажите мне, — я слышу, как он просматривает бумаги в стопке, — какие инвестиции были сделаны «Игл Индастрис» за последнее время? И почему я должен вам доверять?

«Игл Индастрис». Кто управляет этой компанией? Давай, Эта, скажи мне.

— Ну... — начинает Эта.

— Молоко и сахар, — напоминает мне Бауэр.

Я хватаю сливочник и сахарницу и ставлю их на стол перед Бауэром, а потом возвращаюсь, чтобы взять тарелку с печеньями, и с помощью серебряных щипцов кладу по одному печенью на край каждого блюда.

Эта прочищает горло.

— Мне не хочется перечислять конкретные деловые сделки, которые мы заключили. Вы ведь понимаете... конфиденциальная информация.

Бауэр отмахивается от нее рукой.

— К тому же, в вашем предложении я так и не увидел, кто принимает решения в... как вас там? — говорит он, снова начиная перебирать бумаги. — В «Игл Индастрис?»

Я задерживаю дыхание.

— Я не могу вам этого сказать, — отвечает Эта, разом круша все мои надежды. — Потому что это неважно. Сегодня важно то, что у меня есть большая сумма денег, которую я хотел бы вложить в вашу компанию. Вы вправе отказать мне, и тогда я предложу ее кому-нибудь еще. Возможно, это будет Эдисон.

Бауэр резко вскидывает подбородок и встает. Он протягивает Эте через стол руку, и она поднимается, чтобы пожать ее.

— Мы рассмотрим ваше предложение и свяжемся с вами в течение недели.

Эта кивает.

— Спасибо, сэр. Рад был познакомиться с вами.

— Взаимно.

С этими словами Бауэр разворачивается и выходит из комнаты. За ним следуют все остальные мужчины, кроме Эты. Я наклоняюсь и делаю вид, что занята тарелками на нижней полке. Меня охватывает разочарование. Я так ничего и не узнала о человеке, который стоит за «Игл Индастрис». Ничего. Надеюсь, что Еллоу повезет больше, потому что Париж — это не вариант, если только мы не украдем у кого-нибудь деньги, но это слишком рискованно. Не говоря уже о том, что незаконно.

Я слышу, как Эта подходит к двери и нерешительно замирает. Может, она смотрит на меня в надежде, что я подниму голову? Я беру шесть тарелок из стопки на верхней полке и переставляю их на нижнюю, а потом встаю и стряхиваю в ладонь крошки с тележки. Она продолжает стоять. Наверное, наблюдает за мной.

Я поворачиваюсь к ней со склоненной головой.

— Я могу вам чем-то помочь, м...сэр?

У меня внутри все переворачивается. Я чуть не назвала ее мадам.

Эта пристально смотрит на меня, а я стою, опустив глаза в пол, как пугливый маленький зайчонок. Тем не менее мне удается украдкой бросить взгляд на стол. Бауэр забрал бумаги с собой. Ну а чего я ожидала?

— Нет, — наконец произносит Эта и, коснувшись кончиками пальцев цилиндра, добавляет, — Хорошего дня.

Я киваю, разворачиваюсь и, затаив дыхание, жду, когда за ней закроется дверь. Я хочу дать Эте достаточно времени, чтобы покинуть здание. Можно было бы последовать за ней, но какой в этом смысл? Она же не собирается возвращаться в Зал Стражей, бормоча про себя имена всех людей, которые стоят за «Игл Индастрис».

Внезапно в коридоре раздаются голоса. Два из них, оба женские, приближаются к двери. Я замираю.

— Она угрожала мне, мадам! — истерично воеет чей-то голос. — Мне кажется, она хочет навредить мистеру Бауэру!

Энни.

Сучка.

Я достаю часы, настраиваю их на двадцать пятое декабря одна тысяча девятьсот шестьдесят третьего года и исчезаю. А приземляюсь в той же самой пустой комнате для совещаний, правда сильно изменившейся. Больше нет никакого массивного дубового стола для переговоров и кресел с бархатистыми спинками. Вместо них стоит блестящий белый стол с металлическими ножками и бежевые кожаные кресла. На деревянном полу лежит зеленый ковер.

Интересно, Энни еще жива? Сохранила ли она мой браслет? Я встряхиваю головой *Нужно забыть об этом.* У меня есть дела поважнее.

Снаружи камер точно не было. Я не собираюсь рисковать, на случай, если они окажутся в коридоре, поэтому бросаю в окно стул и кладу на стол банкноту в двадцать долларов, чтобы покрыть расходы на ремонт. Хорошенько подумав, забираю ее обратно. Мне ужасно стыдно, но я не хочу добираться до Бостона на попутках.

***

Еллоу уже нетерпеливо вышагивает перед зеркальным прудом. Вокруг снуют несколько человек, но кроме них больше никого нет. В конце концов, сегодня рождественское утро.

— Ну наконец-то, — произносит она. Еллоу отвратительно выглядит: грязные засаленные волосы и черные круги под глазами. От нее пахнет общественным туалетом. Я вопросительно поднимаю бровь.

— Что? — спрашивает она. — Я два дня добиралась до Мэриленда. Ты когда-нибудь пыталась поспать в автобусе? — С этими словами Еллоу поворачивает шею влево, а потом вправо. — Но это неважно. Ты что-нибудь узнала?

— Узнала, но мало. Ты первая, — вздыхаю я.

— У меня дела обстоят не лучше. — Еллоу колеблется секунду, а потом подтверждает то, что я уже и так знала в глубине души. — Это был твой отец. Он присутствовал на тайном собрании по поводу «Манхэттенского проекта».

— Программы по разработке ядерного оружия?

— Да. Программа была еще на ранней стадии. Твой отец сказал, что он представляет какую-то компанию, которая хочет инвестировать в этот проект деньги.

Я чувствую, как каждый волосок на моей руке встает дыбом.

— «Игл Индастрис»? — шепчу я.

Еллоу широко распахивает глаза.

— В моем случае тоже всплыла именно она. Это была Эта, как ты и думала. Она предлагала, чтобы «Игл Индастрис» вложила деньги в завод, который впоследствии выкупит «Дженерал Электрик».

— А Эта сказала, кто стоит за «Игл Индастрис»?

— Нет. А... мой отец?

Еллоу качает головой. Но неожиданно меня осеняет:

— КИ, — говорю я. — Что если «И» — это Игл?

Лицо Еллоу вспыхивает, как лампочка.

— А «К» — это Крести! — практически кричит она. — Крести Игл! Думаешь, это имя?

— Если это так, то родители явно поиздевались над ребенком¹⁹.

— У нас есть только один способ это выяснить. — Еллоу быстрым шагом начинает удаляться от зеркального пруда, а потом оглядывается через плечо. — Шевелись, в нескольких кварталах отсюда есть библиотека.

— Но сегодня Рождество, — отвечаю я.

— Черт. Придется проецироваться, — резко останавливаясь, произносит она.

Я напрягаюсь, но тут же расслабляюсь. У меня все еще болит все тело. Я бы все отдала за горячую ванну и две таблетки ибупрофена. Но Еллоу права. У нас есть зацепка.

— Давай отправимся в будущее, — говорю я. — Мне надоел одна тысяча девятьсот шестьдесят четвертый год.

Мы перемещаемся на две недели вперед, в восьмое января одна тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года. По ощущениям, на улице становится холоднее градусов на двадцать. Со стороны бухты дует сильный ветер. Мы, клацая зубами, идем по Хантингтон-Авеню в сторону Копли-сквер. На улицах много мужчин и женщин в шерстяных пальто и шляпах. Они неверяще смотрят на двух девочек-подростков, которые бегут по улице, ничем не защищенные от холода.

Еллоу поворачивает на Дартмаут-стрит, а я следую за ней. Мы быстро взбираемся по ступенькам, ведущим в библиотеку, проносимся мимо скульптур, олицетворяющих

Искусство и Науку, и залетаем в открытые металлические ворота. Все это время мои плечи были прижаты к ушам, но как только мы оказываемся в здании и я начинаю согреваться, то сразу опускаю их.

Я поднимаю голову, и время замирает. Если не считать женщины, которая стоит рядом со мной в коротком пальто в очках «кошачий глаз», здание выглядит так же, как и в последний раз, когда я тут была. У меня всегда перехватывает дыхание, когда я здесь оказываюсь. Мы молча поднимаемся по мраморной лестнице, которая ведет в читальный зал. На лестничной площадке сидят два мраморных льва, которые злобно смотрят на нас. Мы с Еллоу обмениваемся взглядами.

Наконец, мы заходим в читальный зал с цилиндрическим сводом. Само помещение длиной около шестидесяти метров, а потолок находится на высоте пятнадцати метров. В центре зала стоят длинные столы с деревянными стульями со спинками. На каждом из столов по зеленому светильнику, которые наполняют комнату теплым ярким светом.

Еллоу с невозмутимым видом оставляет меня пялиться в потолок, а сама подходит к мужчине, сидящему за столом. Краем глаза я наблюдаю за тем, как он встает и ведет ее к полке, а потом возвращается на место. Я оглядываюсь, и она взмахом головы подзывает меня к себе.

Мужчина привел ее к секции о птицах. Еллоу изучает корешки обложек на верхней полке, а я опускаюсь на мраморный пол и просматриваю названия книг на нижней. Неожиданно мой взгляд цепляется за две красные книги на второй полке снизу.

Я достаю том под названием «Орлы, ястребы и соколы мира» и показываю его Еллоу. Она кивает и садится на крайний стул возле ближайшего стола. Я устраиваюсь рядом с ней и задерживаю дыхание. От нее и правда ужасно воняет. Но, по крайней мере, с раной на руке все в порядке.

На обложке книги нарисованы орлы, а описания птиц расположены в алфавитном порядке. Я начинаю листать ее, чтобы перейти к букве «К», и на странице тридцать семь у нас перехватывает дыхание. Потому что в книге обнаруживается запись о «крестед игл» — гребенчатом орле.

Я перевожу взгляд на изображение и лишаюсь дара речи. На меня смотрит маленькая птичка с хохолком из длинных перьев на голове. Словно ей сделали неудачную завивку.

Я сразу вспоминаю День испытаний. Выпускной. И значок, который висел на лацкане пиджака директора Вона. На нем было изображение точно такой же птицы.

Глава 26

— Подожди, — шепчет Еллоу. — За «Игл Индастрис» стоит твой бывший директор?

— Он определенно имеет какое-то отношение к этой компании. Но я не знаю, стоит он за ней или нет.

— Сколько ему лет?

— Что? — спрашиваю я немного громче, чем хотела. Мужчина за соседним столом поднимает голову и пристально смотрит на нас.

— Твой отец... он назвал его «Старым Крести». Сколько лет твоему директору?

— О, я точно не знаю, но много. Он уже пожилой. Может, за семьдесят? — Это чистое предположение. — До перевода в Пил директор долгое время был агентом ЦРУ, а потом начальником отдела. В Пиле он выпустил по крайней мере два поколения студентов.

— Два поколения, чтобы приобрести влияние во всех правительственных организациях. ЦРУ, ФБР, АНБ...

— И других, о которых мы даже не знаем.

— В Страже времени, — шепчет Еллоу.

— В Страже времени, — повторяю за ней я.

Мы довольно долго сидим и молчим. Еллоу смотрит на изображение гребенчатого орла, а я наблюдаю, как за окном в Копли-сквере падает снег. Я знаю, Еллоу пытается понять, что нам теперь делать, и мне, наверное, стоило бы тоже об этом подумать. Но я размышляю о своем отце. Может быть, в этом не было его вины? Может быть, директор Вон сделал его таким? И может быть, — всего лишь может быть — если мы сможем вернуться и остановить директора до того, как у него появится шанс проникнуть в Стражу времени, то предотвратим смерть отца?

— Нам нужно вернуться в Пил, — шепчу я.

Еллоу закрывает книгу и смотрит на меня пустым взглядом.

— Мы должны остановить это на начальном уровне, как и во время миссии в музее. — Я опускаю руки на бедра и выпрямляюсь. — Мы не можем донести эту информацию до сведения властей, потому что обе находимся в списке особо опасных разыскиваемых преступников.

Еллоу откидывается на стуле и продолжает смотреть на меня напряженным взглядом. Уверена, это заставило бы занервничать большинство людей, но я сейчас слишком сосредоточена.

— Мы отправимся обратно в одна тысяча девятьсот восемьдесят второй год, — говорю я. — Мы остановим Вона до того, как у него появится шанс что-то начать.

На лице Еллоу появляется недоуменное выражение.

— Что? — А потом оно озаряется пониманием. — Твой отец тогда учился в Пиле?

Я отодвигаю стул и встаю. Он так громко царапает мраморный пол, что все в зале поворачиваются и смотрят на меня. Я направляюсь к двери и слышу, что Еллоу следует за мной.

— Ирис! — шипит она, когда мы оказываемся на лестничном пролете.

Я останавливаюсь и поворачиваюсь. Этажом выше видны очертания мраморного льва.

— А что насчет Альфы? Ты так и собираешься придумывать себе список новых врагов, пока мы не найдем способ оставить твоего отца в живых? Можешь отрицать это, но я понимаю, что ты пытаешься сделать.

Я не отрицаю. Я уклоняюсь от ответа.

— Ты не считаешь, что директор Вон — это враг?

— Я думаю, что сейчас наша задача номер один — не он. В первую очередь нам нужно рассказать о том, что мы обнаружили начальнику Альфы.

— Да, гениальный план. Начальник Альфы — это *Министр обороны*.

Еллоу складывает на груди руки и пристально смотрит на меня.

Я прищуриваюсь.

— Отлично. Поступай так, как считаешь нужным, а я пойду своей дорогой. Проецируйся в настоящее, иди в Пентагон и требуй встречи с Министром обороны. Надеюсь, тебе понравится в тюрьме. Я же собираюсь остановить Вона. Это в свою очередь остановит Альфу и да, возможно, также спасет моего отца.

— Господи, как же ты меня бесишь. Может, ты хотя бы выслушаешь меня? — Ее голос эхом разносится по библиотеке, и к нам сразу же устремляется женщина в коротком пальто. Еллоу поднимает руки и, блеснув в ее сторону самой невинной улыбкой, извиняется. Да, у

нее виртуозно получается строить из себя святую невинность.

Женщина поправляет очки и недовольно смотрит на нас, прижимая палец к губам, а потом разворачивается и уходит, цокая по ступенькам небольшими каблучками.

— Послушай, — шепчет Еллоу. — Я не против отправиться в Пил. Это единственная ниточка, которая у нас сейчас есть. Но я не собираюсь слепо следовать за тобой без какого-либо плана только для того, чтобы ты могла разрешить все вопросы, связанные с отцом.

Я делаю глубокий вдох. Мне хочется наброситься на нее, сказать, что у меня нет никаких неразрешенных вопросов, но это было бы самой большой ложью с тех пор, как мне на голову накинута мешок в День испытаний. В голове тут и там проносятся кусочки информации, и я пытаюсь схватиться за что-нибудь, что, возможно, имеет смысл.

— Может статься, что Вон завербовал моего отца, когда тот еще учился в школе.

— Вполне может быть.

— Мой отец выпустился в одна тысяча девятьсот восемьдесят втором году. Переместившись в день незадолго до выпускного, мы сможем выяснить, использовал ли уже его Вон к этому времени. Если мы хотим, чтобы нам поверили, то нужно найти вещественные доказательства. Не думаю, что одного нашего слова будет достаточно для этого.

— Ты права, — согласилась Еллоу. — Особенно в тех условиях, которые создает сейчас для нас Альфа в настоящем. Он полностью дискредитирует нас.

— Поэтому мы возвращаемся в прошлое, находим конкретные улики, а потом думаем, как донести известную нам информацию до властей. Это лучший план, который приходит мне в голову.

Еллоу молчит и переваривает сказанное мной. Наконец, она кивает.

— Хорошо. Мы перемещаемся в одна тысяча девятьсот восемьдесят второй год, в день незадолго до выпускного.

Я согласно киваю в ответ, умалчивая о том, что не имею никакого понятия, в какой день в одна тысяча девятьсот восемьдесят втором году был выпускной в Пиле. Он мог пройти раньше, как в моем случае, или позже, например, в мае. Или в любое другое время. Нам придется выбрать дату наугад и надеяться на удачу.

— Как насчет двадцать пятого февраля? — спрашиваю я.

— Хорошо, — произносит Еллоу.

Мы проецируемся в одна тысяча девятьсот восемьдесят второй год и приземляемся в туалете на цокольном этаже библиотеки.

— Сколько у нас осталось денег? — интересуюсь я.

— Хватит на два билета на автобус и о-очень дешевую одежду, — подсчитав их, отвечает Еллоу. — После этого мы окажемся на мели, если только не начнем воровать. Не могу поверить, что мы останавливались в «Паркер-хаус». О чем я только думала?

— Успокойся, Еллоу, — пожимаю плечами я. — Мы всегда можем сделать ставку на каком-нибудь футбольном матче, ведь мы уже знаем результаты.

— Именно это я и называю воровством.

Мы едем на метро от Копли до Парк-стрит, а потом идем в «Филинс Бэйсмент²⁰». Еллоу вручает мне двадцать баксов. На полке с товарами со скидкой я нахожу голубые зауженные к низу джинсы и по-настоящему уродливый лавандовый свитер. Пусть он и страшный, зато толстый и свободный, поэтому будет меня греть, так же как и голубой пуховик, который я обнаружила между двумя рубашками. Вся одежда стоит мне девятнадцать долларов

восемьдесят два цента. Тютелька в тютельку. Это можно рассматривать как хороший знак.

Автобус отходит от Южной станции. Я занимаю место возле окна и упираюсь лбом в стекло. Сегодня довольно прохладный и пасмурный день. Снег превратился в слякоть, хрустящую под большими колесами. Я смотрю на голые деревья, которые мелькают на дороге, и думаю об отце.

Я увижу семнадцатилетнего папу. Папу, которому столько же лет, сколько и мне. Папу, который, возможно, уже ступил на путь коррупции и корыстолюбия. Как бы мне хотелось найти способ, чтобы убедить его даже не присоединиться к Страже времени, или я могла бы...

Я резко выпрямляюсь. Боже. Да. Я могла бы сделать это.

Я оборачиваюсь и смотрю на Еллоу. Она сползла ниже на кресле и откинула на него голову. Ее глаза закрыты. Я прикусываю нижнюю губу и решаю дать ей отдохнуть. Мне еще нужно все обдумать. Сейчас у меня слишком много мыслей в голове.

Автобус останавливается перед старым магазином на углу, который находится в четверти мили от кампуса Пила.

— Я нервничаю, — говорю я, когда мы идем через рошу. У меня сильно колотится сердце. — Я пытаюсь скрыть это от тебя, но у меня трясутся руки. Видишь вон то дерево? Под ним меня в первый раз поцеловал Эйб. Я сейчас окажусь в месте, наполненном моими воспоминаниями. Еще и мертвый отец до кучи. Я очень боюсь, что все изгажу.

Еллоу сжимает мое плечо, и я подпрыгиваю от неожиданности.

— Прости, — произносит она, убирая руку. — Ты ничего не изгадишь. Мне кажется, что ты физически на это не способна.

— Может тебе рассказать о том, что происходило под этим деревом?

Еллоу потрясенно смотрит на меня.

— Это была шутка!

Но она уже ухмыляется, а потом разражается смехом. Я опускаю голову и тоже смеюсь. Сначала потихоньку, а потом так сильно, что мне становится больно дышать. Как же хорошо снова смеяться и полностью расслабиться. Я перевожу взгляд на Еллоу и вижу такое же понимание на ее уставшем лице. Она на многое пошла ради меня. Я совершенно неверно судила о ней.

В поле нашего зрения появляется Пил. Возле ворот стоит охранник, поэтому я сталкиваю Еллоу с дороги.

— А нельзя просто дать ему двадцатку? — спрашивает она. — Это почти все, что у нас есть, но если мы сможем пройти, то я смирюсь с этим.

— Давай, если хочешь, чтобы тебя арестовали. Шевелись, с обратной стороны есть еще один вход. — Или, вернее, вход для студентов. Именно через него мы сбегали с академии, чтобы погулять в лесу или купить пиво в магазине на углу. Мы считали, что он существовал уже много лет и администрация знала о нем. Тем не менее ни один из учеников ни разу не попадал в серьезные неприятности во время своих побегов, поэтому они закрывали на него глаза.

По всему периметру кампуса растут вечнозеленые кустарники высотой в восемь футов, а с другой стороны высятся железные ворота. Но я знаю куда идти. Прямо туда, где в кустах находится небольшой лаз, а железные решетки разогнуты так, чтобы через них мог пролезть ребенок.

Я иду первой, а Еллоу следует за мной. Мы уже практически на углу кампуса. Прямо

перед нами территория, на которой был установлен лабиринт для Дня испытаний. Вернее будет установлен. Через много лет.

Мы стараемся держаться поближе к периметру и не высовываться. В кампусе тихо — наверное, идут уроки. Я опускаю взгляд на часы. Почти половина двенадцатого. Если расписание не было изменено, то у нас есть около двадцати минут до того, как прозвенит звонок на обед и все помчатся в столовую через плац. Среди толпы будет и директор Вон. Он всегда ест со студентами — сидит на своем помосте и наблюдает за нами. Мне кажется, это делалось для того, чтобы мы нервничали. И так оно и было.

Мы подходим к плацу, и у меня на секунду останавливается сердце — Пил выглядит точно так же, как в настоящем: стены Арчер-холла, по которым извивается плющ, общежитие, в котором я прожила два года и несколько месяцев. Пересекающиеся дорожки находятся в идеальном состоянии. На дубах, растущих на территории академии, пока нет листьев, но наступит лето, и они будут создавать тень. Такое ощущение, что я никогда не покидала это место. Мне даже показалось, что сейчас прозвенит звонок и по ступенькам сбежит Эйб. Мы вместе пообедаем и обменяемся домашним заданием по физике.

Стоп.

Я заставляю себя перестать думать об Эйбе. Это не возвращение домой. Это миссия. И может быть, самая важная миссия в истории Стражи времени.

Раздается звонок, который эхом разносится по кампусу. Я выпрямляюсь и оглядываюсь. На плацу начинают появляться студенты, одетые в такую же униформу, как и моя. Я перевожу взгляд с корпуса естественных наук на математический, а потом на корпус гуманитарных наук. Я высматриваю Вона. Не отца. Я даже не знаю, как он сейчас выглядит. Мои воспоминания о нем — это две фотографии дома и одна в папке Альфы. Я всматриваюсь в здание администрации. Вон в любую секунду может спуститься со ступенек и направиться в сторону столовой.

Мне на лицо падает локон волос, и я дергаю головой, чтобы убрать его. В этот момент — черт. Я вижу отца.

Он, улыбаясь и смеясь, выходит из корпуса государственного управления и держится за руки с девушкой, которая явно не моя мать. У меня замирает сердце. Просто перестает биться. У него такой же с горбинкой нос, как и на фотографии в папке. Такая же растрёпанная прическа. Но самое главное — его узнает мое сердце.

— Ты нашла Вона? — шепчет рядом со мной Еллоу, а потом она поворачивается, и краем глаза я замечаю, как ее голова дергается в сторону моего отца. — Ирис. Это твой отец?

Я сглатываю ком в горле и киваю.

— Ирис, — тихо и грустно произносит она.

Неожиданно мои ноги приходят в движение. Сами.

— Я просто... я должна. — Я не заканчиваю свою мысль. Просто не знаю, как ее закончить.

Еллоу остается на месте. По крайней мере, я не слышу, что она идет за мной. Я смотрю прямо перед собой и вижу, как отец просовывает два пальца под воротник, расстегивает верхнюю пуговицу на рубашке и ослабляет галстук. Он отпускает руку девушки, и она целует его в щеку, а потом уходит в столовую. Отец наблюдает, как она идет.

Я не могу отвести от него глаз. Он такой молодой. И чувствуется, что на своем месте. Студент. Мое тело не знает, как реагировать. Внутри все переворачивается, а сердце,

наоборот, радостно бьется. Голова кружится, но мысль я ясно. Ноги подгибаются, но я твердо иду вперед.

Отец прямо здесь, всего в двух футах от меня. Настоящий и живой. Я откашливаюсь, и он поворачивается ко мне. Его глаза удивленно распахиваются, как будто он не может поверить, что не студенту удалось проникнуть на территорию самой охраняемой государственной тренировочной академии.

— Ты кто? — спрашивает папа.

Его голос. Другой, не такой как во время миссии Кеннеди. Не такой как в тот день, когда он умер. Гладкий, как шелк, теплый и притягательный.

— Меня зовут... — Аманда. Меня зовут Аманда. Я твоя дочь. — Ирис.

— Как ты сюда попала, Ирис? — интересуется он и переводит взгляд в сторону столовой. Я поворачиваю голову и смотрю поверх плеча. Большинство студентов уже внутри, но несколько ребят, в основном парни, задержались и наблюдают за нами.

— Я знаю о лазе в кустах и о согнутых решетках, — отвечаю я.

Мой отец, судя по всему, делает строгое выражение лица. Выражение, которого я никогда не видела. Но я могу изменить это. Я могу изменить это прямо сейчас, рассказав ему о том, что знаю. Так почему я колеблюсь?

— Это неважно.

Отец снова бросает взгляд на столовую, а потом смотрит на меня.

— Я тебе зачем-то нужен?

Я делаю глубокий вдох, готовая открыть рот и обо всем рассказать ему. О том, что он покинет Пил и присоединится к Страже времени. О том, что директор Вон будет платить ему за выполнение определенных миссий. О том, как он умрет на одной из них. И о том, как важно, чтобы отец оставался честным и чистым.

В этот момент выражение лица отца меняется. Он смотрит мне прямо в глаза — такие же, как и его собственные — и на его лице появляется узнавание. Я вижу, как он пытается сложить два и два.

— Я знаю тебя? — спрашивает он.

Я не могу. Я не такая сильная. Мне хочется броситься к нему, чтобы он обнял меня за все разбитые коленки и душевные раны, за все то время, что его не было рядом.

«Да!» — кричит мой мозг. — «Да, ты знаешь меня! Ты зачал меня. Ты оставил меня. Пожалуйста, не уходи. Моя мама больна, и я не могу позаботиться о ней. Ты единственный, кто может это сделать. Ты нужен ей. Ты нужен мне.»

Но эти слова звучат только в моей голове. Потому что в глубине души я знаю, что это неправильно. Я могу пытаться выдать свои мотивы за единственно верные, но это не так. Они эгоистичные. Я делаю это, потому что хочу вернуть отца. Я хочу вырасти, имея отца. Здоровую мать. И нормальную жизнь.

Но, как бы я не хотела, мне не получить всего этого.

— Я ошиблась, — едва слышно отвечаю я. — Вы не тот, кого я ищу.

Однако мой отец остается стоять на месте.

— Прости, но ты выглядишь такой знакомой. Уверена, что я тебя не знаю?

Еще чуть-чуть и я больше не смогу сдерживаться.

— Я... — У меня пересыхает в горле. — Я не знаю тебя. — Я разворачиваюсь, сбегая по лестнице и несусь к Еллоу. Вокруг меня пустота. Ни одного звука. Перед глазами лишь неясные очертания. Я даже не могу вспомнить, почему нахожусь здесь.

В этот момент хлопает дверь, и я прихожу в себя.

— Джулиан! — радостно кричит мой отец.

— Привет, Митч. Кто это был? — спрашивает за моей спиной мужской голос.

— Не знаю. Какая-то девушка по имени Ирис.

Глаза Еллоу становятся такими большими, что я оборачиваюсь и смотрю через плечо. Она вскрикивает. Вскрикиваю и я. Потому что мой отец стоит и разговаривает с Альфой-подростком. С Альфой, который, судя по всему, учился в Пиле. С Альфой, который теперь будет помнить о странной девочке Ирис, которая однажды появилась в школе, чтобы сказать что-то важное своему отцу.

— Ирис! — кричит Еллоу. Я резко оборачиваюсь и бегу к ней.

— Проецируйся! — рывкаю я. — Сейчас же! Мы в засаде!

Глава 27

Нам не удается даже вытащить часы.

Хлопок!

Хлопок!

Хлопок!

— Нет! — кричит Еллоу. Мы налетаем друг на друга, пытаясь убежать. Убежать от Орэнджа, Грина и Вайолет.

Хлопок!

Хлопок!

Хлопок!

Перед нами появляются еще три фигуры. Блу. Индиго. И...? Парень. Он сидит на корточках, втянув голову в плечи, и зажимает уши руками. Новенький? Они взяли нового члена? И в этот момент я перестаю бежать.

Я знаю кто это. Мое сердце взмывает в воздух и начинает танцевать, потому что я не разрушила его будущее. Он здесь. Живой. Но потом оно с грохотом падает на землю, потому что теперь я знаю, что они добрались до него.

Не успеваю я сделать и шага, как мы оказываемся окружены.

Щелк! Щелк! Щелк! Щелк! Щелк! Щелк!

На нас нацелены шесть пистолетов. Не электрошокеры. Не пейнтбольные маркеры. Настоящие пистолеты.

— Что, собираетесь застрелить нас? — кричит Еллоу, поднимая руки вверх. — Вас всех обманывали! Каждого из вас!

Я смотрю на Орэнджа, а потом поворачиваюсь, чтобы найти Эйба. В тот момент, когда наши взгляды встречаются, он опускает оружие, и мое сердце опять взмывает вверх.

— Эйб! — Ноги сами несут меня к нему.

Но Эйб снова поднимает пистолет.

— Остановись, Ирис!

Я замираю. Он назвал меня *Ирис*. А в его глазах холод. Они смотрят будто *сквозь* меня. Альфа добрался до него. Каким-то образом Альфе удалось добраться до Эйба. Может, он угрожал ему? Но чем?

— Эйб, поговори со мной! Скажи что-нибудь!

Однако Эйб все так же продолжает смотреть сквозь меня.

— Абрахам! — кричу я. — Я знаю тебя. Я знаю об Ариэле.

Я снова начинаю двигаться к нему, но он только выше поднимает свой пистолет правой

рукой. Поэтому я останавливаюсь.

— А я тебя, оказывается, не знал, — практически шепотом произносит он. В его голосе слышится страдание и горечь, и мое сердце начинает кричать от боли. Мне хочется обнять его, поцеловать и сказать, что мы со всем разберемся. Но потом выражение лица Эйба меняется — и его искажает злость. — Почему ты ничего не рассказала мне?

— Потому что я тоже ничего не знала! — кричу я. — Эйб, почему ты здесь? — Я поднимаю руки и маленькими шажками иду к нему.

— Ирис, что ты делаешь? — вопит Еллоу. — Ты все испортишь.

Я разворачиваюсь. Еллоу, тяжело дыша, смотрит на меня большими испуганными глазами. Она бежит ко мне, а потом происходит миллион маленьких событий одновременно. Еллоу на бегу открывает свои часы и поворачивает головки. Орэндж бросается к ней. Все остальные тоже бегут. Грин хватает меня за руку и дергает за нее. А потом.

А потом.

Воздух разрывает звуковая волна. Выстрел. Всего один.

И крик.

— Еллоу! — во весь голос ору я. Грин отпускает мою руку и охает. Начинается хаос. Везде. Сейчас подходящий момент, чтобы исчезнуть. Я могу закрыть крышку часов и переместиться.

И я бы сделала это, если бы не Еллоу, которая лежит на земле, истекая кровью из раны в животе, и мой парень, который стоит и наблюдает за этим.

Индиго проносится мимо меня и опускается на колени.

— Боже! Элизабет! Боже мой! Кто это сделал?

На секунду мы забываем, что больше не союзники. Мы оглядываемся, и наши взгляды упираются в Блу, — Тайлера Фертига — который стоит с поднятым пистолетом и обеими руками сжимает рукоятку.

А потом он опускает его. Всего на секунду. И снова поднимает, чтобы приставить к виску.

— Нет! — кричу я. Не раздумывая, я бросаюсь к нему и отвожу пистолет от виска. Мы начинаем падать, и в этот момент он нажимает на курок. Раздается еще один выстрел... в воздух.

Мы с глухим стуком грохаемся на землю. Блу смотрит на меня, а я на него, а потом он втягивает голову в плечи и начинает рыдать, оплакивая свои неудавшиеся попытки избежать судьбы. И свою мать. Я протягиваю руку и касаюсь его плеча, но он смахивает ее и еще больше съеживается и пригибается к земле, как будто надеясь, что она развернется и поглотит его целиком.

— Элизабет! — снова кричит Индиго. — Мы должны помочь ей.

Никто не двигается.

— Наша миссия — убить или взять в плен, — говорит Орэндж пустым механическим голосом. Что, черт возьми, с ними сделал Альфа?

— Она моя сестра. Член *нашей* команды. Ей нужна помощь.

Двери столовой распахиваются, и из них выбегают учителя. За ними следуют студенты. Но я даже не пытаюсь найти взглядом папу.

Снова начинается хаос. Я вскакиваю и отступаю назад, когда Вайолет бросается к Блу, а все остальные спешат к Еллоу. Один только Эйб не двигается и пристально смотрит мне в глаза.

— Назад в настоящее! — кричит Орэндж. — Все!

Но я уже настроила свои часы. У меня нет намерения возвращаться в настоящее. Я знаю, что должна сделать. Сомневаюсь, что в Зале Стражей кто-то сейчас отслеживает маячки. Я захлопываю часы, одновременно с этим бросаюсь к Эйбу и хватаю его за запястье.

Мы вдвоем разрываем пространство и время, но всю боль я беру на себя. Пронзительный визг разрывает мне уши и выжигает мозг. Я кричу, как будто меня подстрелили. Весь мой вес давит на сердце. Я не могу терпеть...

С криком и плачем я падаю на землю.

— Что за черт? — восклицает Эйб. — Как я здесь оказался?

Я открываю глаза и заставляю себя дышать.

— Ты перенесла меня сюда? — разворачиваясь, удивленно спрашивает он. — Как ты это сделала?

Я поднимаюсь и резко втягиваю воздух. Это не настоящее. Это дата, на которую я настроила часы. На углу кампуса виден фанерный лабиринт, который построили только вчера ночью. Я не вижу его, но знаю, что над бассейном установлено устройство для погружения в воду. А в корпусе государственного управления находится комната для задержания с неисправной противопожарной системой.

— Это День испытаний, — произносит Эйб. — Ты перенесла меня в наш День испытаний.

— Знаю. — Я пристально смотрю на пистолет, который он продолжает держать в руке.

— Мои часы настроены на настоящее.

— Эйб, я забрала тебя с собой не просто так.

— Мое имя больше не Эйб, *Ирис*, — выделяя последнее слово, говорит он.

— Меня зовут Аманда, — сквозь зубы цежу я. — Оглянись. Меня зовут Аманда. А тебя — Эйб. Прямо сейчас мы лежим, обнявшись, в углу столовой. Я говорю тебе, что у меня дурные предчувствия по поводу сегодняшнего вечера. Ты просишь меня не переживать. Но я боюсь, потому что в глубине души знаю, что это последний раз, когда я лежу в твоих объятиях. Что, возможно, этого больше никогда не будет. Потому что я *знаю*. Знаю, что меня заберут сегодня.

Эйб ничего не говорит. Он смотрит прямо перед собой и в этот момент кажется мне незнакомцем.

— Поговори со мной. Объясни, почему ты здесь.

Он продолжает смотреть в сторону лабиринта, но все же отвечает:

— Я здесь, чтобы вернуть тебя.

— Но почему? Почему ты? Почему ты здесь, Эйб? Почему ты не... *здесь*? — махнув рукой в сторону общежития, спрашиваю я. — Почему ты сейчас не спишь в настоящем?

— Они забрали меня, — сжав перед собой руки, отвечает он. — Пришли в Пил и забрали меня. Сказали, что ты совершила государственную измену и хочешь дискредитировать правительство. Они сначала вырубил меня, а потом начали рассказывать чушь о том, что мой дедушка — Ариэль — может путешествовать во времени, так же, как мой отец, так же, как и я. А потом они отправили меня сюда и приказали найти тебя.

Я качаю головой. *Нет*. Это не все. Должно быть что-то еще.

— Ты говорил с Ариэлем?

— Я никого не видел! И ни с кем не разговаривал! Мне просто нужно вернуть тебя. Я должен вернуть тебя, Ирис. Должен.

Мне кажется, что Эйб вот-вот расплчется. У него дрожит голос и трясутся руки. Что они с ним сделали?

— Меня зовут Аманда, — говорю я ему. — Прекрати звать меня Ирис.

— Пожалуйста, не усложняй все. — Он крепко зажмуривает на секунду глаза, но этого достаточно, чтобы я поняла, что Эйб полностью потерял контроль над собой.

— Я не знаю, что они тебе рассказали, но это все ложь, Эйби-бейби, — шепчу я.

Эйб сглатывает и поднимает пистолет. Его лицо искажено страданием.

— Пожалуйста, не зови меня так. Я должен вернуть тебя назад, Ирис.

Они заставили его. Теперь я точно знаю это. У Альфы есть козырь в рукаве, но какой?

— Пожалуйста, поговори со мной, — умоляю я. Позади нас раздается удар гонга. Кто-то только что прошел лабиринт. — Что они сделали, чтобы заставить тебя держать меня на прицеле? Эйб, которого я знала, никогда бы так не поступил. Эйб, которого я знала, бросился бы под пули, если бы мне угрожала опасность.

— Я изменился, — слегка дрогнувшим голосом отвечает он.

— Чушь собачья! Что они рассказали тебе, Эйб? Что они с тобой сделали?

— Они забрали ее, понятно? — кричит он, опуская пистолет. — Они забрали ее, а она больна, ей нужно быть дома, но ее не отдадут, пока не поймают тебя.

Я трясую головой.

— Забрали кого? — Я не имею понятия, о чем говорит Эйб. Единственная женщина в его семье — это мама, но она в порядке. У нее идеальное здоровье. Если только что-то не изменилось за время моего отсутствия. — Ты имеешь в виду свою маму?

— Не маму, а бабушку!

Я снова трясую головой.

— Что? Маму своей мамы? Но ты едва знаешь ее. Она живет в Израиле. Как Альфа могла добраться...

— Нет! — кричит Эйб. — Мону! Они забрали Мону!

Такое ощущение, что мне только что снова врезали под дых. Мона мертва. Она умерла от рака легких несколько лет назад, до того, как мы встретились с Эйбом. Но... У меня перехватывает дыхание...

А потом я моргаю.

Один раз... второй.

В одна тысяча девятьсот шестьдесят втором году я забрала у Моны сигарету. Я сделала это. Я бросила ее на землю и сказала ей, что Ариэль никогда не посмотрит на курящую девушку. Неужели она перестала курить? Из-за меня?

— Эйб, а Мона курит? — спрашиваю я.

— Что? — Его трясет. — Почему ты спрашиваешь об этом? Конечно нет. Ты ведь знаешь это.

— А она когда-нибудь курила?

— Нет! Я не знаю! Я никогда не видел ее с сигаретой.

Я изменила прошлое. Я вернулась назад и спасла Моне жизнь. У меня начинает кружиться голова.

— Она сейчас больна?

На лице Эйба появляется выражение отвращения.

— Серьезно? Ты так легко забыла, что за неделю до Дня испытаний у нее диагностировали лимфому четвертой стадии?

Я перевожу взгляд на здание в противоположной стороне кампуса. Где-то там сейчас находится другая версия меня. Та, что знает Мону. Та, что шокирована ее диагнозом. Та, что любит и утешает Эйба так, как может.

А еще по кампусу бродит Альфа, делая вид, что оценивает студентов, а на самом деле выжидает, чтобы забрать меня. Чтобы использовать меня.

— Эйб, нам нужно поговорить. Они обманывают тебя. — Я оглядываюсь в поисках Альфы, но его не видно.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что они и мне лгали!

— Зачем им врать по поводу бабушки? Это не имеет смысла!

— Потому что они используют тебя! Может, ты просто заткнешься и выслушаешь меня? Кто рассказал тебе о бабушке?

— Альфа.

— Только Альфа? Кто-нибудь подтвердил, что ее действительно забрали? Ариэль? Твой отец? Мама? Хоть кто-нибудь?

Выражение лица Эйба говорит само за себя. Нет. Никто. Он пренебрег одним из самых главных правил получения информации — всегда проверяй, если источник кажется сомнительным. Черт, он ведь это знает!

— Эйб, Альфа — продажный, и он использует организацию, чтобы обогатиться. А знаешь, кто его самый крупный инвестор? Директор Вон. Они оба виноваты в том, что умер мой отец. Я сбежала, потому что обнаружила правду, а правда в том, что...

Неожиданно позади нас раздается треск ветки. Я разворачиваюсь. Боже! Только бы это был не Альфа.

Но нет. Это Катя Британова. Второкурсница, проживающая в моем общежитии. Девушка, которая проводила меня в столовую после того, как закончились мои испытания, и которая подслушала, что Альфа говорил обо мне.

Катя удивленно осматривает меня с головы до ног.

— Аманда! Что, черт возьми, на тебе надето? И что ты тут делаешь? Я оставила тебя в столовой всего десять минут назад. — В этот момент она видит пистолет в руке Эйба, и у нее округляются глаза. Эйб, заметив, что она пялится на него, прячет оружие за спину. — Почему у тебя в руках пистолет?

— Мы просто тренируемся, — отвечает он. — На случай еще одного секретного задания. Они почему-то не уделили особого внимания работе с пистолетом в испытаниях...

— Так значит вы жульничаете, — произносит Катя, вздергивая подбородок.

Я поднимаю руки и делаю шаг вперед.

— Понимаю, это выглядит не очень, но клянусь, мы не жульничаем. А теперь ты должна развернуться и вернуться в кампус. Мне нужно, чтобы ты притворилась, что никогда не видела нас с Эйбом. Ты не понимаешь...

— Вы жульничаете. А ты знаешь кодекс чести. Вы оба знаете. Я вынуждена отвести вас к директору.

Черт!

Эйб поднимает пистолет и целится в Катю.

Что он делает?

В этот момент Катя нагибается и достает нож из ножен, которые всегда висят на ее лодыжке.

О, это плохо. Очень, очень плохо.

— Давай, только попробуй, — глядя ему в глаза, произносит она. — Уверяю тебя, я быстрее.

Я встаю между Эйбом и Катей, расставив руки в стороны.

— Хорошо, вот как мы поступим. — С этими словами я поворачиваюсь к Кате. — Ты опустишь нож, а ты, — умоляющим взглядом посмотрев на Эйба, произношу я, — опустишь пистолет. На счет три. Один. Два. Три.

Никто не двигается. И ничего не опускает.

— Я же сказала, что связана кодексом чести, поэтому обязана отвести вас к директору. И я сделаю это.

— Эйб, опусти оружие, — говорю я. — Катя — нож. Ну же, ребята, не нужно доходить до такого.

Катя прыгает и выбивает ногой пистолет из руки Эйба. Он кричит и сжимает пальцы, но она успевает перехватить оружие.

— К директору, — рычит она. — Пошли.

У меня есть выбор. Я могу достать часы и убратся отсюда. Я не пленница. Но куда мне направиться? Сколько еще я буду бегать? У меня нет плана, а Эйб не имеет понятия, что происходит. Поэтому я подчиняюсь требованию Кати.

— Никогда не думала, что ты такая сучка, — бурчу я.

Это низко, но я слишком зла. По большей части на себя. Катя поступает правильно. Она делает то, что должна делать. В Пиле очень строгий кодекс чести. Если ты поймал кого-то на жульничестве, то должен сдать директору. Если ты этого не делаешь, и об этом узнают, то тебя выкидывают из академии. Без шансов.

Катя не обращает на меня внимания и ведет нас с Эйбом в сторону административного корпуса.

— Ты ведь понимаешь, что дела плохи? — шепчу я Эйбу.

— Понимаю. И будут еще хуже, если нас сейчас увидит Альфа.

— Прекратите разговаривать, — говорит Катя.

— Заткнись, — бросает ей через плечо Эйб. — Ты все равно не ударишь меня ножом в спину.

— Эйб, послушай меня, — продолжаю шептать я. — Ты и правда не знал, что Ариэль связан со Стражей времени?

Эйб смотрит на меня и качает головой.

Я оборачиваюсь. Катя продолжает пялиться на меня.

— Я тоже ничего не знала об Ариэле. И своей собственной семье. Твой отец связан с Стражей?

— Мой отец — адвокат и работает в крупной корпорации. Ты знаешь это.

— На самом деле?

— Да, — практически рявкает Эйб. — Если только коробки, доверху набитые контрактами и лицензионными соглашениями, над которыми он корпит каждый вечер, не являются самым глубоким прикрытием в мире.

В этот момент все встает на свои места. Ариэль разбил цепь. Он не захотел, чтобы его сын — его единственный сын — стал Стражем времени. Должно быть, он знал о том, что Хронометрическая аугментация искалечит его тело, вот почему Ариэль и сам никогда не проецировался. Вот почему он единственный выживший, вот почему отец Эйба не

присоединился к Страже. Поэтому Эйб ничего не знал об этом. И именно поэтому во втором поколении внедрили Альфу — стражей оказалось всего шесть.

Я наклоняюсь к Эйбу, чтобы нас не слышала Катя, и шепотом рассказываю ему свою теорию.

— Не шепчитесь! — кричит она.

Но Эйб не обращает на нее внимания.

— Откуда мне знать, что ты не врешь?

Такое чувство, что меня только что ударили по лицу.

— А я тебе когда-нибудь врала?

Эйб грустно и протяжно вздыхает.

— Прости. Я просто... Я ничего не понимаю. И не знаю, кому доверять. Кому верить.

— Нет, знаешь. — Я протягиваю руку и сжимаю его ладонь.

— Никаких прикосновений! — рывкает Катя.

Эйб отпускает мою руку.

— Эй, помнишь то практическое занятие с Мисси Гарвин? — шепчет он.

Я киваю. Конечно, помню. Первый курс. Мисси Гарвин должна была «сесть мне на хвост». И она в буквальном смысле сделала это, не отходя от меня дальше, чем на три шага. Это ужасно бесило меня. Поэтому я кое-что предприняла. Это один из тех моментов, которые никогда не забываются. И который я сейчас собираюсь пережить вновь.

Я разворачиваюсь и налетаю на Катю. Бью локтем ей в ухо, а свободной рукой хватаю за запястье, скручиваю его и заставляю ее бросить нож на землю.

— Прости! — кричу я, когда она начинает стонать.

Катя подпрыгивает и поднимает кулак, чтобы ударить меня, но Эйб перехватывает его, а следом и вторую руку.

Я настраиваю часы.

— Куда отправимся?

— В настоящее, — отвечает Эйб. — Нам нужно покончить с этим.

Я киваю. Мне не хочется проецироваться без плана, но другого выбора нет. Нас теперь двое. Нас снова двое. Мы справимся.

Эйб разворачивает Катю и отталкивает ее, а потом берет меня за руку. Я закрываю часы, и мы снова разрываем пространство и время.

Мы приземляемся в настоящем. Я вскрикиваю и открываю глаза. А потом вскрикиваю вновь. Прямо передо мной стоит Альфа в сшитом на заказ костюме, который, должно быть, стоил ему несколько тысяч долларов. Интересно, откуда у него на это деньги. За его спиной находится Ред в рубашке с закатанными рукавами. У него на руке большая татуировка — старые добрые звезды и полосы на фоне другого флага с тремя голубыми полосами, двумя белыми и красным треугольником у древка, в центре которого белая звезда.

Кроме Альфы и Реда рядом с нами больше никого нет.

В этот момент Эйб хватается за мою руку и кричит:

— Я привел ее! Я сделал, как вы просили! А теперь отпустите мою бабушку.

Альфа смеется.

— Пока рано. Отойди от нее.

Я чувствую, что Эйб сжимает мое запястье, а потом отпускает его.

— Наша предательница вернулась, — говорит Альфа. Его обычно суровое лицо расслаблено и спокойно. Выглядит очень натурально. Как будто он убедил сам себя в том,

что я и правда предательница. Может быть, он сумасшедший?

— Я нашла вашу записную книжку, — отвечаю я ему.

— Да? — Голос Альфы спокоен, но я замечаю вспышку паники в его глазах.

— Да. Я знаю правду. Знаю, кто такой КИ. — Я киваю головой в сторону административного корпуса, а потом обращаюсь к Реду: — Знаешь, моим отцом был Дельта. Я одна из вас. Я была рождена с этим. Нет никакого эксперимента. Или ты уже об этом знал?

— Ложь! — гневно выкрикивает Альфа. Но у него трясутся руки. Я замечаю это перед тем, как он убирает их за спину.

— А ты знал, что Альфа получает откаты за каждую проданную миссию?

На секунду — на короткую, но такую важную секунду — Ред теряет контроль, и его брови поднимаются вверх. Это объясняет мне все. Ред ничего не знает.

Я смотрю на Альфу. Я доверяла ему. Думала, что он был на моей стороне. Но он не был. Никогда не был. Он врал мне; врал Эйбу; он врет каждый раз, когда открывает рот.

— Вас укут за решетку, — говорю я ему. — Жду не дождусь, когда смогу свидетельствовать против вас.

Альфа смеется, но я слышу, что он нервничает, и вижу, как пытается взять себя в руки.

— О, Ирис. Моя дорогая, милая, абсолютно беспомощная маленькая Ирис. Знаешь почему я так назвал тебя? Ирис — это мифическая богиня радуги. Я видел в тебе потенциал, думал, что ты станешь командиром, возглавишь Стражу времени. — Ред замирает. — Но теперь понимаю, что ты скорее напоминаешь другую Ирис. Нежный и хрупкий цветок, который можно легко раздавить в ладони.

— Вы не отдаете мне должное.

— О нет, я отдаю тебе должное. Я думал, что ты сильная, как твой отец. — Ред снова замирает. — Но я ошибался. Ты не дочь своего отца. Ты пошла в мать. Такая же слабая, нестабильная и совершенно оторванная от реальности, как и она.

Его слова ранят сильнее, чем пощечина. Я откидываю голову назад, страстно желая наброситься на него. Но вместо меня это делает Эйб. Он кидается на Альфу, но тот что-то выхватывает из-за пояса и направляет на Эйба. Один взмах запястьем, и мой парень падает на землю. НЕТ!

Я опускаюсь на колени и, схватив его за руку, ищу рану. Кладу ладони ему на грудь и аккуратно ощупываю. Эйб начинает стонать. Мне нужно найти ее. Нужно прижать. Мне нужно... Импульсы. Это был не выстрел. Альфа применил электрошокер. Он оглушил его.

— Ред, — говорит Альфа. — Хватай ее.

Ред не двигается.

— Я сказал, хватай ее!

— Ее отец и правда был Стражем? — спрашивает он. — Я должен знать, есть ли в ее словах хоть доля правды.

— Нет, все, что ты должен знать — это как выполнять приказы. А теперь хватай ее.

— Он был Стражем! — Я вздрагиваю, когда Эйб начинает корчиться от боли на земле. — Мой отец был Дельтой. Они познакомились с Альфой в Пиле и вместе придумали план, как зарабатывать деньги на миссиях. Это началось еще до того, как я родилась. И, скорее всего, еще до того, как родился ты, Ред.

— А где доказательства? — выкрикивает он, вздергивая подбородок.

— У нее их нет, — отвечает Альфа. Он подходит ко мне, поднимает и толкает к Реду. У

него трясутся руки. — Потому что никаких доказательств не существует.

— Я их видела. Еллоу тоже. — О боже, Еллоу. Пожалуйста, пусть с ней все будет в порядке.

Ред делает глубокий вдох. Я вижу, что он пытается принять решение. Он переводит взгляд с меня на Альфу, а потом снова на меня и, приложив руку к наушнику, произносит:

— Виски Оскар Лима Фокстрот.

Я не знаю, что это означает, но, судя по выражению лица Альфы, Ред верит мне.

— Нет! — кричит он и кидается вперед, но Ред толкает меня за спину. Альфа снова поднимает электрошокер, а Ред выбрасывает вперед руку, чтобы перехватить его. Вновь раздаётся шипение, и Ред с криком падает на землю.

Я отпрыгиваю назад. У меня бешено колотится сердце.

Альфа поворачивается ко мне, и я вижу, что он пытается придумать, что делать дальше. Его взгляд мечется между Редом, Эйбом и мной, а потом Альфа бросает электрошокер, и на секунду мне кажется, что он собирается сдаться.

На очень короткую секунду.

Потому что Альфа достает из кобуры пистолет и направляет его на меня. Я даже не вздрагиваю.

Это делает Альфа. Потому что с воздуха до нас доносится отдаленный звук. *Вуп-вуп-вуп-вуп*. Я узнаю его. Мне даже не нужно смотреть. Это вертолет.

Альфа поднимает голову к небу, а потом опускает ее и кричит:

— Ред!

«Черный ястреб» подлетает все ближе. Я вижу мужчин в черной одежде, которые выглядывают из дверей. А они видят меня. И Альфу. И пистолет, направленный на меня.

Альфа опускает его и бежит через кампус. Я кричу и смотрю на вертолет. Он все еще слишком далеко. Она не сядут по крайней мере еще минуту. У Альфы слишком большое преимущество. Я бросаюсь следом за ним. Это глупо. Он вооружён, а я нет. Но я не могу позволить ему уйти.

Альфа несется через плац как раз в тот момент, когда на него начинают выходить студенты, у которых закончился урок. Я бегу мимо, даже не глядя на них.

Кто-то кричит:

— Что...? Это Аманда Оберманн?

Я не обращаю на это внимание. Альфа залетает в корпус естественных наук. Я отстаю от него всего на несколько шагов. Я с такой силой открываю металлическую дверь, что она ударяется о кирпичную стену. Альфы нигде не видно. Я останавливаюсь и слушаю. Сверху раздаются шаги. Тяжелые шаги, как будто кто-то топает по лестнице.

— Остановитесь! — Бегом поднимаюсь по лестнице и, оказавшись на лестничном пролете, вижу, как он скрывается в химической лаборатории и захлопывает за собой дверь. Я мчусь за ним.

— Вы собираетесь сдаваться? — кричу я, распахивая дверь. — Вы... — Я останавливаюсь. Он стоит прямо передо мной, а его пистолет упирается мне в лоб.

— Руки вверх. И не пытайся перехватить оружие. Я слежу за тобой.

Я медленно поднимаю руки вверх, и у меня пересыхает во рту. Люди и раньше наставляли на меня пистолет, но это всегда было в тренировочных целях. И никогда по-настоящему.

— Не делайте глупостей, — шепчу я.

— Я бы мог посоветовать тебе то же самое, но, кажется, уже слишком поздно. Доставай часы.

Это плохо. Часы — мой единственный шанс исчезнуть.

— *Сейчас же.* — Продолжая держать одну руку поднятой, второй снимаю через голову цепочку с кулоном и отдаю ему. — Спасибо, — говорит Альфа, а потом машет пистолетом, требуя, чтобы я прошла внутрь.

Закрыв дверь, он показывает на ближайший стул. Я с поднятыми руками опускаюсь на него и начинаю осматривать помещение. Хотя я и так знаю, как оно выглядит. Когда-то у меня здесь проходили уроки. Три ряда длинных столов, за каждым из которых по шесть стульев. В передней части класса висит доска, а в задней стоят шкафы.

— Где записная книжка? — спрашивает Альфа.

— В безопасном месте, — отвечаю я, изо всех сил стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно и ровно. Потому что в действительности она лежит в кармане моих джинсов. Какая же я дура, что взяла ее с собой.

— Верни ее.

— Без проблем. Только отпустите меня, и я сразу же принесу ее вам.

— Отличная попытка, — не моргнув глазом, произносит Альфа, но я знаю, что он на грани, так же, как и я. Ему нужна записная книжка, чтобы он мог уничтожить ее. А мне она нужна для того, чтобы уничтожить его.

Альфа подходит к бунзеновской горелке, которая стоит на первом ряду, и включает ее. Она шипит, а через секунду в воздухе начинает витать запах пропана и вспыхивает голубое пламя. Меня охватывает ужас.

— Ну что, вернешь мне ее по-хорошему или по-плохому? — спрашивает Альфа. Его голос изменился. Теперь в нем чувствуется отчаяние.

Я молча смотрю на пламя.

— Где записная книжка?

— У меня ее нет.

Не успеваю я понять, что происходит, как Альфа хватает меня и тащит к первому ряду. Его пальцы крепко сжимают мое запястье. Я начинаю кричать и пинаться, но он прижимает меня к столу, и я не могу пошевелиться. Альфа подносит мою руку к пламени, и оно обжигает ладонь. Я всхлипываю, а по лицу начинают катиться слезы.

— Почему? — бормочу я. — Почему вы делаете это со мной?

В этот момент пламя гаснет, и горелка с грохотом падает на пол. Альфа отпускает меня. Я, тяжело дыша и дрожа, отступаю назад.

Альфа поднимает пистолет и направляет его на меня. Я съеживаюсь. Но только на секунду. Потому что потом я смотрю ему прямо в глаза. В них что-то изменилось. Да, они все так же таят в себе угрозу, но за ней прячется страх и покорность. Мне нужно действовать.

— Отдайте мне оружие, — говорю я, медленно протягивая к нему правую руку.

Он не опускает пистолет, но и не нажимает на курок.

— Пожалуйста, отдайте мне оружие. Мой отец не хотел бы этого.

Альфа моргает, но ничего не говорит.

— Вы с моим отцом были друзьями. — *Пока ты не убил его.*

Я пристально смотрю на руку Альфы. Ту, что держит пистолет. Жду хоть какого-нибудь сигнала, момента колебания или расслабления.

— Я никогда не... — Альфа отводит взгляд в сторону, и я использую этот шанс. Я прыгаю вперед, хватаюсь за пистолет и силой пытаюсь опустить его, но Альфа приходит в себя и вырывается. А потом направляет оружие мне в лоб. Я с шумом втягиваю воздух.

— Прекрати! — кричит он. — Я же сказал, что слежу за тобой!

— Вы не хотите причинить мне вред, — шепчу я. — Знаю, что не хотите.

Он ничего не отвечает, но я понимаю, что права.

Мне вспоминаются тренировочные занятия по переговорам об освобождении заложников, которые у нас проходили в этом кампусе.

— Расскажите мне, что произошло, — тщательно подбирая слова, спрашиваю я. — Почему вы пошли на это. Я знаю, что в этом нет вашей вины. — Это ложь. Он виноват. Но я хочу, чтобы он был на моей стороне.

— Я не могу бороться с ними, — отвечает Альфа. — Они слишком опасны.

Да!

— Кто? Кто слишком опасен?

— ХВ.

По моим рукам пробегают мурашки.

— Что за ХВ?

Альфа качает головой, будто пытаюсь снова собраться силами и стать тем профессионалом, которого я знала, а не женщиной на грани срыва.

— Я не собираюсь впутывать тебя в это.

— Я уже впутана.

— Но не так. — С этими словами Альфа опускает пистолет. Он продолжает смотреть на меня, но сейчас я вижу перед собой другого мужчину. Мужчину, который полон сожаления. Мужчину, который знает, что проиграл. Я протягиваю руку за пистолетом, и он начинает медленно передавать его мне.

— Что, черт возьми, ты делаешь, Джулиан?

За моей спиной открывается дверь. Альфа убирает руку и отпрыгивает назад. Я поворачиваюсь и вижу директора Вона. Узнав меня, он приподнимает седую бровь.

— Здравствуй, Аманда.

Когда-то я восхищалась этим человеком. Хотела быть похожей на него. Он воевал в Корее. Работал шпионом в годы Холодной войны (ну, это не подтвержденный факт, а только слухи). Был консультантом при двух президентах. Он относился к своим студентам с уважением и достоинством. Он выслушивал нас. Давал советы.

И вместе с этим платил за изменение прошлого. А теперь стоит передо мной и даже не пытается отрицать этого.

— Привет, Крести, — говорю я.

Вон удивленно улыбается.

— Аманда, дорогая, я знаю, что мы учили тебя совсем не этому.

— А чему? Не сопротивляться врагу?

— Нет, не быть душой, оказавшись в плену. Тебя ведь могут и убить.

С этими словами все становится ясным, как день. Правда рассеивается в воздухе и оседает в моих легких. Вон — плохой человек. Очень плохой, а ситуация, в которой я нахожусь, очень и очень опасная.

— Садись, — говорит он мне.

— Не садись, — произносит Альфа и поворачивается к Вону. — Все кончено. Разве вы

не видите этого?

— Ничего не закончено, — холодно отвечает Вон. — Ты в деле до самого конца. Ты знал условия, когда соглашался на сделку.

— Я хочу выйти, — говорит Альфа.

— Неужели.

Двое мужчин пристально смотрят друг на друга с такой свирепостью, что у меня перехватывает дыхание. Кто же моргнет первым? Вон.

— Отлично. Можешь уходить.

В этот момент я понимаю, что сейчас произойдет. Я открываю рот, чтобы закричать, но не успеваю издать ни звука, как Вон достает из кобуры на плече «Глок» и стреляет. Альфа падает на пол. Вон пинком выбивает пистолет из его руки, и он приземляется напротив корзины с мусором.

Я начинаю кричать. Альфа собирался сдаться; я знаю это! Я отступаю в сторону и врезаюсь в стол. Вон перекладывает пистолет в правую руку, а левой хватает меня за плечо.

— Заткнись! — говорит он, толкая меня на стул. — Я же сказал тебе сесть.

Я опускаюсь на стул и смотрю на стол. Не на пол. Но краем глаза все равно вижу Альфу, который лежит в луже крови, поэтому я прикрываю глаза.

— Говори, — приказывает Вон. — Я хочу знать все, что знаешь ты. И, пожалуйста, не нужно лгать. Я тридцать лет тренировал секретных агентов, а потом и студентов. Я пойму, что ты врешь.

Он прав. Как же я устала.

— Говори.

— Я нашла записную книжку Альфы и поняла, как раскодировать миссии.

— Хм, очень хорошо. И где она сейчас?

— В безопасном месте. — Наверяд ли мой ответ можно считать ложью.

— Мы с тобой сейчас не в игры играем, — говорит Вон. — Ты рассказываешь мне, где записная книжка, а я пойду и заберу ее.

— А потом что?

— Не торопись. — Вон опускает пистолет и кладет обе руки на стол.

Я передвигаю ладони на колени, а потом под стол, пытаюсь найти хоть что-нибудь, что можно использовать как оружие. Металлический стык, болтающийся шуруп. Черт, да даже карандаш будет лучше, чем ничего. Неожиданно я что-то нащупываю. Клапан. Трубка. Это химическая лаборатория, где проходят факультативы! А значит...

— Руки на стол, — приказывает Вон. Черт. Конечно же он заметил это. Я, не шевелясь, вытаскиваю трубку, а потом кладу руки на стол и, прижав колено к клапану, пытаюсь повернуть его. У меня получается.

— Где записная книжка? — повторяет вопрос Вон. — У тебя тридцать секунд, чтобы ответить мне.

Я не задаю ему глупых вопросов типа «или что?». Вместо этого я полностью откручиваю коленом клапан. Это либо гениальная идея, либо решение, которое отправит меня в могилу в молодом возрасте.

— Я скажу вам, где она, если вы объясните мне одну вещь, — дрожащим голосом произношу я.

Вон поднимает бровь, но ничего не отвечает.

— Почему вы убили Кеннеди?

— Я ожидал от тебя не этого вопроса, — с улыбкой произносит он. — Думал, ты спросишь, не я ли приказал убить твоего отца во время миссии. И да, это был я. — Я даже не моргаю. Он пытается поймать меня врасплох. У меня внутри все сжимается, а к горлу подступает тошнота.

— Отвечайте на вопрос!

— Ты не в том положении, чтобы требовать, Аманда, — смеется Вон.

— Нет в том. Вы хотите знать, где записная книжка, я не против вам подсказать, где ее искать. Вам только нужно...

— Потому что! — кричит Вон. — Потому что Кеннеди нужно было убрать, если мы хотели вторгнуться во Вьетнам. В одна тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году он вел переговоры о выводе наших войск. Нам нужен был Джонсон, чтобы произошел Тонкинский инцидент и конфликт обострился. Я знал, что Игл мог заработать на этой войне кучу денег, поэтому изучил кучу секретных документов и на основании их сделал обоснованное предположение.

— Вы убили президента из-за предположения?

— Обоснованного предположения. Которое оказалось правильным.

У меня кружится голова. Покачнувшись, я соскальзываю со стула. Мои руки лежат на полу, всего в нескольких дюймах от лужи крови. Вон только что мне все рассказал. Он не собирается отпускать меня отсюда живой.

Внезапно внизу, во дворе, раздается гул голосов. Вон в мгновение ока оказывается возле окна. Я знаю, что он видит. Подкрепление. Мужчин из вертолета. Они, наверное, сейчас штурмуют здание. Но у меня нет времени на то, чтобы ждать их. Вон направляет на меня пистолет и взводит курок.

— На вашем месте я бы этого не делала, — говорю я, вставая. — Видите ли, мне удалось открыть водородный клапан, и сейчас эта комната медленно наполняется газом. Вы же помните, что происходит, если смешать водород, кислород и огонь?

Вон неверяще смотрит на меня и в какую-то долю секунды оказывается рядом. Он наклоняется под парту, что удостовериться в моих словах, а я, даже не раздумывая, поднимаю локоть и опускаю на его шею.

Вон падает на пол. Я знаю, что должна обезоружить и обездвижить его, но мои инстинкты заставляют меня пятиться к двери. Директор приподнимается и резко дергает меня обратно. Покачнувшись, я падаю на четвереньки. Из заднего кармана выпадает записная книжка. Я вскрикиваю. Вскрикивает и Вон. Он отталкивает меня с дороги и бросается к ней. Я обхватываю его за голову и тяну назад. Но его руки длиннее. Он сжимает пальцами записную книжку, а потом пихает меня и поднимается.

Я отлетаю к корзине с мусором, рядом с которой лежит пистолет Альфы; хватаю его, взвожу курок и направляю на водородный клапан.

— Бросьте ее! — приказываю я.

— Если ты выстрелишь, то убьешь нас обоих.

— Думаете, я не сделаю этого?

— Именно так я и думаю.

В коридоре громко хлопает дверь. Подкрепление! Вон бежит к окну. Он собирается выпрыгнуть. Собирается исчезнуть.

Я, не раздумывая, нажимаю на курок, и в комнате раздается взрыв. Меня отбрасывает назад. Я врезаюсь в дверь. Она открывается, и я падаю на пол в коридоре. Ко мне спешат

черные ботинки. Перед глазами все кружится. Я узнаю голос. Эйб. Здесь Эйб. Он рядом со мной, кричит и дотрагивается до моего лица. Это последнее, что я помню.

Глава 28

Я прихожу в себя в машине скорой помощи. Такое ощущение, что кто-то стукнул меня молотком по вискам. Дверь автомобиля открыта, поэтому я вижу, что он припаркован посреди плаца в Пиле.

— Привет, — раздается тихий голос рядом со мной. Мне не нужно смотреть, чтобы узнать его.

— Эйб, — шепчу я. — Что произошло?

Его лицо склоняется над моим. Он выглядит старше. Под глазами темные синяки, а на лице грязь. Нет. Не грязь — копоть. Взрыв. Я резко втягиваю воздух, когда обо всем вспоминаю.

— Альфа? — спрашиваю я.

— Мертв, — сквозь зубы, отвечает Эйб.

Я закрываю глаза и сжимаю их так крепко, как только могу.

— Он пытался сдаться. Он... кажется, ему действительно было жаль.

Жизнь — это не только белое и черное. Даже и близко нет. Существует много оттенков серого, которые разбавляют спектр. Альфа не был на светлой стороне, но и темной он тоже не принадлежал. Теперь я начинаю понимать это. Он просто был человеком, которого втянули в то, что он не смог контролировать. То, что он совершил, невозможно простить, но мельком я видела, каким мужчиной он мог бы стать, сделав правильный выбор. Я открываю глаза и смотрю на Эйба.

Несколько секунд он молчит.

— Если тебя это утешит, то Вон выжил. Он серьезно ранен, но будет жить, чтобы ответить за свои преступления. — У Эйба меняется выражение лица. — Закрой глаза!

Я без вопросов выполняю его просьбу, и через несколько секунд он, наконец, говорит:

— Чисто.

Я открываю глаза и поднимаю бровь.

— Следователи. Несколько десятков. Государственные, федеральные и с таких верхов, что ты даже представить себе не можешь. Они все хотят поговорить с тобой. Но я решил, что тебе захочется немного побыть одной.

— Поговорить со мной? Ты имеешь в виду допросить?

— Скорее всего.

— Мое слово против слова Вона? — Я снова крепко закрываю глаза. — Ничего не изменилось.

Эйб переплетает наши пальцы, а потом подносит мою руку к губам и целует.

— Все изменилось. Они нашли записную книжку. Наполовину сгоревшую, но на второй половине сохранились номера и даты. Теперь они пытаются расшифровать, что они означают. К тому же сейчас, пока мы говорим, уже допрашивают Стражу времени. Под следствием находится Вон, но не ты.

Я думаю о том, что сказал Альфа перед... смертью. «ХВ знает». ХВ. Интересно, это как-то связано с Воном и «Игл Индастрис»? Скорее всего. Зачем бы тогда Альфа упоминал об этом? Может быть, в записной книжке есть запись об ХВ?

Неожиданно снаружи раздается чей-то голос. Сердитый и серьезный голос.

— Мне наплевать, что вы не хотите пропускать меня; я все равно пройду. Так что

отойдите в сторону.

Возле машины скорой помощи появляется Ариэль.

— Абрахам, помоги мне залезть, — говорит он. Эйб протягивает руку своему дедушке и затягивает его в кабину. А потом я чувствую, как теплые знакомые руки Ариэля обнимают меня так крепко, будто он — моя семья. И неожиданно я понимаю, что это так. Он — моя семья. Был и всегда будет. Я обнимаю его в ответ.

— Вы пришли сюда ради меня, — восклицаю я.

— Да, но я также подвел тебя. С первой секунды, как Абрахам позвонил и сказал, что познакомился с девушкой, я знал, кто ты. Я знал и не сказал тебе. Ты была права. Я знал, что Стража собирается забрать тебя, хотя и не думал, что это произойдет так скоро. — Он переводит взгляд на Эйба. — Я знал, где она была, но не сказал тебе. — В его глазах читается грусть и сожаление.

— Ты не знал, чем занимался Альфа, — твердо говорит Эйб.

— Не знал.

— Наверное, мне стоило рассказать вам об этом в одна тысяча девятьсот шестьдесят третьем году, — слабым голосом произношу я. У меня пересохло во рту, поэтому я сглатываю. — В этом случае вы могли бы остановить Альфу с самого начала. И мой отец...

— Давай не будем о твоём отце. Я не хотел, чтобы ты что-то мне рассказывала, потому как не желал, чтобы это повлияло на мое будущее поведение. Я рад, что ты не сделала этого, и мне удалось понаблюдать за тремя поколениями организации. Без всякого сомнения, сейчас я больше не верю в нее и буду бороться за то, чтобы ее расформировали.

— Но вы ведь основали ее!

— Когда был молодым и очень наивным. В те времена я думал, что изменение прошлого было правильной вещью. Но больше я так не считаю. Вот почему я не позволил своему сыну вступить в Стражу и вот почему позвонил самому президенту, когда узнал, что они забрали Абрахама.

Эйб берет меня за руку.

— Но теперь я в Страже. Если Аманда Страж, то и я тоже.

— Нет, — говорит Ариэль. — Ты возвращаешься в академию и продолжаешь вести обычную жизнь.

— Дедушка! — протестует Эйб.

Ариэль берет меня за руку и сжимает ее.

— Я не могу решать за тебя, но надеюсь, что ты сделаешь правильный выбор. — С этими словами он встает, насколько это возможно в машине скорой помощи, и пятится к двери.

— Мы еще поговорим об этом! — кричит ему Эйб.

— Да, поговорим, — выбираясь из автомобиля, отвечает Ариэль.

Эйб поворачивает голову и наклоняется ко мне.

— Я сказал то, что думал. Если ты остаешься, то и я тоже.

— Я не знаю, что буду делать, — шепчу я. Это правда. В голове крутится миллион мыслей. Об Альфе, Еллоу, Ариэле и Эйбе. А я хочу, чтобы они все исчезли. Просто исчезли.

— Эйб, я не могу так поступить с тобой.

Он берет меня за руку.

— Если это то, чего ты хочешь, то мы вместе будем Стражами времени. Если ты не хочешь быть Стражем, то мы вместе будем агентами ЦРУ. А если тебе все надоело, то мы

просто будем вести нормальную жизнь. Пойдем учиться в университет. А однажды у нас появится свой дом. Твой и мой.

Было время, когда эта мысль взволновала бы меня. Но теперь я не знаю. Я больше ничего не понимаю.

— Абрахам! — грохочет снаружи голос Ариэля. — Выходи! Сейчас же!

Эйб сжимает мою руку. В его глазах стоят слезы.

— Я найду способ, чтобы мы были вместе. Найду, Аманда.

Я киваю, не зная, как сдержать слезы. Эйб отпускает мою руку и, попрощавшись, исчезает.

Я начинаю плакать и даже не пытаюсь остановиться. Я оплакиваю отца, мать, Еллоу, себя и даже Альфу. А особенно Эйба. Вселенная будто не хочет, чтобы мы были вместе. А я не знаю, сколько еще смогу бороться с ней.

Эйб ушел. Он ушел. Я не знаю, когда мы увидимся вновь. И увидимся ли вообще.

— Эйб! — кричу я ему вслед.

Но он не отвечает. Вместо этого раздаются чьи-то голоса. Много голосов. А потом в машину скорой помощи втискиваются министр обороны, директор АНБ, советник по Национальной безопасности, директор ФБР и вице-президент и закрывают дверь.

Глава 29

Я не возвращаюсь в штаб Стражи времени. Не хочу. Я так устала. Я потеряла своего командира, парня и, возможно, даже подругу. Всю ночь мне задавали вопросы. Сейчас семь часов утра. Я не спала с тех пор, как мы покинули Даллас, и не хочу больше думать о Воне, КИ, ХВ и обгоревшей записной книжке. Я просто хочу пойти в Центральную Массачусетскую больницу. Так я и делаю.

— Моя подруга получила огнестрельное ранение, — говорю я очень серьезной женщине-регистратору с вьющимися волосами, которая сидит за компьютером. — Мне нужно найти ее.

— Как ее зовут? — спрашивает она и кладет пальцы на клавиатуру.

Я открываю рот, а потом закрываю его. Потому что не знаю. Сомневаюсь, что она лежит под именем «Еллоу». Но потом вспоминаю душераздирающие крики Индиго. И как он ее звал. Имя, которое он выкрикивал снова и снова.

— Элизабет. Ее зовут Элизабет.

— А фамилия? — раздраженно интересуется женщина.

— Я не знаю фамилию.

Женщина убирает пальцы с клавиатуры.

— Полагаю, вы не такие уж и друзья. Я ничем не смогу вам помочь, если вы не знаете фамилию.

Мне приходится очень постараться, чтобы сдержаться. Я устала. Мне больно. Я потеряла практически три месяца своей жизни. Лишилась парня. Отца. Друга отца. Всех. И всего. Я не имею понятия, жива ли Еллоу. Я вот-вот взорвусь. Мои руки сжимаются в кулаки.

— Ирис!

Я резко поднимаю голову.

— Индиго!

Я отталкиваюсь от стойки и бегу к нему. Прямо в руки. Он обнимает меня и крепко прижимает к себе.

— Как она? — уткнувшись ему в плечо, спрашиваю я.

— Она в порядке, — торопливо отвечает Индиго уставшим и одновременно обеспокоенным голосом. — Им пришлось незамедлительно сделать ей операцию, но теперь все хорошо.

— Мне так жаль. Это была моя вина. Мне следовало остаться, когда я узнала правду. Тогда никто не стал бы преследовать меня и никого бы...

Индиго прижимает палец к моему рту.

— Прекрати. Ты ни в чем не виновата.

— Но...

— Ни в чем. — Он отступает назад и смотрит мне в глаза. — Твой отец и правда был Стражем времени?

— Да.

— Мне всегда хотелось верить, что ты хороший человек. В глубине души я знал это. Ты бы не стала делать то, в чем обвинил тебя Альфа. Все эти месяцы преследования я надеялся, что мы не найдем тебя. Что ты просто исчезла, чтобы жить где-нибудь счастливой и свободной.

— Не было бы никакого счастья и свободы, пока я не закончила бы это.

Индиго кивает.

— Все меняется. Я даже не знаю, что теперь будет со Стражей. Будем ли мы и дальше существовать. У нас нет командира. Может быть, когда все станет ясно, ее согласится возглавить мой отец, но я не знаю. Не знаю, хочет ли он. Такое ощущение, что в последние дни мы мрем, как мухи. Блу ушел.

Наверное, мне стоило бы удивиться. Но нет. Блу всегда этого хотел. С того самого дня, как его предали в День испытаний на втором курсе.

— Тайлер, — говорю я. — Его зовут Тайлер. А меня Аманда. Не Ирис.

— Рад познакомиться с тобой, Аманда. Я — Ник, — протянув руку, отвечает он мне.

Ник. Я повторяю его имя про себя несколько раз. *Ник. Ник.* Как непривычно оно звучит.

Позади нас кто-то откашливается. Мы с Индиго — Ником — поворачиваемся и видим Зета. Он выглядит так, будто состарился на двадцать лет с момента нашей последней встречи. У него очень уставшие глаза, в волосах появилось больше седины, а лицо избородили морщины.

— Ее только что перевели в палату. Она проснулась и спрашивает тебя.

Индиго отпускает мою руку.

— Мне нужно идти. — Я киваю. Он начинает идти по коридору, но Зета хватает его за руку и останавливает.

— Я имел в виду тебя, — произносит он, глядя прямо на меня. — Она спрашивает тебя.

— Меня?

— Я покажу тебе куда идти.

Мы молча тащимся по коридору, но внезапно меня осеняет мысль. Я замираю, и Зета с Индиго делают то же самое.

— Где вы были? — спрашиваю я Зета.

— В одна тысяча девятьсот сорок втором году, — скорчившись, отвечает он. — В последнюю минуту Альфа отправил меня на миссию, которая оказалась пустышкой. — На его лице появляется выражение боли, и он отходит, как будто ему слишком тяжело стоять и говорить об этом. Зета останавливается возле лифта. Двери открываются, и мы заходим. Зета

нажимает на кнопку четвертого этажа.

— Мне нужно было понять по его поведению, что что-то не так. Мне не стоило уходить. Нужно было остаться здесь и...

Он не заканчивает свою мысль. Я отвожу взгляд. Мне жаль, что я спросила. Теперь он будет до конца жизни винить себя за то, что был на мнимой миссии, когда подстрелили его дочь.

Мы выходим из лифта и останавливаемся перед стеклянной дверью со звонком на стене. Зета сканирует карточку и открывает ее для нас. Мы оказываемся в отделении интенсивной терапии. Все двери в нем сделаны из стекла, а комнатки очень маленькие. Я сразу вижу Еллоу. Она в третьей палате — лежит на кровати и пялится в потолок. Выглядит ужасно. Под глазами фиолетовые синяки, а лицо белое, как простыни, на которых она лежит. Еллоу поднимает взгляд и видит, что я смотрю на нее через стекло. Я открываю дверь и захожу, по пути замечая на стене табличку с именем, написанную стираемым маркером.

Элизабет Мастерс

Для меня она всегда будет Еллоу. А Индиго — Индиго. Да и они, скорее всего, будут звать меня Ирис. Потому что это то, кто мы есть.

— Привет, — шепчу я.

— Пожалуйста, скажи, что все закончилось. Скажи, что меня ранили не просто так.

— Все закончилось.

Хотя, это и близко не так. Расследование даже еще не началось. Но Еллоу незачем беспокоиться в таком состоянии.

— Это хорошо, — кивает она и закрывает глаза, чтобы открыть их через несколько секунд. — Если тебе интересно, то когда в тебя стреляют, это очень больно.

— Я догадываюсь.

— Значит, то был твой парень?

— *Был* мой парень. — Эти два слова кажутся такими неправильными.

— Вы расстались?

— Нет... Может быть... Нет, я не знаю, что произошло.

— Теперь ты будешь встречаться с моим братом?

Я поворачиваюсь и смотрю на стеклянные двери, за которыми, сложив на груди руки, стоят Зета и Индиго и наблюдают за нами. Индиго улыбается мне, а я — ему. После этого я снова перевожу взгляд на Еллоу.

— Нет. Твой брат отличный парень, но нет. Мы друзья. К тому же, когда он говорит, ему нравится показывать пальцами кавычки. Я бы никогда не стала встречаться с парнем, который так делает.

Тем более, между мной и Эйбом еще ничего не закончилось. Наплевать на вселенную. Наплевать на дом. Мы найдем способ быть вместе.

— Вот и отлично, — говорит Еллоу. — Было бы очень странно, если бы моя подруга встречалась с моим младшим братом.

— Так, значит, мы подруги?

— Ну да. Я приняла за тебя пулю.

— Технически, это не так, — замечаю я. — Просто Блу немного запаниковал.

Еллоу улыбается, но я вижу, что она с трудом держит глаза открытыми.

— Отдыхай. Я очень рада, что тебя сегодня не убили.

— Так же, как и я. — С этими словами она опускает веки и засыпает.

Я тихо закрываю за собой дверь. Зета протягивает руку и сжимает мое плечо.

— И что теперь? — спрашиваю я.

Зета сглатывает, а потом пожимает плечами.

— Ты возвращаешься в штаб-квартиру Стражи. Ну а я... я найду, куда пойти.

— Что? Почему?

— Я тоже нахожусь под следствием. Все наше поколение проверяют тщательнее, чем ваше, — с легкой улыбкой на лице отвечает он. — Мой поколение. Кажется, я теперь его единственный представитель.

У него такие грустные глаза, что я отвожу взгляд. Сегодня мне больше не хочется видеть разбитых людей.

— До окончания расследования мне нельзя приближаться к штаб-квартире ближе, чем на пятнадцать метров.

Я ничего не говорю и просто люблюсь своими ботинками.

— И кстати, — продолжает Зета, — следствие покажет, что я ничего не знал о делах Альфы.

Я поднимаю на него глаза. Он смотрит на меня тревожным напряженным взглядом. Но за ним скрывается мягкость и беспокойство.

— Вы знали моего отца, — говорю я, полностью меняя тему разговора.

— Да, знал. И очень хорошо. С детства.

— И? — спрашиваю я, переводя взгляд с Зеты на Индиго и обратно.

— До сегодняшнего дня я был не в курсе, что ты дочь Дельты. Я хочу, чтобы ты знала это. Я ни разу не видел тебя до того, как ты появилась у нас. Твоя мама рьяно ограждала тебя. Она полностью обрубилась все связи с нашим миром, и теперь я понимаю, что это было правильным решением.

Я сглатываю ком в горле.

— А что если я не хочу больше иметь ничего общего со Стражей времени?

— Это твой выбор. Но лично я буду разочарован. Ты хороший Страж. Пусть мы разбиты, а из наших ран сочится кровь, но мы будем продолжать делать свое дело.

Я киваю.

— Я хочу вернуться. — Это правда. До этого момента я не понимала, что это так. Я съезжу в Вермонт, налажу отношения с мамой, а потом вернусь. Стража времени — это часть меня. Она в моей крови. Она — это я. К тому же, я должна доказать, что люди по фамилии Оберманн могут жить и служить честно. — Но что если остальные не захотят, чтобы я возвращалась?

— Конечно же мы хотим! — восклицает Индиго.

— Но я нарушила все правила. Я проецировалась перед людьми. Перед кучей людей. Я меняла прошлое.

— Естественно, что ты меняла прошлое, — произносит Зета. — Именно этим мы и занимаемся. В самом начале мы говорили тебе, что «подправляем, а не изменяем», но на самом деле это одно и то же. Даже самое незначительное подправление способно изменить прошлое так же, как и непосредственно физическое вмешательство. Мы просто пытаемся делать это так, чтобы не менять мир к худшему.

— Значит, изменение прошлого — это нормально.

— Может быть нормальным.

— В таком случае мне нужно кое о чем с вами поговорить. Наедине. Это важно.

Зета вздыхает и поворачивается к Индиго.

— Иди к сестре.

— Что? — Индиго поворачивает голову в сторону стеклянной двери. — Но она спит.

— Мне все равно. Иди к ней. Сейчас же.

Мы ждем, когда за ним закроется дверь, а потом я спрашиваю у Зеты:

— Какой у вас уровень секретного доступа?

Зета удивленно поднимает бровь.

— Какой он у меня был или сейчас? Если тебе нужен доступ к засекреченной информации, то я ничем не могу помочь.

— Я говорю не о паролях и логинах. Какой у вас уровень доступа в зданиях? Например, в этой больнице?

— А. — Зета медленно наклоняет голову и отстегивает от пояса обычную белую карту-ключ, с помощью которой мы прошли в отделение интенсивной терапии. — Они забыли забрать ее у меня, но могут понять это в любую секунду. Ты уже видела, какие двери она открывает. Уверен, если бы мне захотелось, я бы мог пройти в хирургическое отделение, чтобы понаблюдать за операцией на мозге.

— Можно мне одолжить ее у вас на несколько часов? — протянув руку, интересуюсь я. — У меня есть одно незаконченное дело, о котором нужно позаботиться.

Зета колеблется всего одну секунду, а потом вручает мне ключ.

— Я доверяю тебе.

— Спасибо, — шепчу я, сжимая его в ладони, и покидаю отделение интенсивной терапии.

Глава 30

В этот раз я надеваю более подходящую одежду — платье, которое было на мне во время Бостонской бойни и корсет. Корсет не был добровольным выбором. Я попыталась стянуть платье без него, но, черт возьми, кажется, оно стало еще меньше, чем несколько дней назад. Вернее, несколько месяцев назад.

Черт.

Мне придется привыкать к тому, что сейчас февраль, а не ноябрь. На запястье я застегиваю новый браслет с подвесками. Его купила мне мама. Она здесь. В Бостоне. Остановилась в «Омни Паркер-хаус» на время, пока не появится место в «Маклин», где проводится лучшая в стране программа по лечению биполярных расстройств. И это всего в двенадцати километрах отсюда.

Она так плакала, когда я позвонила ей из больницы. Ей было жаль, мне было жаль, и хотя нам еще работать и работать над отношениями, «Маклин» — это начало. Доза лития два раза в день — это начало. Так же, как и мое искреннее извинение. Так же, как совместная терапия и программа реабилитации последствий посттравматического синдрома. Ну а самое главное начало — это одна подвеска на моем браслете. Птица. Но не в клетке. Птица, свободная от груза прошлого и парящая в будущее.

Мы уже проходили это с мамой, но сейчас все ощущается по-другому. В этот раз мне кажется, что у нее есть цель. Так же, как у меня.

Я приподнимаю подол платья и тихо спускаюсь по лестнице. В библиотеке за компьютером сидят две следовательницы, и мне не хотелось бы, чтобы они меня увидели. Идеально. Никого нет.

Я делаю несколько шагов, стуча каблуками по деревянному полу, и неожиданно вижу,

как из-за спинки кресла приподнимается Эйб.

Я резко останавливаюсь и вскрикиваю, когда мы встречаемся взглядами.

— Что ты тут делаешь? — спрашиваю я.

— Живу.

У меня отвисает челюсть.

— Хочешь сказать, что ты остаешься? Теперь ты будешь Стражем времени?

— Полагаю, именно это я и сказал.

— Но как же Ариэль? — Мне ведь это не снится?

— Ариэль сказал мне одно, а отец другое. Папа знает о Страже. Всегда знал. Думаю, он был немного обижен, когда Ариэль запретил ему вступать в Стражу. Отец думает, что это большая честь и что физический риск сейчас не настолько страшен, как несколько поколений назад. Так что у меня есть его благословение.

— И теперь ты живешь здесь, — говорю я, но мой мозг с трудом пытается осознать это.

— У тебя что, всегда были проблемы со слухом?

Я бегу. Поднимаю подол черного платья и бегу. Прямо к Эйбу. Бросаюсь в его объятия и обхватываю за шею.

— Ты здесь, — шепчу я. — Ты правда здесь. Чтобы остаться.

Он опускает руки мне на талию и упирается своим лбом в мой.

— Я думала, что ты собираешься порвать со мной, — говорю я.

— Ни за что.

Я целую его. Как же я скучала по нежности его поцелуев и мягкости его губ. Не знаю, сколько мы уже стоим, обнявшись, но мне наплевать на время.

— Что на тебе за одежда? — в конце концов отстранившись от меня, интересуется Эйб.

— О. — Я смотрю на свое платье: на ограничивающие движения пышные юбки и корсет. — У меня осталось одна последняя миссия, после которой я смогу оставить все произошедшее в прошлом. — Я поднимаю простой бумажный пакет, который сжимаю в руке.

— Что это? — спрашивает Эйб.

— Пенициллин. Я стащила его из больницы.

— Это считается уголовным преступлением?

— Наверное. Но у меня благая цель. В одна тысяча семьсот восемьдесят втором году живет маленькая девочка, которой он очень нужен. А я обещала помочь ей. Ты будешь ждать меня?

Эйб улыбается.

— Всегда.

Он берет меня под руку и ведет к гравитационной камере. Я набираю код, который мне дали утром — они теперь меняют его каждые двенадцать часов, не говоря уже о том, сколько форм мне пришлось заполнить, чтобы эта миссия была одобрена — и открывается дверь, за которой скрывается полная темнота.

Я сжимаю руку Эйба, зная, что он будет здесь, когда я вернусь. Как он и обещал. Как это будет всегда. А потом проецируюсь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Notes

[

←1

]

(пер. англ. — радость)

[

←2

]

Музей Изабеллы Стюарт Гэрднер — частная художественная галерея, расположенная в стилизованном под венецианское палаццо здании в Бостоне.

[

←3

]

Говерт Флинк — голландский живописец, известен как портретист, мастер исторической картины, один из художников Золотого века голландской живописи.

[

←4

]

Лимбо — ковбойский танец-игра, первоначально возникший в Тринидаде и Тобаго, заключается в проходе человека под заранее установленной планкой.

[

←5

]

Hole — американская альтернативная рок-группа, основанная в 1989 году Кортни Лав и Эриком Эрландсоном.

[

←6

]

Далее МТИ.

[

←7

]

Радиационная лаборатория

[

←8

]

Экзотическая материя — понятие физики элементарных частиц, описывающее любое (как правило, гипотетическое) вещество, которое нарушает одно или несколько классических условий, либо не состоит из известных барионов.

[

←9

]

Кротовая нора, также «кротовина» или «червоточина» — гипотетическая топологическая особенность пространства-времени, представляющая собой в каждый момент времени «туннель» в пространстве.

[

←10

]

Кейп-код — традиционный тип североамериканского сельского (загородного) дома XVII–XX веков. Характеризуется в первую очередь симметричностью фасада, деревянной наружной отделкой или деревянным каркасом, мансардными выступающими окнами. Название дано по полуострову Кейп-Код, где селились первые переселенцы из Англии.

[

←11

]

Мезу́за — прикрепляемый к внешнему косяку двери в еврейском доме свиток пергамента духсустуса из кожи ритуально чистого (кошерного) животного, содержащий часть текста молитвы Шма.

[

←12

]

Рош Ха-Шана — еврейский Новый год, который празднуют два дня подряд в новолуние осеннего месяца тишрей (тишри) по еврейскому календарю (приходится на сентябрь или октябрь). С этого дня начинается отсчёт дней нового еврейского года.

[

←13

]

Пол Ревёр (1734–1818) — американский ремесленник, серебряных дел мастер во втором поколении. Один из самых прославленных героев Американской революции.

[

←14

]

Прим. пер: Сердце человека состоит из четырёх камер, разделённых перегородками и клапанами.

[

←15

]

Мэйсис — одна из крупнейших и старейших сетей розничной торговли в США.

[

←16

]

Международный аэропорт имени генерала Эдварда Лоуренса Логана — аэропорт в Восточном Бостоне недалеко от города Бостон, Массачусетс, США, один из 20 самых загруженных аэропортов США.

[

←17

]

В 1866 г. некая Мери Бекер основала церковь "Христианская наука" (Christian Science). Ее приверженцев называют также сциентистами.

[

←18

]

Миноритарный акционер — акционер компании (физическое или юридическое лицо), размер пакета акций которого не позволяет ему напрямую участвовать в управлении компанией (например, путём формирования совета директоров). Такой пакет акций называется «неконтролирующим».

[
←19

] Прим. пер. Игра слов: пер. англ. eagle (игл) — орел.

[
←20

] Прим. пер.: сеть торговых центров в штате Массачусетс.